Pmp.
5924

Russ. 2990 412

РУСКАЯ ИСТОРІЯ,

СОЧИНЕННАЯ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе третіе.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи.
1818.

Glinka, Sergej Nikolaevič

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Сентября 23 го дня 1818 года. *П. О. Професоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*

Народна библиотека София
Bayerische Staatsbibliothek München

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Возраженія на мнѣнія о произхожденіи Руссовъ, или Рускихъ и примѣненіе Исторіи къ пользѣ семейственной и общественной.

Введеніе мое въ Рускую Исторію и первые листы Рурикова княженія противурѣчатъ мнѣнію иностранныхъ писателей, утверждающихъ, что *Руссы* не старожилы Россіи. Сиіфридъ *Баеръ* причисляетъ Рускихъ къ поколѣнію *Шведовъ*, основываясь на разсказѣ, почерпнутомъ изъ *Бертенской* Лѣтописи.

Предложимъ сей разсказъ.

„Греческій Царь *Ѳеофилъ* вмѣстѣ съ послами своими отправилъ къ *Людовику* Благодушному людей, именовавшихъ себя *Россами*, и увѣрявшихъ,

что Царь ихъ *Хаканъ* препоручилъ имъ утвердить дружественныя связи съ *Людовикомъ*.

„Θеофилъ просилъ Людовика, чтобы онъ позволилъ имъ возвратиться въ отечество чрезъ его области; ибо мѣста, чрезъ которыя пришли они въ Царьградъ, населены *жестокосердымъ* и *дикимъ* народомъ. По внимательномъ изслѣдованіи, Людовикъ узналъ, что люди, называвшіеся *Россами*, суть *Шведы* или *Свеоны*. Въ то же время, возымѣвъ подозрѣніе, что они не послы, но *лазутчики*, покушавшіеся обозрѣть чужія области, Людовикъ задержалъ сихъ подозрительныхъ людей и увѣдомилъ *Θеофила*, что онъ съ должною почестью отправитъ ихъ въ отечество, ежели они окажутся добрыми людьми.“

Оказались ли они добрыми людьми и что съ ними произошло, Лѣтопись *Бертеневская* о томъ молчитъ.

Изслѣдуемъ сей разсказъ.

Мнимые послы, назвавшіеся *Россами*, увѣряли, что они проходили черезъ области, населенныя *дикимъ* и *жестокосердымъ* народомъ, не упоминая ни о названіи странъ, ни о имени народа. Естьли они были *Шведы* или *Рослагенцы*, жители разбойническаго *Упландскаго* берега, то что препятствовало симъ отважнымъ мореходцамъ отправиться любимымъ своимъ путемъ, то есть, водою?

Спросимъ также: изъ чего заключаютъ, будто бы области, по словамъ сомозванцевъ пословъ, населенныя *дикимъ* и *жестокосердымъ* народомъ, суть области нынѣшней Россіи? Они были въ Царьградѣ за 23 года до призванія *Рурика*; но извѣстно, что за долго до сего времени существовали въ Россіи селенія и города. Извѣстно, что *Варяги* и *Славяне* производили съ Греками ежегодную торговлю, и что *Руссы*, въ той же торговлѣ участвовавшіе,

сообщили *Черному морю* званіе *моря Рускаго*. Византійскій писатель *Никифоръ Григора* свидѣтельствуетъ, что имя *Руссовъ* извѣстно было уже и въ *четвертомъ* столѣтіи. Кромѣ Никифора Григоры и другіе иностранцы, Н. П. *Кранцій*, Іоаннъ *Магнъ*, *Локценій* и *Мессеній*, писали о извѣстности Россовъ или Руссовъ до девятаго вѣка. *Должно* прибавить, что почти такая же повѣсть, какую разсказываютъ о людяхъ, назвавшихся въ Царьградѣ *Россами*, находится и въ *Византійскихъ* извѣстіяхъ о *Славянахъ*. Наконецъ, слово *Хаканъ*, которымъ называли мнимые послы владѣльца своего, есть, по свидѣтельству самаго *Байера*, слово *Турецкое* или *Козарское*. Какимъ же образомъ на семъ темномъ и неосновательномъ разсказѣ основать бытіе цѣлаго народа?

Несторъ, почитаемый достовѣрнѣйшимъ описателемъ Рускаго Сѣвера, явственно свидѣтельствуетъ о существованіи *Руссовъ* въ *Руси*.

Во первыхъ: Въ исчисленіи народовъ, населявшихъ *полуночную* или *сѣверную* Россію, Несторъ въ началѣ всѣхъ другихъ племенъ полагаетъ *Русь.*

Во вторыхъ: Означая данниковъ *Руси* или *Руссовъ*, онъ говоритъ: „*И се суть языцы, иже дань даютъ Руси.*" Какія же племена были данниками *Руси?* Несторъ отвѣчаетъ: *Чудь, Весь, Меря, Мурома, Ямь, Мордва, Печера, Литва, Зимегола, Корсь, Нерома, Ливь.* Кому сіи племена, жившія на обширномъ пространствѣ Сѣверной Россіи, платили дань? *Руси* или *Рускимъ.* Гдѣ же *Русь* или *Руссы* обитали? *Болтинъ* и *Татищевъ* отвѣчаютъ: они жили въ нынѣшней Новогородской области. Какимъ нарѣчіемъ объяснялись данники *Руси?* Несторъ опять утвердительно говоритъ: *у нихъ былъ свой языкъ.* Какой же языкъ употребляли *Руссы?* Тотъ же, какимъ и *Славяне* объяснялись. *Славянскій языкъ* и *Рускій*, пишетъ Несторъ, *нераздѣленъ.*

Тѣсное сношеніе *Русвовъ* и *Славянъ* съ *Варягами* не удивительно потому, что и нѣкоторыя изъ племенъ Варяжскихъ говорили Славянскимъ языкомъ. Такъ повѣствуютъ Рускія преданія, и то же самое подтверждаетъ иностранный писатель *Іоаннъ Перинскіолда*. По свидѣтельству его, Славянскій языкъ былъ въ употребленіи у прибрежныхъ жителей Балтійскаго моря. Другіе писатели свидѣтельствуютъ, что все пространство отъ Средиземнаго до Балтійскаго моря населено было *Славянскими племенами*. И здѣсь должно повторить, что имя *Варягъ* не было собственнымъ именемъ ни одного народа, но прилагалось къ различнымъ племенамъ. То же можно сказать и о *Нордъ-манахъ*: ибо *Нордъ* значитъ *Сѣверъ*, а *манъ* человѣкъ. Въ семъ смыслѣ и жители полуночной Россіи могли называться *Сѣверными людьми*.

Втретьихъ: Несторъ увѣряетъ, что переходя въ нынѣшнюю Россію, *Рурикъ*

взялъ съ собою *всю Русь*. Вся *Русь* или часть *Руссовъ*, перешедшихъ за Ладожское озеро, именовавшееся въ старину моремъ (*), поселилась неподалеку отъ *Абова* въ слободѣ, прослывшей *Рускою слободою*. Выходъ жителей изъ какой нибудь слободы не всегда замѣтенъ, но переселеніе цѣлаго народа, изъ какой бы то ни было области, должно неминуемо произвесть запустѣніе того края. Годъ прибытія или возвращенія *Руссовъ* въ Россію явственно означенъ: сей годъ есть 862. И такъ пусть покажутъ, какая область опустѣла въ сіе время въ Швеціи?

Возразятъ, что многолюдный Сѣверъ былъ *колыбелью народовъ*, почему и не замѣтенъ выходъ жителей одного мѣстечка. Предполалаютъ также, что

(*) По величинѣ своей и по свойству Славянскаго языка Ладожское озеро называлось *моремъ*. Во второй книгѣ *Царствъ* называютъ *моремъ* огромный мѣдный сосудъ, въ которой всыпалась нѣкоторая мѣра пшеницы.

и *Руссы*, равно *Славянамъ*, удалились съ береговъ Дуная отъ нападенія сильныхъ враговъ и потомъ переселились въ *Упландію*. Какъ бы то ни было, но пребываніе *Руссовъ* въ Россіи ознаменовано построеніемъ города, извѣстнаго подъ названіемъ *Старой Руссы*. По древнимъ преданіямъ *Русъ*, вождь *Руссовъ*, былъ основателемъ сего города. По мнѣнію Византійскаго писателя *Симеона Логоѳета*, Россы получили названіе отъ храбраго *Роса*, освободившаго ихъ отъ ига иноплеменнаго. Возразятъ, что *Несторъ* не упоминаетъ ни о томъ, ни о другомъ преданіи; но сей лѣтописатель не говоритъ также, будто бы *Руссы* были жителями *Упландіи* и будто бы *Норманы* силою оружія покорили области нынѣшней Россіи.

По ясному и неоднократному Несторову свидѣтельству, за долго до призванія Рурика, *Русь* была въ *Руси*. Съ приходомъ же *Руссовъ*, проименовавшихся отъ сожительства съ Варягами

Варяго-Руссами, и Новгородъ назвался *Рускою* землею или областью, принадлежащею къ *Руси*. Единственно для показанія, что имя Руское гласно было и въ другихъ предѣлахъ Россіи, упоминаю здѣсь, что неподалеку отъ *Звенигорода* на берегахъ Москвы рѣки было мѣстечко, называемое *Старою Русью*, и что въ сорока верстахъ отъ города *Рыльска* протекаетъ рѣка *Руса*.

Повторяя и здѣсь, что я не утверждаю и не опровергаю *преданія* о первомъ основателѣ Старой Русы въ области Новогородской, прибавлю, что и Несторъ многое писалъ по преданію. Онъ не говоритъ: *я рылся въ книгахъ, я все изслѣдовалъ, и все узналъ;* — скромный нашъ писатель откровенно признается, что онъ многое слышалъ отъ девяносто-лѣтняго старца *Яна* и разсказы его внесъ въ Лѣтопись свою. *Янъ* сообщилъ Нестору преданія, слышанныя имъ отъ отцевъ своихъ. Онъ родился спустя 160 лѣтъ по

приглашенiи Рурика на княженiе. Вѣроятно, что прадѣдъ *Яна* былъ его современникомъ. И такъ Несторъ основывался въ Лѣтописи своей на первомъ источникѣ всѣхъ Исторiй — на *преданiяхъ семейственныхъ.* Несторъ хотя и ближе насъ былъ къ началу новаго Рускаго правленiя, хотя и многое о томъ слышалъ, но онъ по праводушiю своему говоритъ: *я сего не зналъ; а того не могу сказать.* Истинна историческая, равно всѣмъ другимъ истинамъ человѣческимъ, имѣетъ свои предѣлы.

Сколько было городовъ и областей, которыхъ первоначальное созиданiе покрыто тмою неизвѣстности! Мы видимъ сему довольно примѣровъ и въ предѣлахъ Россiи. Гдѣ сильная *Болгарская* область? Отъ существованiя ея остались только нѣкоторые слѣды, разсѣянные между рѣками *Камою* и Малымъ *Черемшаномъ.* Такимъ образомъ могло поколебаться и могущество

древнихъ *Руссовъ*, по Несторову свидѣтельству, получавшихъ дань со всѣхъ народовъ, населявшихъ сѣверную Россію. Въ исчисленіи данниковъ *Руссовъ* Несторъ не означилъ *Славянъ*; но изъ древней *Руской Правды* видно, что Руссы нѣкогда первенствовали надъ Славянами. Въ началѣ сихъ законовъ *Русинъ* означенъ впереди *Славянина*. А что *Руская Правда* издана во времена язычества, о томъ нѣтъ никакого сомнѣнія: всѣ законы, писанные по принятіи православія, ознаменованы печатью Вѣры.

Хотя все относящееся къ отдаленной древности предлагаю въ видѣ *догадокъ*, но то неоспоримо, что никакія внѣшнія причины не произвели въ девятомъ столѣтіи преобразованія Россіи: ни побѣды *Карла*, Пепинова сына, потрясавшаго въ исходѣ осьмаго столѣтія области Европейскія, ни вторженіе *Норманов* въ нѣкоторыя приморскія страны. Сѣверный край

Россіи возмутился и пострадалъ отъ *внутреннихъ неустройствъ.* Властолюбіе и зависть произвели междоусобія, разрушившія законы и порядокъ. Къ прекращенію сего пагубнаго *внутренняго неустройства*, народы, населявшіе нынѣшнюю Россію, рѣшились избрать себѣ правителя. По общему и единодушному согласію призвали они *Рурика.* Несторово о семъ свидѣтельство не подвержено никакому сомнѣнію. Онъ явственно и опредѣлительно предлагаетъ слова народовъ, совѣщавшихся о возстановленіи законнаго порядка. Они говорили: *поищемъ себѣ Князя, которой бы владѣлъ надъ нами и управлялъ по законамъ.*

И такъ въ иностранной книжкѣ, переведенной на Руской языкъ 1761 года, несправедливо сказано, будто бы *Норманы* завоевали нынѣшнюю Россію. Естьлибъ и подлинно *Норманы*, а не уроженцы Новогородскіе, возвратились въ сію область съ Рурикомъ, то и

въ такомъ случаѣ не льзя называть *Норманов* завоевателями Новогородской области. *Рурикъ* и сопутники его не внесли въ Россію ни меча, ни огня; они пришли по приглашенію. Есть также преданія, будто бы Рурикъ, первый Руской Князь, былъ съ *Норманами* подъ стѣнами Парижа. *Семнадцатилѣтнее* его княженіе доказываетъ, что онъ имѣлъ склонности миролюбивыя, а не воинскія. Слава воинская не всегда приноситъ пользу; правосудіе всегда устроиваетъ и успокоиваетъ общество. Рурикъ знаменитъ мирнымъ правленіемъ. Руские были въ свое время подъ стѣнами и въ стѣнахъ Парижа, не для хищничества, которое порывало *Норманов* чрезъ моря и въ чужія земли, но для спасенія Европы и человѣчества.

Всѣ вышеупомянутыя замѣчанія предложены отнюдь не для того, чтобы ими оскорбить иностранныхъ писателей; напротивъ того для Рускихъ лестно, что почти всѣ Европейскіе

народы выдаютъ ихъ за единоземцевъ своихъ. Ученый Іоганъ Генрихъ *Дримель* производитъ *Россіянъ* отъ *Аратцевъ*. Каждый по своему произволу можетъ производить *Руссовъ* отъ *Шведовъ*, отъ *Германцевъ*, или отъ другихъ народовъ; всѣ сіи предположенія останутся догадками. По крайней мѣрѣ я такъ заключаю, и не стыжусь признаться, что не могу объяснять того, что во всѣхъ свѣтскихъ Исторіяхъ относится ко временамъ *неизвѣстнымъ*, *баснословнымъ* и *гадательнымъ*. Обозрѣніе дѣяній жителей, населявшихъ наше Отечество, объясняется по порядку *лѣтоисчисленія* съ 862 года; мнѣ кажется, что съ сего времени начинается подлинная *Руская Исторія*.

И при новомъ изданіи не означаю, откуда что заимствовалъ, чтобъ не испестрить выносками книги моей и не затруднять повѣствованія. Читавшіе Рускія Лѣтописи сами увидятъ, на чемъ я основывался. Пользуясь всѣ-

ми старинными лѣтописцами и стараясь сблизиться съ прошедшими временами, я рѣдко заглядывалъ въ новыя Исторіи. Гдѣ изчезала нить соображенія, тамъ по возможности моей предлагалъ собственныя догадки.

Историкъ не можетъ вымышлять *дѣяній* и *происшествій*; онъ долженъ только повторять повѣствованія, или соображать различныя показанія. Историкъ есть живописецъ прошедшихъ вѣковъ; онъ долженъ представить въ подлинникѣ нравы, духъ, мнѣнія и произшествія тѣхъ временъ. Мы не можемъ сказать предкамъ нашимъ: *возстаньте изъ гроба, и мыслите такъ, какъ мы мыслимъ!* Они имѣли свой образъ мыслей, свои нравы, свои законы; намъ остается только замѣчать, какую *пользу* или *вредъ* дѣлали обществу прежніе нравы, мнѣнія и законы.

По словамъ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей, *наблюденіе нрас-*

ственности есть *душа Исторіи.* Исторію называютъ *наставницею правителей и народовъ.* Изъ примѣровъ историческихъ, говоритъ Ломоносовъ: можно извлечь правила къ сохраненію цѣлости Государствъ. Въ чемъ же заключаются наставленія и правила, предлагаемыя Исторіей? Въ показаніи того, что приносило обществу *пользу* или *вредъ* и что было причиной *благосостоянія* и *злополучія* народнаго. Швейцарскій лѣтописатель *Миллеръ*, предпринявъ сочиненіе Исторіи, положилъ себѣ единственнымъ правиломъ наблюдать, что *хорошо* или *дурно*, и что *полезно* или *вредно.* Онъ писалъ также: „Я ограничиваюсь одною исторіею Швейцарцевъ." Ломоносовъ еще прежде Миллера сказалъ, что *отечественная Исторія* полезнѣе всѣхъ другихъ Исторій.

Ограничиваясь *Исторіею Рускихъ*, не пропустилъ я не только ни одного важнаго произшествія, но и ни одного достопамятнаго изрѣченія.

Согласіе и единодушіе утверждаютъ общества и Державы. Всѣ злоключенія Россіи произошли отъ раздробленія ея областей и отъ обуреванія страстей, разрушившихъ единомысліе. Удѣльные владѣльцы, мысля о себѣ и не усердствуя къ общей пользѣ, губили и себя и области свои. Отъ мятежей домашнихъ, отъ непрерывнаго противуборствія страстей Россія подверглась игу иноплеменному. То же происходитъ въ *семействахъ*, что и въ обширныхъ Державахъ. Государство сильно *союзомъ семействъ*; щастіе *семейственное* обезпечивается общимъ благомъ Государственнымъ.

Подъ бременемъ вѣковыхъ бѣдствій, подъ тяжкимъ ярмомъ иноплеменнымъ бытіе Россіи сохранилось Вѣрою и добродѣтелью. Величайшее изъ всѣхъ золъ есть то, когда въ семействахъ и въ Державахъ Вѣра замѣняется *своеволіемъ*, единодушіе *разномысліемъ*, общая польза исканіемъ *личныхъ выгодъ*. Отъ

раздѣленія *душъ* и *умовъ*, отъ забвенія *Вѣры* и *добродѣтели*, все колеблется и все упадаетъ.

Наблюдая отечественныя произшествія, я старался показывать, отъ чего возвышались души, отъ чего ослабѣвала нравственность, наконецъ отъ чего потрясалось основаніе Вѣры и законовъ.

Предъ безпристрастнымъ судомъ *Исторіи* и *потомства* обнаруживаются всѣ дѣянія человѣческія; Исторія есть второе бытіе народовъ. Тщетно коварство, лесть и злоумышленіе облекаютъ замыслы свои мракомъ; Исторія вскрываетъ завѣсу, подъ которою уготовлялась пагуба отечества. Тщетно властолюбіе алчетъ возвышенія; Исторія убѣждаетъ, что отъ похищеннаго престола до гроба одинъ только шагъ; шагъ ужасный, сопровождаемый терзаніями совѣсти. *Годуновъ* достигъ престола коварствомъ и происками; достигъ, палъ, и льстясь передать вѣнецъ семейству своему, предалъ его въ руки убійцъ.

Филаретъ страдалъ, терпѣлъ; среди всѣхъ бурь, возмущавшихъ его жизнь, соблюдалъ Вѣру и добродѣтель; за добродѣтели великодушнаго отца юный его сынъ изъ *кельи* перешелъ къ *державѣ*.

Всѣ Рускія Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что ни одно злодѣяніе не избѣгло наказанія, и что гонимая невинность нигдѣ и никогда не лишилась отрады, доставляемой чистою совѣстью. Сіи нравоучительныя истины основаны не на вымыслахъ, но на произшествіяхъ, подтверждаемыхъ *лѣтоисчисленіемъ*. Въ семъ отношеніи, по всей справедливости, можно назвать Рускую Исторію: училищемъ *отечественной нравственности*.

ОГЛАВЛЕНІЕ и СОДЕРЖАНІЕ

первой Части, съ замѣчаніями, относящимися къ Рускимъ лѣтописателямъ и нѣкоторымъ Историческимъ подробностямъ (*).

СОДЕРЖАНІЕ ВВЕДЕНІЯ.

Глава *первая.* О имени Рускомъ. Доводы о семъ почерпнуты изъ *Нестора.* Лѣтописецъ его почитается первымъ потому, что въ ономъ означены *годы* и *числа.* Полагаютъ, что онъ уроженецъ *Бѣлоозерскій*, и съ 17 лѣтъ жизни своей посвятилъ себя монашескому званію. По кончинѣ Преподобныхъ *Антонія* и *Ѳеодосія*, Несторъ постригся и поставленъ въ діяконы Игуменомъ *Стефаномъ.* Живя въ пещерѣ и трудясь въ безмолвномъ уединеніи, сочинялъ онъ Лѣтопись свою отъ 856 до 1116 года. Большую часть повѣствованія писалъ по *преданіямъ*, слышаннымъ отъ старца *Яна*, жившаго 90 лѣтъ и умершаго 1105 года. Кромѣ лѣтописи Несторъ сочинилъ первую часть *Патерика* или Житія Святыхъ Отцевъ. Кончину его пола-

(*) Не желая перерывать Историческаго повѣствованія означеніемъ въ началѣ каждой статьи *лѣтъ* и *числъ*, буду предлагать оныя въ оглавленіи каждой Части. Въ сихъ оглавленіяхъ постараюсь вкратцѣ представить всю связь произшествій и сдѣлать оныя *памятными* Рускимъ лѣтописцемъ.

гаютъ во время княженія Владимира *Мономаха*, около 1116 года. Предавая потомству дѣянія прошедшихъ временъ, Несторъ вписалъ имя свое въ книгу безсмертія и за добродѣтели сопричисленъ къ лику Святыхъ. Онъ объѣзжалъ также для надзиранія надъ училищами, что въ то время почиталось важною обязанностію. Лѣтопись его заключаетъ въ себѣ 250 лѣтъ. Слогъ отличается простотою, краткостію и во многихъ мѣстахъ ознаменованъ силою и живостію. Екатерина Вторая называетъ Нестора лѣтописателемъ *праводушнымъ*.

Въ *первой* главѣ находится также мнѣніе *Татищева* о переходѣ *Руссовъ* за Ладожское озеро, и о возвращеніи ихъ оттуда съ *Рурикомъ*. Василій Никитичь *Татищевъ* занимался около 30 лѣтъ Рускою Исторіей; говорятъ, что онъ довелъ ее до 1613 года, то есть, до избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича *Романова*; но оной напечатано только до 1462 года. Исторію свою заимствовалъ онъ изъ *Іоакима, Нестора, Никона* и прочихъ Рускихъ лѣтописцевъ, присовокупляя нѣкоторыя подробности изъ Польскаго писателя *Стриковскаго* и дополняя замѣчаніями изъ разныхъ иностранныхъ писателей.

Глава *вторая*. О поселеніи Славянъ въ области Новогородской. *Преданіе* о семъ почерпнуто изъ *Новогородскаго* Лѣтописца.

Глава *третія*. О нравахъ Руссовъ и Славянъ. Свидѣтельства о семъ почерпнуты изъ Рускихъ и *Византійскихъ* или *Цареградскихъ* писателей.

Глава *четвертая.* Преданіе о основаніи Кіева, изъ *Нестора.* По сказанію его *Кіевъ* основанъ *Кіемъ* и двумя его братьями, принадлежавшими къ поколѣнію Днѣпровскихъ Славянъ, именовавшихся *Полянами.* Татищевъ и послѣдователи его утверждаютъ, что Кіевъ основанъ *Сарматами*, первобытными жителями сей страны, и что Сарматское слово *киви* значитъ горы. Несторово преданіе правдоподобнѣе. Онъ описываетъ видъ тогдашней Кіевской природы, нравы основателей, образъ ихъ жизни, нѣкоторыя подробности о *Кіѣ*, во имя котораго *нагорной* городъ назвался *Кіевомъ.* На вопросъ: чей градъ? жители отвѣчали: *Кіевъ* градъ. На что затмѣвать тамъ истину, гдѣ оная сама собою сказывается?

Глава *пятая.* О различныхъ наименованіяхъ *Славянъ* и о народахъ, обитавшихъ въ *Руси* или Россіи.

Глава *шестая.* Славяне данники. Въ области Новогородской Славяне изъ *повелителей* учинились *данниками* отъ домашнихъ неустройствъ; въ Кіевской странѣ Славяне подверглись игу *Козаръ*, уступя насилію сего *иноязычнаго* народа.

Глава *седьмая.* О сношеніи *Славянъ* съ *Варягами.* Преданія о семъ почерпнуты изъ *Іоакимовой* Лѣтописи. *Іоакимъ*, уроженецъ *Корсунскій* или *Херсонскій*, былъ первымъ Епископомъ Новогородскимъ и посвященъ *Леонтіемъ* Грекомъ 992 г. *Болтинъ*, извѣстный историческими изслѣдованіями, говоритъ, что Іоакимова

Лѣтопись объясняетъ многія мѣста, неявственныя въ Несторѣ. Хотя списокъ съ Лѣтописи его можетъ быть во многомъ переправленъ, какъ и всѣ списки съ Нестора; но не льзя отринуть подлинности оной. Отрывокъ сей сдѣлался извѣстнымъ посредствомъ Татищева. *Іоакимъ* не ставилъ *лѣтъ* и *чиселъ*, но явственно означалъ мѣста, подтверждающія существованіе лицъ, о которыхъ повѣствуетъ.

РУСКАЯ ИСТОРІЯ,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТЪ РУРИКА ДО ВТОРИЧНАГО РАЗДѢЛЕНІЯ РОССІИ НА УДѢЛЫ,

то есть, отъ 862 до 1015 года.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ СТАТЬИ.

862 Г. *Рурикъ* съ братьями своими *Синеусомъ* и *Труворомъ* прибылъ въ области Славянскія изъ за Ладожскаго озера, называемаго въ старину *Рускимъ моремъ*. Рурикъ поселился въ Старой *Ладогѣ*, Синеусъ на *Бѣлѣозерѣ*, Труворъ въ *Изборскѣ*. 863 Года, по кончинѣ Синеуса и Трувора, Рурикъ перешелъ къ Ильменю и на берегахъ рѣки Волхова построилъ городокъ, названный *Новгородомъ*. 863 Года *Оскольдъ* и *Диръ*, Вельможи Руриковы, отпросясь у него въ Грецію проходя мимо

Кіева, порабощеннаго *Козарамъ,* освободили сей городъ и остались въ немъ Княжить. 866 Новые Кіевскіе владѣльцы предприняли неудачный походъ къ *Царьграду*. 875 Года родился у Рурика сынъ *Игорь*. 879 Года, по семнадцатилѣтнемъ владѣніи, Рурикъ скончался въ Новгородѣ, поруча малолѣтнаго Игоря въ опеку родственника своего *Олега*. Правленіе его отличается установленіемъ общественнаго порядка и миролюбіемъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ СТАТЬИ.

Въ 879 году *Олегъ* принялъ въ управленіе Новгородскія области. Въ 882 году, собравъ войско изъ разныхъ народовъ, пошелъ къ Смоленску. Въ томъ же году прибылъ въ *Кіевъ*. 883 Года побѣдилъ *Древлянъ*; 884 г. ходилъ на *Сѣверякъ*; 885 г. освободилъ *Радимичей* отъ дани *Козарамъ*. 898 Г. *Угры* проходили мимо Кіева. 907 г. Олегъ ополчался на Грековъ; въ томъ же году заключилъ съ ними мирный договоръ. Въ семъ походѣ *Олегъ* удивилъ Грековъ шествіемъ судовъ по землѣ. Въ старину, по недостатку водяныхъ сообщеній, для перетаскиванія лодокъ черезъ *волокъ,* то есть, черезъ разстояніе отъ рѣки до рѣки, употребляли колеса, на которыя для удобнаго хода по земли ставили лодки. Такимъ образомъ и теперь еще перетаскиваютъ суда отъ *Волги* до *Дона* черезъ волокъ отъ *Качалинской* пристани до *Дубовской* станицы. Можетъ быть Олегъ, съ помощію колесъ и пользуясь вѣтромъ, привелъ въ движеніе лодки свои. 912 Года отправилъ онъ въ Царьградъ

пословъ для подтвержденія довогора, учиненнаго 907 г. 912 Года Олегъ умеръ по тридцати-трехлѣтнемъ управленіи *Рускою землею.*

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ.

912 Года *Игорь* принялъ Княжескій Престолъ и воевалъ въ землѣ *Древлянской.* 915 Года *Печенеги* въ первый разъ пришли въ области Рускія. 941 Года воспослѣдовалъ разрывъ мира съ *Греками* и бѣдственный походъ Князя *Игоря.* 941 Года Игорь снова вооружился на Грековъ и къ усиленію войскъ своихъ нанялъ Печенеговъ; Греки укротили мщеніе его дарами. 945 Года Греческіе Цари отправили къ Игорю пословъ для подтвержденія мирнаго договора. Въ томъ же году Игорь убитъ Древлянами; онъ погибъ отъ ненасытной корысти. Главною Игоревою добродѣтелью была покорность къ совѣтамъ наставника своего. Съ кончиною Олега кончилось и благоразуміе его. Игорь самъ собою не умѣлъ учреждать ни власти, ни поступковъ своихъ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕРВЕРТОЙ СТАТЬИ.

Ольга вступила въ управленіе Руской земли 945 г. Походъ Ольги противъ *Древлянъ;* сынъ ея отрокъ Святославъ ее сопровождалъ. 949 Года Ольга установила земской разпорядокъ въ странѣ *Древлянской.* — Завоевательница учинилась законодательницею; въ то же время опредѣлила жалованье войску, жившему сперва добычей. Въ продолженіе *осмилѣтняго* мира Ольга постепенно приготовлялась къ принятію Вѣры Христіанской, побуждаясь къ тому добродѣте-

лями Кіевскихъ Христіанъ. 956й Годъ достопамятенъ путешествіемъ Ольги въ Царьградъ и крещеніемъ ея. *Византійскіе* писатели хвалятъ ея добродѣтели. Ольга убѣждаетъ Святослава принять Вѣру Христіанскую; своевольный сынъ не внемлетъ материнскимъ увѣщаніямъ. Путешествіе Ольги въ предѣлы Псковскіе и основаніе города *Пскова*. Въ Несторѣ означено сіе путешествіе подъ 947 годомъ; *Димитрій* Ростовскій полагаетъ осьмью годами позже, то есть, по возвращеніи ея изъ Царьграда. Я держался мнѣнія послѣдняго.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ СТАТЬИ.

Святославъ завоеватель.

Съ 964 года начинаются Святославовы походы. Въ первый походъ освобождаетъ онъ *Вятичей* отъ дани *Козарамъ*. Несторъ производитъ *Вятичей* отъ Польскаго выходца *Вятки*, поселившагося на *Окѣ* рѣкѣ въ нынѣшней Орловской области. Побѣдя Козаръ, Святославъ взялъ ихъ городъ *Бѣловѣжу* или *Саркелъ*, бывшій на рѣкѣ *Донцѣ*; потомъ покорилъ *Косоговъ* и *Ясовъ*, сопредѣльныхъ Азовскому морю. 966 Вторый походъ на *Вятичей*. 967 Года Святославъ воюетъ съ *Болгарами* Дунайскими, покоряетъ 86 городовъ или мѣстечекъ и основываетъ *Переяславецъ* Дунайскій. 968 Года, въ отсутствіе Князя Святослава, Печенеги въ первой разъ напали на Рускую землю и осадили Кіевъ, гдѣ находилась Ольга со внуками своими. Остроумная хитрость юнаго Кіевлянина спасла городъ. Воз-

вратясь съ береговъ *Дуная* для отмщенія *Печенегамъ*, Святославъ опять туда стремится. Любовь къ чужой сторонѣ ослабляетъ привязанность къ родинѣ. Слезы материнскія останавливаютъ Святослава. *Ольга*, первая Христіанка изъ женъ Княжескихъ, скончалась въ глубокой старости 969 г. Начальное раздѣленіе Россіи произошло 970 г. Святославъ, учиня сей раздѣлъ, отправился на берега Дуная. 971 Года увѣнчался онъ новыми воинскими подвигами; 972 года, плывя въ Кіевъ, убитъ Печенегами въ порогахъ Днѣпровскихъ. Святославъ погибъ отъ того, что не послушалъ благоразумныхъ совѣтовъ опытнаго Воеводы *Свенельда:* самонадѣяніе всегда причиняетъ вредъ. Съ 945 до 964 года Святославъ находился еще въ нѣкоторой зависимости у матери своей Ольги, любившей миръ и тишину; съ 964 до бѣдственной своей кончины жилъ онъ въ полѣ и занимался однимъ оружіемъ. Не рача о внутреннемъ управленіи, подвергалъ опасности подданныхъ и самъ не избѣгъ напасти. Отецъ его *Игорь* погибъ отъ алчности къ корысти; Святославъ былъ жертвою необузданой страсти къ завоеванію. Истинная слава сопровождается умѣренностію и добродѣтелью.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ СТАТЬИ.

Отъ раздѣленія Рускихъ областей произошли вражды и мятежи. Ярополкъ вступилъ на Кіевскій престолъ 973 г. — Спустя два года, то есть 955 г., Олегъ Древлянскій, Ярополковъ братъ, убилъ на охотѣ *Люта*, сына Свенельдова. Сей престарѣлый Воевода, мстя за сына своего, непре-

станно воспалялъ Ярополково сердце злобою и мщеніемъ. Лесть и коварство побѣдили доброе, но слабое сердце Князя Кіевскаго. 977 Года *Ярополкъ* вооружился на брата своего *Олега* Древлянскаго и разбилъ его войско въ нынѣшней Волынской области подъ *Овручемъ.* Олегъ столкнутъ былъ бѣгущими воинами съ мосту въ ровъ и задавленъ. Ярополкъ разкаялся, но поздно. Не умѣвъ предостеречь себя отъ подозрѣнія и уловленій коварства, онъ подалъ примѣръ братоубійства. Услыша о смерти Олеговой, Князь *Владимиръ* изъ Новогородскаго удѣла своего бѣжалъ за *море*, нанялъ Варягъ и 980 г. возвратился для отмщенія Ярополку за Олега. Въ то же время у *Рогволда*, Князя *Полоцкаго,* требовалъ онъ въ супружество дочь его *Рогнеду.* Она отвергла *Владимира,* потому что мать его незнатнаго была произхожденія. Ярополкъ, тогда же сватавшійся къ Рогнедѣ, былъ предпочтенъ ею. Въ сердцѣ князя Владимира къ мщенію присовокупилась ревность и гнѣвъ раздраженнаго самолюбія. Владимиръ напалъ на Рогволдову область, убилъ его, двухъ сыновъ и взялъ въ супруги Рогнеду. *Рогволдъ* пришелъ изъ *заморія*, но когда, не извѣстно. Рогволда сопровождалъ *Туръ*; кто онъ былъ, также не извѣстно. Несторъ пишетъ только, что Туръ поселился въ мѣстѣ, назвавшемся отъ него *Туровымъ.* Татищевъ полагаетъ, будто бы *Туръ* сопровождалъ въ Россію *Рурика*; сего быть не могло. Рурикъ пришелъ 862 года, *Рогволдъ* и *Туръ* жили 980, т. е. 118 годами позже. Предки ли ихъ пришли съ Рурикомъ, или они сами были первыми

владѣльцами, не могу о семъ рѣшительно заключить. Несторъ о *Полтескѣ* или Полоцкѣ упоминаетъ въ княженіе Рурика; но о городѣ *Туровѣ* молчитъ. По смыслу Лѣтописи кажется, что *Рогволдъ* пришелъ прежде *Тура*. Я предложилъ сіе замѣчаніе для того, чтобы показать, что не льзя съ утвердительностію говорить о произшествіяхъ отдаленныхъ. — Въ томъ же году, т. е. 980, Владимиръ осадилъ Кіевъ и преклонилъ на свою сторону *Блуда*, Ярополкова Воеводу. Блудъ, продавъ Владимиру совѣсть свою, предалъ въ руки и брата его. Ярополкъ былъ убитъ по приказанію Владимира. Вѣрный Ярополковъ Полководецъ *Варяжко* совѣтовалъ ему не ходить на переговоры къ Владимиру; вѣроломный Блудъ превозмогъ благонамѣренные совѣты. Ярополкъ не внялъ усердію, повѣрилъ коварству и — погибъ. *Варяжко* бѣжалъ къ Печенегамъ и рѣшился мстить за убіеннаго Князя. Блудъ пользовался блескомъ почестей *три дни*, а на четвертой казненъ по приказанію Князя Владимира.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ СТАТЬИ.

Владимиръ кумирослужитель.

И въ чертогахъ и въ хижинѣ порочная совѣсть возмущаетъ душу. Мечтая заглушить угрызенія совѣсти, вопіявшей противъ братоубійцы, *Владимиръ* прибѣгъ къ ложнымъ богамъ и усилилъ владычество ихъ. Въ то же время предался своеволію страстей, которыя сулятъ удовольствіе, но не доставляютъ его.

Безъ добродѣтели нѣтъ щастія. Ложные боги и порывы страстей не успокоили Владимира; онъ занялся шумомъ оружія. — 981 г. Воевалъ въ *Польскихъ* предѣлахъ и взялъ *Перемышль* и *Червень;* потомъ побѣдилъ *Вятичей* и наложилъ на нихъ ту же дань, какую платили они отцу его *Святославу*. 982 г. Вторично ополчился на возмутившихся Вятичей. 983 г. Побѣдя *Ятвягъ*, кумирослужитель Владимиръ въ жертву боговъ своихъ обрекъ *Варягова* сына, исповѣдовавшаго Христіанскую Вѣру. Въ послѣдствіи *Владимиръ - Христіанинъ* за благодѣянія небесныя успокоивалъ страждущее человѣчество и благодѣтельствовалъ неимущимъ. Своеволіе страстей влечетъ къ разврату; Вѣра руководствуетъ къ добродѣтели. 983 г. Владимиръ ополчился на *Радимичей*. Сей народъ производятъ отъ *Радима*, выходца *Польскаго*, поселившагося на рѣкѣ *Сожѣ*. Часть *Радимичей* обитала на рѣкѣ *Песчанѣ* въ области *Переяславской*. Противъ сихъ Радимичей Владимиръ отправилъ передовое войско подъ начальствомъ отважнаго воеводы, называемаго *Волчій хвостъ*. Съ сего времени Руские, укоряя побѣжденныхъ Радимичей, говорили: *Радимичи - Песчанцы бѣгаютъ волчьяго хвоста*. — 985 г. Владимиръ съ дядею своимъ *Добрынею* ополчился на *Болгаръ*. Полки его плыли на судахъ, а *Торки*, служившіе вспомогательнымъ войскомъ, сопровождали его берегомъ на коняхъ. Нѣкоторые писатели производятъ *Торокъ* отъ *Славянъ*, а другіе отъ *Сарматъ*. Жившіе изъ нихъ по рѣкѣ *Роси* назывались *Поросянами;* главный ихъ городъ былъ *Торческъ*.

Имя *Торокъ* не имѣетъ никакого сношенія съ названіемъ *Турокъ*. Хотя Владимиръ съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ странѣ *Болгарской*, но *Добрыня*, родной его дядя, осматривая плѣнныхъ Болгаръ, сказалъ племяннику своему: *Всѣ плѣнные Болгары въ сапогахъ; они не будутъ намъ платить дани: пойдемъ на лапатниковъ.* Заключа миръ съ *Болгарами*, Владимиръ произнесъ сію клятву: *Скорѣе камень станетъ плавать, а хмѣль тонуть*, нежели *нарушу съ вами миръ*.

986 Г. Различные народы преклоняли Владимира къ вѣрѣ своей. Онъ отвергъ *Магометанъ*, *Жидовъ* и *Папскихъ* Пословъ; Греки восторжествовали. 987 г. По совѣщанію съ Кіевскими Вельможами, Владимиръ отправилъ въ *Царьградъ* пословъ; Греческіе Цари *Висилій* и *Константинъ* приняли ихъ дружелюбно; Греческое церковное служеніе показалось имъ служеніемъ небеснымъ. Владимиръ рѣшился принять крещеніе. Между тѣмъ 988 г. Владимиръ предпринялъ походъ въ *Корсунь* или *Херсонь*, Взявъ сей городъ, отправилъ онъ пословъ въ *Царьградъ* для испрошенія въ супружество Царевны *Анны*. До прибытія ее отъ очной болѣзни лишился зрѣнія; при крещеніи снова прозрѣлъ.

СОДЕРЖАНІЕ ОСЬМОЙ СТАТЬИ.

Владимиръ-Христіанинъ.

988 Годъ увѣковѣченъ принятіемъ Вѣры Христіанской. Съ сего времени началось въ Россіи поколѣніе *новыхъ людей*, долженствующихъ

жить по уставамЪ Бога любви и милосердія. ВладимірЪ крестился и вѣнчался сЪ Царевною *Анною* вЪ *Корсуни* вЪ храмѣ Пресвятыя Богородицы. По возвращеніи его вЪ КіевЪ, началось низверженіе кумировЪ, основаніе церквей и учрежденіе народныхЪ училищЪ. *МихаилЪ*, уроженецЪ *Сирскій*, первый Кіевскій МитрополитЪ, издалЪ уставЪ для наставниковЪ. 988 й ГодЪ достопамятенЪ также вторичнымЪ и пагубнымЪ раздѣленіемЪ Россіи на *удѣлы*. ВЪ томЪ же году построены города по *Деснѣ*, *Остру*, *Трубежу*, *Сулѣ* и *Стугнѣ*. Сіи города, воздвигнутые для безопасности Кіева, населены были лучшими людьми изЪ *СлавянЪ*, *Кривичей* и *Чуди*.

989 Г. началЪ созидаться храмЪ Пресвятыя Богородицы. Мастера выписаны были изЪ Греціи; церковь сооружалась подЪ надзираніемЪ *Анастасія* Корсунянина. Всѣ священныя сокровища, сосуды, кресты и образа, взятыя вЪ *Корсуни*, внесены были вЪ сей новосозданный храмЪ. СЪ принятіемЪ Вѣры Христіанской, распространились вЪ Россіи зодчество и живопись. 990 Г. ВладимірЪ основалЪ любимый свой городЪ *БѣлгородЪ*. 993 Г. ознаменованЪ походами Владиміра на *ХорватовЪ* и новымЪ нашествіемЪ ПеченеговЪ. Сіе нашествіе, по общему согласію, кончилось поединкомЪ. — Во имя Рускаго борца, называвшагося *ПереяславомЪ*, на бродѣ рѣки *Трубежи*, гдѣ сошлись Руские сЪ Печенегами, заложенЪ городЪ *Переяславль*. 996 Года оконченЪ храмЪ Божіей Матери. На содержаніе сей церкви опредѣлена была *десятина*, по

есть, десятая часть доходовъ. Сей сборъ порученъ былъ *Анастасу* Корсунянину, надзиравшему надъ сооруженіемъ храма. Въ томъ же году Печенеги осадили въ Кіевской области городъ *Василевъ*. По неосторожной отважности, Владиміръ выступилъ съ малой дружиной и принужденъ былъ бѣжать отъ многочисленныхъ враговъ. По сему случаю, за спасеніе своей жизни, онъ умножилъ благотворенія къ бѣднымъ и страждущимъ. Между тѣмъ отъ чрезмѣрнаго мягкосердечія его размножились въ Руской землѣ разбои. Къ истребленію сего зла, духовные совѣтовали Владиміру возобновить силу законовъ и имѣть всегда въ готовности устроенное войско. 1011 Г. скончалась *Анна*, Владиміpова супруга. 1014 Г. Князь *Ярославъ*, переселясь изъ *Ростова* въ *Новгородъ*, отказалъ отцу своему въ надлежащей дани съ Новгорода; Владиміръ предпринималъ походъ къ укрощенію мятежнаго сына. Смерть постигла его 1015 года и отвратила вражду отца съ сыномъ. Кіевляне, платившіе ему любовью за любовь, оплакивали его какъ дѣти, лишавшіеся благодѣтельнаго отца.

РУСКАЯ ИСТОРІЯ.

ОТЪ РУРИКА ДО ВТОРИЧНАГО РАЗДѢЛЕНІЯ РОССІИ НА УДѢЛЫ.

ТО ЕСТЬ ОТЪ 862 ДО 1015 ГОДА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

ОБОЗРѢНІЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ ИЛИ РОССІИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

ОБОЗРѢНІЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ ИЛИ РОССІИ.

О имени Рускомъ и о Руссахъ, или Рускихъ.

Въ отдаленныя времена нашего Отечества *имя Руское* извѣстно было отъ береговъ *Чернаго моря* до береговъ *Ладожскаго озера*, которое, въ старину, называлось озеро *Невъ*, а по величинѣ моремъ.

Черное море, говоритъ Несторъ, именовалось *моремъ Рускимъ*. Можетъ быть, *Понтійское* или Черное море прослыло *моремъ Рускимъ* отъ долговременнаго жительство Руссовъ у береговъ его, или отъ плаванія ихъ по оному. Сообщеніе Руссовъ и Славянъ не прекратилось съ Чернымъ, или *Рускимъ моремъ* и тогда, когда они поселились въ нынѣшней Новогородской области. Изъ предѣловъ оной отправлялись суда до верховья рѣки *Ловати*, а оттуда черезъ

Волокъ (*) до Днѣпра; внизъ по Днѣпру пускались въ Черное море, въ Грецію.

Задолго до княженія Рурика существовала *Старая Руса*, находящаяся во сто двадцати пяти верстахъ отъ Новгорода, неподалеку отъ озера Ильменя, и при рѣкахъ *Полистѣ*, *Порусьѣ* и *Перерытицѣ*. Не извѣстно, отъ именъ ли, относящихся къ лицамъ, или отъ чего другаго получили сіи три рѣки названія; но то очевидно, что имена ихъ принадлежатъ къ Славянскому и Рускому нарѣчію. По Новгородскому Лѣтописцу *Руссъ* былъ основателемъ города *Руссы*.

Отъ чего и когда нѣкоторая часть жителей *Руссы* перешла за Ладожское озеро? Не льзя отвѣчать опредѣлительно на сей вопросъ; но можно предположить, что *Руссы* удалились за Ладожское озеро отъ раздоровъ и междоусобій сосѣдей и единоземцевъ своихъ *Славянъ*. *Руссы*, не желая участвовать въ домашнихъ раздорахъ Славянъ, а можетъ быть, и терпя отъ нихъ утѣсне-

(*) *Волокъ* означаетъ разстояніе рѣки отъ рѣки. *Волокомъ* называлисъ въ старину и мѣста, отдѣленныя лѣсами.

тіе, оставили свой родной край и перешли въ чужую область. Отъ переселенія *Руссовъ* могущество Славянъ ослабѣло; а *Варяги*, учинясь дерзновеннѣе, стали нападать на земли Славянъ и подвергли ихъ дани.

Руссы, перешедшіе за Ладожское озеро, по сосѣдству своему съ жителями, называвшимися *Варягами*, въ отличіе отъ Руссовъ, оставшихся въ *Старой Русѣ*, проименовались *Варяго-Руссами*, или сосѣдями *Варягъ*. Имя *Варягъ* не собственное имя народа, но означающее *свойство* и *промыслъ*. „Жители береговъ Балтійскаго моря," говоритъ *Болтинъ*: „отъ промысла разбойническаго *Варягами* прозваны." *Ломоносовъ* пишетъ, что море Балтійское отъ разбойничества и *воровства* назвалось *моремъ Варяжскимъ*. Руссы не причастны были промыслу *Варягъ*. Къ подтвержденію сего осталось древнее свидѣтельство, что, *по обычаямъ Рускимъ, не славно было грабительствовать*.

Въ отдаленіи отъ Славянъ, своихъ единоземцевъ, и между тѣмъ какъ *Варяги*, новые сосѣди *Руссовъ-переселенцевъ*, занимались и славились по морямъ хищничествомъ; *Русы* управлялись своими законами, имѣли

особое свое жительство и объяснялись Славянскимъ языкомъ.

Пребываніе *Руссовъ* на чужой сторонѣ напечатлѣло новые слѣды *Рускаоо имени*. Гора, у которой Руссы поселились, названа *Рускою горою*; то мѣсто, гдѣ они жили, наименовалось *Рускою слободою*; то озеро, за которое перешли, назвалось *моремъ Рускимъ*. „Въ *Финляндіи*," говоритъ *Татищевъ*: „при *Абовѣ* была слобода *Руссовъ*, отъ чего до днесь гора подлѣ самаго города называется *Руская*. Можно думать, что *Руссы*, пришедшіе съ Рурикомъ, прежде перешли туда изъ *Руси*."

Сіе мнѣніе подтверждается еще *Несторовымъ* свидѣтельствомъ о томъ, что *Рурикъ*, переходя въ Славянскія области, взялъ съ собою *всю Русь*.

Соглашаясь съ Татищевымъ о переселеніи Руссовъ за Ладожское озеро, *Болтинъ* говоритъ, что *названіе Руссовъ заключалось въ нынѣшней Новогородской области*. Хотя *имя Руское*, по жительству Руссовъ, особенно заключалось въ Новогородской странѣ; но оно предѣлами оной не ограничивалось. Отъ береговъ Чернаго моря до береговъ Ладожска-

го озера *имя Руское* вѣщало о древности *Руссовъ.*

Отыскавъ слѣды, что *Руссы* были единоземцы Славянъ, а у Варягъ *переселенцами*, предложимъ *догадки* и свидѣтельства о единоплеменствѣ *Руссовъ* съ *Славянами.*

Соплеменны ль *Руссы* Славянамъ? Разсуждая о *Руссахъ*, Болтинъ говоритъ: „Не осмѣлюсь рѣшительно сказать, отъ какого точно народа Рускіе происходятъ. Соединеніе и смѣшеніе ихъ съ Славянами сдѣлало ихъ различными отъ всѣхъ и скрыло отъ изысканій нашихъ первоначальную ихъ породу.“

Такъ объяснялся *Болтинъ* въ примѣчаніяхъ своихъ на *Леклерка;* а потомъ, не желая согласиться съ Княземъ *Щербатовымъ*, который, слѣдуя Нестору, утверждалъ, что *языкъ Славянскій не раздѣленъ съ Рускимъ;* Болтинъ въ примѣчаніяхъ своихъ на Исторію Князя Щербатова говоритъ: „Ежели и то подлинно, какъ многія обстоятельства думать заставляютъ, что *Россы*, *Роксоляны* или *Россоляны*, вытѣснены будучи изъ отечественныхъ своихъ жилищъ, и время отъ времени далѣе къ сѣверу уклоняясь, нашли спокойное для себя пребываніе во глуби-

нѣ онаго: то видно, что они прежнее свое названіе оставя, приняли новое, отъ сосѣдей имъ данное; ибо *Руссъ* означаетъ на *Сарматскомъ языкѣ*, имѣющаго *русые волосы.*“

Справедливо ли сіе словопроизводство, или нѣтъ; но *русой цвѣтъ волосъ* не только не разрываетъ сродства *Руссовъ* съ Славянами, а еще болѣе оное утверждаетъ. *Византійскіе* или Цареградскіе Историки, описывая Славянъ, говорятъ: „Славяне волосомъ ни желты, ни черны, но всѣ *русоваты.*“ Сіи слова *Прокопія Кессарійскаго*, и Ломоносовъ повторяетъ въ изображеніи тѣлесныхъ и нравственныхъ качествъ Славянъ.

Прилѣпясь излишно къ *новымъ умствователямъ*, которые, ослабляя *дѣйствіе нравственности*, приписывали всѣ качества душевныя *перемѣнамъ воздушнымъ* и одной природѣ, Болтинъ утверждаетъ, что „Хотя по сношенію *Славянъ* съ *Руссами*, и должны мы назвать *Славянъ* нашими праотцами; но все, что отъ нихъ заимствовали, все то отъ природы и отъ времени перемѣнилось въ *Руское.*“ Напротивъ того Несторъ, который ближе былъ къ тѣмъ временамъ, когда области Славянскія назвались *Русью;* Не-

сторъ опредѣлительно говоритъ: *и мы Руские отъ языка*, или народа *Славянскаго.*

Болтинъ также предполагаетъ, будто бы различіе въ языкѣ *Славянъ* и *Руссовъ*, и по совокупленіи ихъ подъ единодержавіе, *нѣсколько вѣковъ существовало.* Естьли бъ различіе въ языкѣ *Руссовъ* и *Славянъ* дѣйствительно *нѣсколько вѣковъ существовало;* то *Несторъ*, жившій въ одиннадцатомъ столѣтіи, не сказалъ бы: *Славянскій и Рускій языкъ одно есть.*

Татищевъ, не совсѣмъ соглашаясь съ Несторомъ въ нераздѣльности языка Славянскаго съ Рускимъ, говоритъ: „Писанныя книги простымъ у *Руссовъ-Славянъ* (1), тогда употребляемымъ, языкомъ, особливо древніе законы, которые неизмѣнно сохранены, о семъ свидѣтельствуютъ.“

Общее употребленіе одного языка, есть, безъ сомнѣнія, самое убѣдительное доказательство *единоплеменства* тѣхъ, которые симъ языкомъ объяснялись и объясняются. Ссылаясь на древніе *Рускіе законы*, Татищевъ невольно подтверждаетъ Несторово

(1) *Руссы-Славяне* или *Славяне Руссы*, все одно и тоже.

мнѣніе о *нераздѣльности* Рускаго языка съ Славянскимъ. Къ щастію, старинные Рускіе законы и до насъ дошли. Къ доказательству, что языкъ, которымъ они писаны, есть языкъ Славянскій или Рускій, приведемъ первую статью изъ сихъ законовъ, подъ заглавіемъ: *Судъ о душегубствѣ.*

„Аще убіетъ мужъ мужа; то мстити брату брата, любо сынови отца, любо отцу сына, любо брата чаду, ли сестрину сынови: аже не будетъ кто его мстя, то положити за голову восемьдесятъ *гривенъ* (1). Аще ли будетъ Русинъ, ли гридинъ (2), ли купецъ, любо *тіунъ* боярской, любо ябетникъ (3), ли мечникъ, любо Изгой (4), ли Словенинъ, то сорокъ гривенъ положити зань.“

Тутъ каждое слово, есть слово Славянское или Руское, кромѣ *тіуна*, по мнѣнію Татищева, означавшаго у Германцевъ уѣзднаго судью. Положимъ, что названіе *тіуна*,

(1) Полагаютъ, что *гривна* означала фунтъ серебра.

(2) *Гридинъ*, дворовой человѣкъ.

(3) Ябедникъ, стряпчій или законовѣдецъ. *Ябеда* тогда сдѣлалась крючкотворствомъ, когда *ябедники* стали употреблять во зло знаніе законовъ.

(4) *Изгой*, названіе жителя волости *Изгой*.

есть слово *Германское*; но можно ли, чтобъ отъ одного и даже нѣсколькихъ заимственныхъ названій, уничтожилось основаніе цѣлаго языка и разрушился *союзъ единоплеменства?* Государь Петръ Первый, учреждая новый воинскій и гражданскій порядокъ, ввелъ множество иностранныхъ названій; но уже ли тѣ Рускіе, которые изъ *Воеводъ* сдѣлались *Генералами*, а изъ *Думныхъ Бояръ Сенаторами* и *Министрами*, уже ли они стали не *Рускими уроженцами?*

Древніе Рускіе законы, безъ сомнѣнія, не тѣмъ *слогомъ* писаны, какимъ переведено Священное Писаніе; но различіе слога нигдѣ и никогда не уничтожало *нераздѣльности природнаго языка.* Тѣ, которые не хотятъ признать *сродства* Рускихъ съ Славянами, производятъ ихъ отъ *Сарматъ* и *Скандинавцевъ*, или *Шведовъ.* Естьли Рускіе были не Славяне; то у нихъ былъ бы и не *Славянской*, но *Сарматской*, *Скандинавской*, или какой другой языкъ. Естьли бъ названіе *отца, матери, кормилицы, сына, брата, сестры;* естьли бъ всѣ тѣ слова, которыя учимся выговаривать отъ самой колыбели, были и по произношенію и по смыслу слова *Сарматскія* или *Скандинавскія:* тогда бы не льзя было не

согласиться, что Руские, не Руские, а Славяне, не Славяне; но что и тѣ и другіе принадлежать къ тому народу, котораго *языкъ*, есть и ихъ *языкъ природный*. Но *Руская Правда*, по утвержденію самаго Татищева, писанная простымъ Рускимъ языкомъ, не показываетъ ни *Сарматскаго*, ни *Скандинавскаго* языка. Слогъ законовъ простъ потому, что законы особенно требуютъ простоты; слогъ Священныхъ книгъ возвышеннѣе потому, что величіе предмета того требуетъ. Посвятившіе себя ученію *Славянскаго языка*, *нераздѣльнаго съ Рускимъ*, понимаютъ и слогъ старинныхъ Рускихъ законовъ, и слогъ Священнаго Писанія. Чѣмъ болѣе будемъ вникать въ свойство Славянскаго нарѣчія, тѣмъ болѣе убѣдимся въ свидѣтельствѣ Нестора, что *Славянскій языкъ не раздѣленъ съ Рускимъ*. А потому Славяне и Руские, объяснявшіеся однимъ и тѣмъ же языкомъ, также не раздѣльны и въ сродствѣ между собою.

Нѣкоторые думаютъ, что *Руссы* не соотечественники Славянамъ отъ того, что имена Рускихъ пословъ, означенныя въ договорахъ съ Греками *Олега* и *Игоря*, кажутся не Славянскими именами. Можно предполо-

жить, что подлинныя имена *Руссовъ* перемѣнились въ сосѣдствѣ съ Варягами; что съ тѣми измѣнившимися именами возвратились они въ родные свои предѣлы, и сохранили оныя, пока жило поколѣніе *Руссовъ*, находившееся за Ладожскимъ озеромъ. Какъ бы то ни было, но *Руссы*, въ чемъ и Болтинъ соглашается, *природные жители* нынѣшней Новогородской области.

По принятіи вѣры Христіянской всѣ Славянскія имена замѣнились именами *Греческими*: должно ли изъ сего заключить, что жители Россіи стали не уроженцами земли Руской?

Предполагая, что Славянскія имена *Руссовъ* перемѣнились въ сосѣдствѣ съ *Варягами* и отъ неправильнаго произношенія заимствовали выговоръ иностранный, предложу примѣръ, до какой степени можно исказить подлинныя имена. *Владимірь* есть настоящее Славянское имя и по смыслу и по выговору. Иностранецъ *Баеръ* или *Бееръ*, желая очужеземить оное, говоритъ: „имя *Владимірь* по теперешнему выговору Рускихъ хотя и Славянское, однако же произхожденіе его сомнительно." Естьли усумнимся, что *Владимірь* есть подлинно Славянское имя, то

что же останется вѣрнаго въ природномъ словѣ и въ отечественныхъ нашихъ лѣтописяхъ? *Баеръ* продолжаетъ: „*Егевардъ Урагской* писалъ: *Валдемаръ*; *Снорь Штурлей* выговаривалъ *Балдемаръ*. Въ изъясненіи Нѣмецкихъ именъ *Шотелій* доказываетъ, что *Валдемаръ* значитъ *лѣсной надзиратель*; но сіе знаменованіе намъ непріятно.“ Мы не отъ самолюбія не вѣримъ, будто бы Славянское имя *Владиміръ* или *Володиміръ* можетъ преобразиться въ *лѣснаго надзирателя*, но потому, что такое знаменованіе противно истиннѣ и свойству Славянскаго языка. Увлекаясь мечтами словопроизводства, *Баеръ* заключаетъ: „*Валмеръ*, *Ватмаръ*, *Вальдемаръ есть лошадь войсковая или воинская!*“ Тутъ не нужно предлагать ни замѣчаній, ни оговорокъ.

Руссы и Славяне и въ Отечествѣ своемъ иногда перемѣняли имена: *Прекраса*, Игорева супруга, названа Олегомъ, *Ольгою*; *Рогнеда* проименована *Гореславою*; *Марія*, сестра Великаго Князя Ярослава, выданная въ супружество за Казиміра, Короля Польскаго, приняла имя *Доброгнѣвы*. Намъ извѣстно самое малое число Славянскихъ именъ; а естьлибъ до насъ дошло оныхъ болѣе, тогда по сообра-

женію можно было бы отыскать подлинный смыслъ Рускихъ именъ, измѣнившихся въ странѣ Варяжской. Упомянемъ еще одно весьма важное обстоятельство. Договоры Рускихъ съ Греками писаны до принятія вѣры Христіянской въ то время, когда еще не употреблялись Славянскія буквы, изобрѣтенныя *Меѳодіемъ* и *Кирилломъ*. По преданію извѣстно, что Рускіе язычники вмѣсто *букв* изображали рѣчи *чертами* и *нарѣзаньми*. Договоры безъ сомнѣнія изображены были *нарѣзаньми* и *чертами*. Естьли Нестору достались даже подлинники договоровъ, то и въ такомъ случаѣ трудно было съ точностію разобрать имена; а естьли до него дошли списки, то рѣшительно можно сказать, что не только имена, но даже и нѣкоторыя рѣчи испорчены переписчиками. Въ наше время такія неисправности весьма часто встрѣчаются и въ печатныхъ книгахъ.

Главное и неоспоримое доказательство, что иностранцы не участвовали въ договорахъ, заключенныхъ *Рускими* съ *Греками*, есть то, что въ сихъ договорахъ нѣтъ ни одного иностраннаго слова. Возвратясь изъ чужихъ предѣловъ съ *заимствзенными* или

испорчеными именами, *Руссы* сохранили природное свое нарѣчіе; памятники о томъ оставили они въ договорахъ, которые, по словамъ Нестора, заключены были не только *словесно*, но и *письменно*.

Естьлибъ цѣлый иностранный народъ появился въ предѣлахъ Славянскихъ: то возможно ли, чтобы сей народъ сталъ вдругъ объясняться по Славянски, и вѣроятно ли, чтобы тогда же не вошло множество чужеземныхъ словъ въ языкъ Славянскій? Но сего не было. Несторъ, который обыкновенно отличаетъ *иноязычные* народы отъ племени Славянъ; Несторъ замѣтилъ бы, что и *Руссы* народъ *иноязычный*. Напротивъ того онъ опредѣлительно говоритъ: Славянскій языкъ нераздѣленъ съ Рускимъ. *Славянскій языкЪ и Руской одно есть.*

Зная, что праотцы наши объяснялись тѣмъ же языкомъ, которымъ и мы говоримъ, будемъ его соблюдать какъ драгоцѣнное отечественное сокровище. Всѣ понятія о святости вѣры предки наши приобрѣтали на своемъ природномъ языкѣ: вѣра, возвѣщаемая нарѣчіемъ *СлавянскимЪ*, нераздѣльнымъ съ *РускимЪ*, вѣра соблюдала Отечество наше во всѣ грозныя и злополучныя времена. Вѣра

и вѣрность сохранили имя *Руское* отъ неоднократнаго нашествія иноплеменниковъ. „*Не погубимъ земли Руской!*" говорили предки наши: „*будемъ ей служить; не пощадимъ для нее жизни своей!*" Доколѣ будемъ животвориться единодушіемъ, дотолѣ среди всѣхъ потрясеній и измѣненій царствъ земныхъ сохранится и не погибнетъ *имя Руское*.

О поселеніи Славянъ въ предѣлахъ Россіи.

(Преданіе).

По словамъ *Новгородскаго Лѣтописца*, первое прешествіе Славянъ въ предѣлы Россіи современно начальнымъ столѣтіямъ *разселенія народовъ* по различнымъ странамъ земли. *Славенъ* и *Русъ*, въ сопровожденіи племени своего, устремились въ путь отъ береговъ Чернаго моря; часто останавливались, но нигдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не находили страны *по сердцу* и *по мыслямъ*. Наконецъ, достигнувъ береговъ озера *Ильменя*, остановились и начали учреждать постоянныя жилища.

Славенъ съ родомъ своимъ поселясь у рѣки *Мутной*, названной послѣ *Волховымъ*,

во имя свое основалъ городъ *Славенскъ*. Въ то же самое время *Русъ*, младшій братъ *Славеновъ*, съ племенемъ своимъ и *подручными* или подчиненными ему людьми, отошелъ недалеко отъ Ильменя къ *соляному ключу* и во имя свое основалъ городъ *Русу*, названную въ послѣдствіи *Старою Русою*.

Не льзя ни утвердить, ни вовсе отвергнуть сего *преданія*. Лѣтописи всѣхъ народовъ первоначально составлялись изъ *преданій изустныхъ*, которыя переходили отъ одного поколѣнія къ другому. Въ продолженіи вѣковъ истинна могла измѣняться; *истинна историческая* не избѣгла того и въ тѣ времена, когда посредствомъ *изобрѣтенія буквъ* нашли способъ сохранять народныя произшествія въ *письменныхъ памятникахъ*. Даже и по отысканіи *книгопечатанія* ложъ часто затмѣвала и теперь еще затмѣваетъ истинну. „Къ щастію отечественныхъ нашихъ лѣтописей," говоритъ сочинитель *Зерцала Россійскихъ Государей*: „темныя мѣста объясняются и подтверждаются точными именами лицъ и, такъ сказать, живыми урочищами." Къ явнымъ свидѣтельствамъ принадлежитъ существованіе городовъ *Славенска* и *Русы*. Первый изъ оныхъ уступилъ мѣсто

Новгороду, другой и понынѣ остался подъ тѣмъ же именемъ и почти въ томъ же мѣстѣ, гдѣ первоначально былъ основанъ. Трудно однако опредѣлить, отъ имени ли единоплеменныхъ поколѣній, или отъ именъ своихъ основателей, *Славенскъ* и *Руса* получили названіе; а еще труднѣе и даже невозможно означить времени ихъ построенія.

Новгородскій Лѣтописецъ называетъ *Славена* и *Руса* Князьями. Неизвѣстно, былиль они *Князья*; но то достовѣрно, что никакое *собраніе людей* или *общество* не было безъ вождя или начальника, и что и самое малое поселеніе разрушается съ истребленіемъ *начальства* и *повиновенія*. Шалаши и города существуютъ силою порядка; въ семействахъ повинуются *старщему*, въ обществахъ *начальнику*.

Въ продолженіи повѣствованія Новгородскій Лѣтописецъ говоритъ, что гнѣвъ небесный поразилъ моровою язвою *Славенскъ* и *Рускія области*. Смерть повсюду распространила свирѣпство свое; одни умирали, другіе удалились въ прежнее Отечество, иные бѣжали въ страны отдаленныя. Города и селы опустѣли; нивы и паствы заросли терніемъ; гдѣ были жилища человѣческія, тамъ

вознеслись дремучіе лѣса. Славенскъ и Руса осиротѣли; въ стѣнахъ ихъ шумѣлъ только вѣтръ пустынный! Такъ пресѣклось первое поселеніе Славянъ въ Россіи.

Второе переселеніе *Славянъ* въ предѣлы Россіи воспослѣдовало съ береговъ рѣки *Дуная.* Приверженность къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ жили предки, переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ и дѣлается *наслѣдственою любовью къ родинѣ.* Любовь сія питается и усиливается *преданіями* о предкахъ; напоминая о нихъ, мы съ ними сближаемся, мы снова ихъ оживляемъ. Можетъ быть между *Славянами* сохранилось *преданіе*, что предки ихъ нѣкогда обитали въ странахъ сѣверныхъ; что у *великаго озера* Ильменя былъ городъ *Славенскъ*, и что тѣ области смѣжны со странами, изобилующими многими избытками для выгодной торговли. Побуждаясь ли старинными *преданіями*, или уклоняясь отъ утѣсненія сильныхъ враговъ, Славяне отъ береговъ *Дуная* разсѣясь по разнымъ странамъ, пришли въ области Россіи и расселились отъ *Днѣпра* до *Волхова.* О времени сего прихода нѣтъ ничего достовѣрнаго; извѣстно только, что *Славяне,* поселившіеся около озера Ильменя, удержали свое имя, а всѣ другіе Сла-

вяне заимствовали имена отъ новыхъ своихъ жилищъ.

О нравахъ Славянъ и Руссовъ или Рускихъ.

Знаменитые города и не рѣдко цѣлыя области измѣняются отъ различныхъ обстоятельствъ: отъ мороваго повѣтрія, землетрясенія, отъ опустошенія и раззоренія причиняемыхъ свирѣпствомъ войны, а притомъ рука времени въ теченіи вѣковъ низвергаетъ всѣ памятники: остается только свидѣтельство о *дѣлахъ* и *нравахъ*. Нравы, дѣла и языкъ изъявляютъ *единоплеменство* народовъ. Такое свидѣтельство еще очевиднѣе было въ тѣ вѣки, когда жители различныхъ странъ находились не въ такомъ тѣсномъ сношеніи, какъ теперь. По свидѣтельству нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, *Славяне*, поселясь въ Россіи, мало скитались по чужимъ землямъ, почему и сохранили *нравы* и *языкъ* свой. Такъ говоритъ Польскій Лѣтописатель *Стрыковскій*.

По словамъ Ломоносова: *имена народамъ даются*. Пріятно мыслить, что предки наши славными и мужественными дѣлами заслужили названіе *Славянъ* или *любителей* и

сыновъ славы. Но чѣмъ славнѣе было имя предковъ, чѣмъ знаменитѣе были ихъ дѣла, тѣмъ ревностнѣе должно поддерживать славу и дѣла ихъ. Петръ Первый, возбуждая въ Рускихъ воинахъ мужество, сказалъ: *слава, народу Славянскому свойственная, должна быть непоколебима и неизмѣнна въ дѣлахъ знаменитыхъ и полезныхъ Отечеству.* И когда прибавилъ, что по ревности къ Отечеству Онъ во всемъ будетъ *другомъ* и *товарищемъ* воиновъ своихъ, тогда они единодушно воскликнули: *или Рускими сынами намъ быть, или не быть живыми!* Вотъ голосъ Рускихъ сыновъ славы, достойныхъ потомковъ *Славянъ.*

Славяне извѣстны стали войною. Въ лѣтописи народныя они *вписали имя свое мечемъ и копіемъ.*

Не зная ни роскоши, ни нѣги, которыя сперва разслабляютъ тѣлесныя, а потомъ и душевныя силы, Славяне легко переносили жаръ, стужу, всѣ труды и тягости военныя.

И *Руссы* или *Рускіе* неутомимы въ трудахъ воинскихъ; они не знаютъ усталости въ дальныхъ походахъ; крѣпостію сложенія своего побѣждаютъ стужу, жаръ; мужественно сражаются подъ знойнымъ небомъ, отваж-

но переходятъ съ цвѣтущихъ долинъ и полей на вершины ледяныхъ горъ; сражаются въ непроходимыхъ ущелинахъ, какъ будто бы на ровномъ мѣстѣ; словомъ: Руские или орлиные полки пролетаютъ вездѣ, гдѣ только *вѣтры могутъ дуть!*

Славянская пѣхота вооружалась щитами и копьями; латъ у нее не было. Славяне употребляли также саблю и лукъ и по большей части сражались пѣшіе.

Славяне отличались искуствомъ ловить непріятелей, притаиваясь за кустами или въ травѣ. Симъ искуствомъ и въ наше время отличаются *Руские козаки.*

Руская пѣхота и понынѣ слыветъ первою и непобѣдимою. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ Полководцевъ осьмнадцатаго столѣтія сказалъ: *можно разстроить Руских, но побѣдить не льзя.*

Нѣкоторые говорятъ, что *Славяне* такъ называются отъ того, что были тверды и непоколебимы въ *словахъ* и обѣщаніяхъ. Такая *слава* равняется *славѣ*, пріобрѣтаемой защитою Отечества и родной страны. Гдѣ воюютъ для грабежа и изъ своеволія, тамъ нѣтъ ни *славы,* ни чести. *Слава* есть неразлучная сопутница *справедливости.*

Повѣствуютъ, что Славяне для соблюденія даннаго слова претерпѣвали муки и смерть. Нарушитель даннаго слова наказывался общенародно. И Россіяне, потомки ихъ, говорили: *попятчику*, то есть, нарушителю слова, *да будетъ стыдно!*

Славяне всегда дорожили отечественною своей свободой; кичливымъ врагамъ, требовавшимъ отъ нихъ рабской покорности, они говорили: „Никто не овладѣетъ землями нашими, доколѣ не притупятся мечи и копья."

Славяне не одной войною занимались. Они не *кочевали*, то есть, не переходили изъ одного мѣста въ другое, но имѣли постоянныя жилища. Гдѣ остановились, тамъ строились; городамъ и мѣстечкамъ давали *Славянскія названія*.

Любя свой языкъ, *Славяне* старались, чтобъ и народы, ими побѣжденные, перенимали ихъ нарѣчіе.

Трудно и едва ли возможно опредѣлить древность Славянскаго поколѣнія. То же можно сказать и о другихъ народахъ. Бытіе народовъ увѣковѣчиваютъ *языкъ*, *вѣра* и *добродѣтель*.

Государыня Екатерина Вторая въ Запискахъ своихъ касательно Россійской Исторіи

говоритъ: „Всего важнѣе замѣчать, который народъ прежде *прославился добронравіемъ и прочими добродѣтелями.*"

Основаніе города Кіева.

Кромѣ Славянъ, поселившихся около озера Ильменя, всѣ другіе Славяне, пришедшіе въ области Россіи, приняли имена отъ рѣкъ и урочищъ, гдѣ остановились. Славяне, называвшіеся *Полянами*, жили особо; старѣйшина въ родѣ или семействѣ былъ у нихъ начальникомъ; подражая предкамъ своимъ, они имѣли постоянныя жилища. Несторъ говоритъ: „Поляне жили семействами и управлялись старшиною семейства."

Между Полянами были три брата: *Кій*, *Щекъ* и *Хоревъ*; а у нихъ сестра *Лыбѣдь*. Оставя поля, отъ которыхъ Кіевскіе Славяне назвались *Полянами* или жителями полей, Кій и братья его перешли на горы. Кій поселился на горѣ, гдѣ нынѣ *Зборичевъ*; Щекъ занялъ гору, гдѣ *Щековица*; Хоревъ поселился на третей горѣ, назвавшейся отъ имени его *Хоривицей*. Нагорные владѣльцы построили *городокъ* во имя старшаго своего брата *Кія*. Уваженіе къ старшинству семейственному происходитъ отъ

тихаго, кроткаго, миролюбиваго нрава и отъ приверженности къ добродѣтелямъ предковъ. „*Поляне,*“ говоритъ Несторъ: „по обычаю предковъ своихъ были тихи, кротки; они уважали матерей, соблюдали бракъ и не предавались своеволію.“ Къ симъ добродѣтелямъ Кій и братья его присовокупляли благоразуміе и мудрую осторожность, которая охраняетъ малыя и большія общества.

Всѣ народы, которые начинали утверждаться въ постоянныхъ жилищахъ и устроивать общежитіе, уважали не только воиновъ, защищавшихъ домашніе предѣлы отъ внѣшнихъ враговъ, но приносили дань любви и признательности и *благодѣтельнымъ звѣроловцамъ*, оборонявшимъ селенія, паствы, нивы и луга отъ нападенія хищныхъ и дикихъ звѣрей. Около Кіева былъ дремучій лѣсъ и пространный боръ. Кій съ братьями своими вооружался на дикихъ звѣрей, ловилъ и истреблялъ ихъ для пользы и безопасности новаго своего селенія.

Нѣкоторые люди по невѣденію называли Кія перевозчикомъ, отъ того, что тогда былъ перевозъ съ другой стороны Днѣпра къ *городку* Кіеву. Желавшіе туда переправиться, обыкновенно говорили: *пойдемъ на*

Кіевъ перевозъ. Кій подлинно княжилъ, или владѣлъ надъ племенемъ своимъ и ходилъ къ Греческому Царю, о имени котораго не упомянуто. Но изъ старинныхъ преданій извѣстно, что Царь принялъ Кія дружелюбно и съ почестію. Кій ходилъ въ Цареградъ какъ *мирный гость;* ходилъ можетъ быть для того, чтобъ узнать управленіе той страны и увидѣть хорошее и полезное. Никакое преданіе не извѣщаетъ о военныхъ предпріятіяхъ миролюбиваго *Князя Полянъ.* Кію воздана была въ Цареградѣ честь какъ *гостю* и *посѣтителю;* честь самая лестная и служащая воздаяніемъ миролюбивой добродѣтели!

Возвращаясь изъ Цареграда и дошедъ до Дуная, Кій полюбилъ пріятное мѣстоположеніе, срубилъ городокъ и хотѣлъ тамъ остаться съ племенемъ своимъ; но окрестные жители въ томъ ему воспрепятствовали. Мѣсто же, гдѣ Кій срубилъ городокъ, и въ Несторово время называлось *городище Кіевецъ.* Кій умеръ въ городѣ своемъ Кіевѣ. Тамъ же погребены братья и сестра его.

Нѣкоторые полагаютъ, что Кій и братья его не *Поляне,* но пришельцы къ *Полянамъ,* и что Кіевъ основанъ ими около 430 года.

Другіе пишутъ, будто бы Кій ходилъ въ Царьгрядъ съ сильнымъ войскомъ. Несторъ не упоминаетъ ни о войскѣ, ни о войнахъ; онъ разсказываетъ только, что Кій срубилъ городокъ; что онъ княжилъ въ *Полянахъ*; что ходилъ въ Царьградъ, гдѣ былъ принятъ съ честію, и что Кій и братья его отличались добрыми нравами и умомъ. О добродѣтеляхъ Кія и братьевъ его свидѣтельствуютъ любовь и согласіе семейственное; мудрость ихъ знаменуется склонностію къ созиданію общежитія. Мудрость и *смыслъ* заключаются въ созиданіи, а не въ разрушеніи.

Преподобный Несторъ повѣствуетъ, что чрезъ тѣ мѣста, гдѣ нынѣ *Кіевъ*, проходилъ *Андрей* Апостолъ и сказалъ ученикамъ своимъ: „Видители горы сіи? Отъ нихъ возсіяетъ благодать Божія. Тутъ будетъ знаменитый градъ, и тутъ воздвигнутся церкви, гдѣ будутъ славословить Бога любви и милосердія.“

Первые лучи вѣры Христіянской блеснули на горахъ Кіевскихъ, и оттуда, подобно лучезарному солнцу, освѣтили всѣ Рускія области.

О различныхъ наименованіяхъ Славянъ и о народахъ, обитавшихъ въ Руси или Россіи.

Пришедъ въ Россію, Славяне раздѣлились на различныя общества и заимствовали имена отъ мѣстъ, гдѣ поселились. Одни Новогородскіе Славяне удержали имя Славянъ. Оставшіеся на *поляхъ* въ странѣ Кіевской, назвались *Полянами*; нагорные жители наименовались *Горянами*; отступившіе отъ Кіева на Сѣверъ проименовались *Сѣверянами*. Славяне, засѣвшіе въ частыхъ и густыхъ лѣсахъ, прослыли *Древлянами*; поселенцы на рѣкѣ *Полотѣ* назвались *Полочанами; Славяне-Кривичи* жили между рѣкъ *Припѣти* и *Двины*, потомъ отдалились къ верховьямъ рѣкъ *Волги, Двины, Оки* и *Днѣпра*. Татищевъ говоритъ, что Несторъ можетъ быть потому помѣстилъ въ число Славянъ *Кривичей* и *Дряговичей*, что Славяне овладѣвъ ими, сами приняли названіе *Кривичей* и *Дряговичей*. Не распространяясь о семъ, Несторъ предлагаетъ просто: *Кривичи сѣдятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ*. Несторъ полагаетъ, что Днѣпръ, Двина и Волга вытекаютъ изъ одного лѣса, названнаго *Волковскимъ лѣсомъ*.

Изчисля Славянскія поколѣнія, поселившіяся въ Россіи подъ различными именами, заимствованными отъ мѣстъ, Несторъ прибавляетъ: „*на Бѣлѣ озерѣ сѣдятъ Весь, а на Ростовѣ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ сѣдятъ Меряжъ, а на Оцѣ рѣцѣ, гдѣ втечетъ въ Волгу, Мурома, Черемиса, Мордва.*" Всѣ сіи народы говорили своимъ, а не Славянскимъ языкомъ. О дѣлахъ и нравахъ ихъ ничего не упомянуто. Сочинитель *Историческихъ разговоровъ о древностяхъ великаго Новагорода* замѣчаетъ, что всѣ древнѣйшіе Сѣверные народы, по нуждѣ въ пропитаніи и для рыбной ловли, селились около озеръ и на берегахъ рѣкъ. Хлѣбопашество процвѣтаетъ вмѣстѣ съ общежитіемъ.

О народахъ иноязычныхъ, обитавшихъ въ Руси.

Чудь. По словамъ нѣкоторыхъ *Чудь* значитъ *чужеземецъ*; по словамъ другихъ *сосѣдъ* или *знаемый*. Чудь жила въ предѣлахъ нынѣшней *Лифляндіи* и *Эстляндіи*. Именемъ сего народа назвалось *Чудское озеро*. Сочинитель *Историческаго изслѣдованія о Двинскомъ на-*

родѣ говоритъ, что *Чудь*, названная Несторомъ Заволоцкою *Чудью*, обитала въ Двинскомъ уѣздѣ. Въ *Степенной книгѣ* сей народъ также названъ *Двинянами*. Тамъ сказано, что *Двиняне* отрекшись платить дань Новгороду, прибѣгли къ Суздальскому Князю *Андрею Юрьевичу*, за что и произошла война. Сочинитель Исторіи о *Двинскомъ народѣ* прибавляетъ: „Владѣніе Великоновгородскихъ Славянъ надъ землею *Заволоцкой Чуди* продолжалось болѣе шести вѣковъ въ языческія и Христіянскія времена. Не извѣстно, какое было чиноположеніе Новгородскаго правленія надъ *Заволоцкою Чудью* во дни мрачнаго язычества. Въ Христіянскіе же вѣки Новгородцы управляли *Заволоцкой народъ* посредствомъ своихъ начальниковъ, которые *посадниками* и *боярами* назывались. Въ началѣ сіи Земскіе правители жили въ двухъ деревняхъ близь *Холмогоръ*, потомъ перешли въ *Холмогоры*. Кромѣ Новгородскихъ чиновниковъ были еще особливые начальники, выбираемые изъ народа: *староста* надъ *купцами*, *сотской* надъ *земледѣльцами*. . Въ землѣ *Заволоцкой Чуди*, удаленной отъ военнаго шума, въ различныя времена селились Новгородцы, отъ чего и *Чудской* языкъ за

мѣненъ сталъ Славянскимъ нарѣчіемъ." Выписка сія *вопервыхъ* показываетъ распорядокъ земскаго правленія, *вовторыхъ* свидѣтельствуетъ, отъ чего одинъ языкъ изчезаетъ и замѣняется другимъ.

Весь. Подлинное значеніе по Славянски село, деревня, слобода. Народъ ли означаетъ Несторъ подъ именемъ *Веси*, или селеніе, не извѣстно. Въ Тверскихъ предѣлахъ есть городъ *Весьегонскъ*; можетъ быть въ семъ имени скрывается старинное названіе народа.

Меря. Сей народъ жилъ при озерахъ *Ростовскомъ* и *Клещинскомъ*, которое въ послѣдствіи отъ города *Переяславля Залѣсскаго* назвалось Переяславскимъ озеромъ. Руcкіе называютъ *Мерю Мордвою*; а сей народъ называетъ себя *Мори*. Послѣ различныхъ перехожденій *Меря* поселилась въ предѣлахъ *Вятскихъ* и *Уфимскихъ*, гдѣ и перемѣшалась съ *Чувашами* и *Черемисами*.

Мурома. Сей народъ жилъ, гдѣ нынѣ *Муромъ* и *Касимовъ*, и превратился въ Руcкихъ. Желательно, чтобы то же воспослѣдовало со всѣми иноязычными племенами, населяющими Россію. Отеческое правленіе

и ученіе Рускаго языка могутъ къ сему способѣшествовать.

Черемиса. Сей народъ называетъ себя *Мори*, и живетъ на нагорной сторонѣ Волги, отъ Суры рѣки внизъ до устья Свіяги.

Народъ *Емь* или *Ямъ* жилъ отъ Ладожскаго озера до Бѣлаго моря. Болтинъ говоритъ, что *Чудь*, соплеменная *Еми*, называла сей народъ *Улима*, означая тѣмъ, что *Емь* обитала выше ихъ по теченію рѣкъ. *Улима* по *Чудски* верхняя область.

Мордва. Сей народъ называетъ себя *Моря*.

Печора. Полагаютъ, что сей народъ заимствовалъ имя отъ рѣки *Печоры*.

Литва, область извѣстная; языкъ жителей оной доказываетъ смѣшеніе со Славянами.

Зимѣгола, или *Семигали* и Кури, въ Курляндіи.

Корсь, жители Курляндіи.

Нерома. О семъ народѣ нѣтъ никакихъ особенныхъ свидѣтельствъ. Въ старину Ро-

стовское озеро называлось *Неро;* въ *Пермской* странѣ есть рѣчка *Неромка.* Сіи названія довольно близки къ имени народа *Нерома;* но естьли какое подлинное сношеніе, не могу заключить.

Ливь, народъ Лифляндской. Рускіе, говоритъ Болтинъ, въ старину называли *Ливь Чудью;* но отъ времени Царя Іоанна Васильевича страна ихъ проименовалась *Ливоніей,* а слово *Чудь* осталося въ простолюдимствѣ.

Объясненій о именахъ сихъ народовъ изъ иностранныхъ писателей не привожу. По словамъ сочинителя книги о *первобытной Россіи и ея жителяхъ,* и въ Рускихъ книгахъ можно найти много хорошаго о древней Россіи. *Иноязычные писатели,* говоритъ Татищевъ: *не внятно выслушавъ названіе, не правильно писали.* Сіе мнѣніе и въ наше время весьма часто подтверждается и оправдывается. Достовѣрно и то, что и Рускіе, не всегда явственно предлагали названія иноземныя. Естьли бы каждый народъ особенно занимался своимъ отечественнымъ, тогда бы менѣе было запутанности въ понятіяхъ, въ дѣлахъ и названіяхъ. Жизнь быстро проходитъ! мы

едва успѣваемъ оглядѣться около себя. . . . Прилѣпивъ къ Отечеству умъ и сердце, не станемъ обольщаться чужимъ.

Славяне данники.

Какимъ бѣдственнымъ превратностямъ подвергается участь народовъ, естьли они не соблюдаютъ умѣренности, осторожности, справедливости и согласія! Всѣ различныя племена, населявшія *полуночныя* или *сѣверныя* области нашего Отечества, повиновались Новогородскимъ Славянамъ и платили имъ дань; и повелители стали данниками *Варягъ*. Такому жребію вездѣ и во всякое время подвергались общества, отъ *повиновенія* переходившія къ *своеволію*, а отъ *единодушія* къ *разномыслію*. Отъ тѣхъ самыхъ причинъ и Новогородскіе Славяне изъ повелителей учинились данниками.

Въ разсужденіи *КіевскихЪ СлавянЪ* можно догадаться, что они для избѣжанія раззоренія, войны и междоусобія, согласились платить дань *КозарамЪ* народу *иноязычному*.

Мы видѣли, какимъ спокойствіемъ, миромъ и согласіемъ наслаждались Поляне при *Кіѣ*, основателѣ града Кіева. Осталось ли потомство отъ сего Князя и долго ли оно управляло Кіевскою страною, не извѣстно. Несторъ упоминаетъ только, что когда не стало вождей *мудрыхъ* и *осторожныхъ*, съ того времени миновалось спокойствіе и домашнее щастіе обитателей Кіева. *Древляне*, привыкнувъ жить въ лѣсахъ, суровостію нравовъ уподобились звѣрямъ дикимъ и свирѣпымъ; и хотя происходили отъ однихъ Славянъ съ Полянами, но во всемъ различествовали отъ нихъ *нравами* и *обычаями*. Несходство нравовъ, обычаевъ и образа мыслей раздѣляя единокровныхъ, дѣлаютъ ихъ чужими. Одичавшіе *Древляне* первые въ предѣлахъ Кіевскихъ возмутили миръ и тишину. Вскорѣ и другіе окольные народы послѣдовали ихъ примѣру; наконецъ явились новые враги. Иноплеменники *Козары* напали на Кіевлянъ и сказали имъ: „Платите намъ дань!" Посовѣтовавъ между собою, Кіевляне опредѣлили *Козарамъ* отъ *дыма*, то есть, отъ каждаго жилья по *мечу*. Возвратясь съ сею данью въ свои области, *Козары* увѣдомили Князя и старшинъ о по-

лученіи *новой дани.* Князь и старшины спросили: гдѣ достали они оную? *Козары* отвѣчали: *въ лѣсахъ и на горахъ надъ рѣкою Днѣпромъ.* Князь и старшины опять спросили: *что вамъ дали?* И увидя *мечи*, укорили *Козаръ* сими словами: *не хороша дань сія. Мы побѣждали оружіемъ, у котораго остріе на одной сторонѣ, а у Полянъ обѣ стороны угрожаютъ остріемъ.*

Изъ сего разсказа не льзя заключить, со времени ли перваго прихода *Козаръ* Кіевляне учинились подлинными ихъ данниками, или послѣ принуждены были къ тому силою и оружіемъ Козаръ. Не входя ни въ какія подробности о причинахъ, подвергшихъ *дани* Кіевскихъ м Новогородскихъ Славянъ, Несторъ просто говоритъ: „Въ 859 году изъ „*за морія*, то есть, изъ-за Ладожскаго озе-„ра приходили *Варяги* за данью, которую „платили *Чудь*, *Славяне*, *Меря* и всѣ *Кри-„вичи*; а *Козары* получали дань отъ *Полянъ*, „*Сѣврянъ* и *Вятичей*.“

О сношеніи Славянъ съ Варягами, о Гостомыслѣ и о междоусобіи Славянъ.

Іоакимъ *Корсунянинъ*, первый Новогородскій Епископъ, повѣствуетъ, что Славяне особенно сблизились съ *Варягами* съ того времени, когда *Вандалъ* (1), Князь или вождь Славянъ, вступилъ въ супружество съ *Адвиндою*, рожденною въ странѣ *Варяжской*, и славившеюся красотою лица и качествами душевными. Напоминаніе о *Адвиндѣ* сохранилось въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ.

Увлекаясь воинскою славою, *Вандалъ* покорилъ всѣ области отъ Варяжекаго или Балтійскаго моря до Ладожскаго озера, которое также моремъ называлось. Старинной Лѣтописецъ говоритъ: *Вандалъ завоевалъ всѣ земли отъ моря до моря.* Между тѣмъ по обычаю Славянъ, любившихъ созидать города и давать имъ свои названія, Вандалъ во имя сыновъ своихъ *Избора, Владиміра* и *Столпосвята* основалъ три города: *Изборскъ, Владиміръ* и *Столпосвятъ.* Памятники сихъ городовъ и понынѣ не изчезли. Неподалеку

(1) Полагаютъ, что сіе имя неправильно означено въ спискѣ съ Лѣтописи Іоакимовой.

отъ Пскова находится древній городъ *Изборскъ* при рѣчкѣ *Славянскіе ключи.* Въ той же области существовалъ до шестнадцатаго столѣтія и городъ *Владимиръ*, который, претерпя раззореніе отъ Паляковъ, превратился въ небольшое село. Въ предѣлахъ Новгородскихъ на рѣкѣ *Тихвинѣ* есть село *Столбово*, гдѣ въ 1617 году заключенъ миръ со Шведами. Можетъ быть имя города *Столпосвята* измѣнилось въ названіе села *Столбова.* Время и обстоятельства, преображающія города и области, не истребили названій, относящихся къ лицамъ, во имя которыхъ основаны были три древніе города: *Изборскъ*, *Владимиръ* и *Столпосвятъ.* Хотя въ Іоакимовой Лѣтописи и не означены годы; но сей недостатокъ замѣняется явственнымъ показаніемъ мѣстъ, согласныхъ съ описаніемъ лицъ и произшествій.

По смерти Вандалона сына Владиміра и матери его Адвинды, неизвѣстны имена вождей или Князей Славянскихъ до самаго *Буривоя.* Однако о дѣлахъ тѣхъ Князей остались слѣды въ старинныхъ пѣсняхъ, которыя можно полагать въ число изустныхъ и народныхъ преданій. Дѣла и имена многихъ витязей и богатырей дошли

до насъ въ отголоскахъ народныхъ пѣсней. Сердца Рускія любятъ славить мужество и добродѣтель.

Хотя и *Буривой* имѣлъ въ супружествѣ жену изъ поколѣнія Варягъ, но онъ часто побѣждалъ ихъ и распространилъ владѣніе свое до рѣки *Кюмени*. Перемѣнилось щастіе; умолкла слава побѣдъ! Претерпя пораженіе на берегахъ той самой рѣки, гдѣ нѣкогда торжествовалъ, Буривой потерялъ почти всѣхъ воиновъ своихъ; вмѣстѣ съ ними лишась и обладанія, спасся бѣгствомъ на островъ, гдѣ былъ укрѣпленный городъ *Бярмы*. Тамъ провелъ Буривой остатокъ скорбнаго существованія, и умеръ, переживъ славу свою.

Варяги, въ очередь свою усилясь побѣдоносымъ оружіемъ, снова покорили *Великій градъ*, привели въ подданство прочіе Рускіе города и возложили тяжкую дань на *Славянъ*, на *Русь* и на *Чудь*. Все сіе совершилось еще тогда, когда Буривой жилъ, заключась въ стѣнахъ города Бярмы. Славяне, Русь и Чудь, страдая подъ игомъ Варягъ, отправили къ нему пословъ съ просьбою, чтобы онъ отпустилъ сына своего *Гостомысла* на княженіе въ *Великій градъ*. Съ прибытіемъ Гостомысла въ области Славянскія, возвратились подъ

знамена Славянъ щастіе и побѣда. Разрушилось владычество Варягъ; нѣкоторые изъ нихъ погибли въ землѣ Славянской, другіе были изгнаны, и дань прекратилась. Въ то же самое время Гостомыслъ ополчился на предѣлы Варяжскіе, побѣдилъ Варягъ и во имя старшаго своего сына *Выбора* основалъ городъ при *Морѣ*. Умѣренность есть свойство великихъ душъ. Удовлетворясь освобожденіемъ Славянъ отъ тяжкой и позорной дани, Гостомыслъ заключилъ съ Варягами миръ и неусыпно занимался учрежденіемъ внутренняго порядка и расправы. Мужествомъ и славою побѣдъ устрашалъ онъ иноплеменниковъ; правосудіемъ и добродѣтелью привлекалъ сердца людей своихъ.

Ненадежно и самое блестящее человѣческое щастіе! Украсясь славою во дни юности, Гостомыслъ испыталъ всѣ душевныя скорби въ преклонности лѣтъ. Изъ четырехъ сыновъ его одни пали на полѣ битвъ; другихъ похитила преждевременная смерть. Три дщери находились на чужой сторонѣ въ замужствѣ за сосѣдними владѣльцами. Опустѣлъ домашній кровъ; осиротѣлъ отецъ семейства у дверей гроба! Скорбѣлъ злополучный Гостомыслъ, скорбѣлъ и

народъ, имъ управляемый. Уже не могъ онъ съ прежнею силою защищать предѣлы Славянскіе отъ нападенія завистливыхъ и хищныхъ сосѣдей.

Вѣроятно, что и внутренняя расправа поколебалась въ послѣдніе годы жизни Гостомысловой. Въ народныхъ правленіяхъ нужно удивлять дѣлами чрезвычайными; а безъ того народъ вскорѣ охладѣваетъ и весьма часто за попеченіе о его безопасности платитъ неблагодарностью. Обремененный лѣтами и скорбію, Гостомыслъ сближался съ могилою; Славяне нарушили повиновеніе; *Варяги* снова вторглись въ области Славянскія и требовали дани. По Несторовой Лѣтописи, Варяги пришли 859 года за данью изъ-*за моря*, то есть, изъ за Ладожскаго озера. Славяне отказали Варягамъ. Согласіе и единодушіе спасаютъ отъ всѣхъ покушеній враговъ, и падающее Отечество удерживаютъ на краю пропасти. Но Славяне предались своеволію и разврату. Каждый домогался начальства, никто не хотѣлъ повиноваться: рушился порядокъ, изчезла правда и законъ. Родные вооружились противъ родныхъ, братья возстали на братьевъ. Своевольное и развратное общество не

можетъ долго существовать: оно гибнетъ или отъ домашняго мятежа, или отъ нападенія внѣшнихъ враговъ, пользующихся безсиліемъ народа своевольнаго. Безначаліе Славянъ продолжалось *три года.*

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Хотя все предложенное здѣсь о древней *Руси* или Россіи почерпнуто изъ отечественныхъ Лѣтописей, но я не смѣлъ писать утвердительно. Изображая различныя переселенія и смѣшенія Славянскаго народа, Ломоносовъ говоритъ: „Всѣхъ походовъ, преселеній и смѣшеній Славянскаго народа для великаго ихъ множества и сплетенія описать невозможно и не такъ нужно, какъ *показать дѣла нашихъ праотцевъ.*" Болтинъ, особенно посвятившій себя историческимъ изслѣдованіямъ, такимъ образомъ объясняется: „Возводить нашу Исторію далѣе Рурика," говоритъ онъ въ примѣчаніяхъ своихъ на Исторію Князя Щербатова: „и терять время въ тщетныхъ розысканіяхъ и разбирательствахъ вещей, до насъ не принадлежащихъ, есть не меньше трудно, сколь и безполезно."

И въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ: „*Дѣянія* и *слава*, означающія душевныя качества Государей, всего драгоцѣннѣе въ Исторіи.“

Главная обязанность Историка предлагать дѣянія и произшествія, изъявляющія, что приносило пользу и что причиняло обществу вредъ. Отечественная Исторія должна быть училищемъ нравственности и добродѣтели.

Конецъ вступленія.

РУСКАЯ ИСТОРІЯ.

ОТЪ РУРИКА ДО КОНЧИНЫ ВЛАДИМИРА ПЕРВАГО ИЛИ ДО ВТОРИЧНАГО РАЗДѢЛЕНІЯ РОССІИ НА УДѢЛЫ.

ТО ЕСТЬ ОТЪ 862 ДО 1015 ГОДА.

Рурикъ.

Первый Руской Князь, отъ котораго началось наслѣдственное правленіе въ Россіи, былъ соотечественникъ Руссовъ и Славянъ. Іоакимъ повѣствуетъ, что Рурикъ, сынъ *Умилы*, средней дочери Гостомысла, знаменитаго Новгородскаго Старшины или Посадника. Тотъ же лѣтописатель прибавляетъ, что дочь Гостомыслова была въ замужствѣ за нѣкоторымъ Финскимъ владѣльцемъ.

Изслѣдуемъ сіе преданіе.

Естьли Рурикъ сынъ владѣльца Финскаго; то онъ получилъ въ наслѣдство отцовскія области, и хотя по матери своей соединенъ съ Славянами; но по отцѣ принадлежалъ къ природному своему краю. *Отечество и наслѣдство* вездѣ драгоцѣнны человѣку: трудно преодолѣть *любовь къ родинѣ*, не естественно также промѣнять *вѣрное наслѣдство* на обладаніе ненадежное. Естьлибъ *Рурикъ* былъ владѣлецъ иноземной, естьлибъ онъ дѣйствительно обладалъ землями по *наслѣдству*: то могъ ли бы въ одно мгновеніе согласиться на предложеніе Славянъ, а притомъ еще убѣдить и двухъ братьевъ своихъ

слѣдовать за нимъ изъ своей земли въ чужую? Разсуждая о Рурикѣ и братьяхъ его, одинъ изъ нашихъ писателей говоритъ: „Оставить наслѣдство, Отечество и идти обладать чужими и незнакомыми народами, есть почти дѣло невозможное."

Основываясь на непреодолимой любви къ родному краю и на привязанности къ наслѣдству предковъ, я предполагаю, что *Рурикъ* принадлежалъ къ поколѣнію *Руссовъ*, перешедшихъ изъ *Руси* за Ладожское озеро. Вѣроятно и то, что *Рурикъ* и братья его, отличаясь мужествомъ и благоразуміемъ, избраны были *Руссами* въ начальники или Князья. *Руссы* и на чужой сторонѣ могли учинить сіе избраніе; они жили отъ Варягъ отдѣльно. Можно также предположить, что начальство надъ *Руссами* къ Рурику и братьямъ его перешло по наслѣдству. Любя свое Отечество, желая, чтобы *Руссы* и *Славяне* снова соединились къ общей ихъ пользѣ, Гостомыслъ выдалъ среднюю свою дочь за отца Рурикова. Наконецъ, сей Славянскій Старшина или Посадникъ, лишась всѣхъ сыновъ своимъ, и видя, что *избирательное* и *народное правленіе* влечетъ къ распрямъ и междоусобіямъ, убѣдилъ, чтобы

Славяне учредили у себя *правленіе наслѣдственное.* Призвавъ на совѣтъ Старшинъ изъ Славянъ, Чуди, Мери и Кривичей, Гостомыслъ имъ сказалъ: „Нѣсколько уже лѣтъ продолжается у насъ междоусобіе; въ старости моей, изнуренной лѣтами и скорбію, не могу одинъ укротить народнаго волненія. Славяне любили Гостомысла, когда имя его возвѣщалось славою громкихъ побѣдъ; сердца ихъ начинаютъ охладѣвать къ старцу безсильному. Но съ угасающею жизнію моей, сердце мое не охладѣло къ Отечеству; съ любовію къ нему сойду въ могилу. . . . Сыновъ у меня нѣтъ: однихъ постигла смерть преждевременная, другіе пали на полѣ битвъ. Осиротѣвъ на землѣ, не за семейство мое предстательствую, но за общую пользу Отечества. Вы видѣли, сколь пагубно правленіе, зависящее отъ произвола и прихотей народа. Вамъ нужно правленіе *наслѣдственное*, вамъ нужны Князья, уполномоченные спасительною властію, соглашающею воли ваши къ общему благу и ко взаимнымъ вашимъ выгодамъ. Подъ державою *наслѣдственныхъ Князей* народная любовь содѣлывается *добродѣтелью наслѣдственною.* Подъ такимъ щастливымъ правленіемъ живутъ единоземцы наши *Руссы,* пере-

селившіеся отъ насъ за Ладожское озеро. Они удалились отъ нашихъ раздоровъ и мятежей. *Руссы* не обезславили Славянъ, съ которыми соединены природой и языкомъ. Имя Руское славится и въ области иноземной. У *Руссовъ* княжатъ три брата, сыны средней моей дщери; но не родство съ ними, а польза Славянъ побуждаетъ меня говорить о моихъ внукахъ. Не возмущаясь ни раздорами, ни междоусобіями, *Руссы* благоденствуютъ подъ управленіемъ своихъ Князей. Ступайте за *море Руское*, ступайте къ *горѣ Руской*; возвѣстите *Рурику* и братьямъ его, что Славяне призываютъ братьевъ своихъ *Руссовъ* и готовы съ ними жить подъ властію Князей миролюбивыхъ и благоразумныхъ; скажите имъ, что день ихъ пришествія будетъ днемъ торжества для Славянъ, а днемъ ужаса для враговъ. Устрашатся враги наши, услыша, что братья съ братьями примирились; что Руссы и Славяне возобновили союзъ семейственный. . . . Скажите внукамъ моимъ, что горестный ихъ дѣдъ, стоящій у дверей гроба, молитъ боговъ о томъ только, чтобы прижать ихъ къ своему сердцу, и отходя въ могилу, насладиться примиреніемъ *Руссовъ* съ Славянами!“

Старшины, вразумленные совѣтомъ великодушнаго Гостомысла, отвѣчали: „Пойдемъ, поищемъ себѣ Князя, который бы владѣлъ надъ нами и соблюдалъ судъ и правду.“ Престарѣлый Гостомыслъ не дождался внуковъ своихъ изъ-за моря Рускаго: смерть прекратила послѣднюю его надежду. Славяне, въ память Гостомысловыхъ заслугъ, предали тѣло его землѣ на полѣ *Волотовомъ*, то есть, на полѣ исполинскомъ или богатырскомъ.

Между тѣмъ Славянскіе и другихъ народовъ Старшины, прибывъ въ селеніе *Руссовъ*, возвѣстили Рурику и братьямъ его о приглашеніи въ области Славянскія. „Земля наша,“ сказали они, „велика и обильна, но въ ней нѣтъ порядка; придите, владѣйте и княжите у насъ. Славяне призываютъ братьевъ своихъ *Руссовъ*; Гостомыслъ ждетъ внуковъ своихъ.“

Восхищенный сею вѣстію, Рурикъ немедленно сообщаетъ ее всѣмъ соотечественникамъ своимъ *Руссамъ*; немедленно сзываетъ *всю Русь* къ *горѣ Руской*, и вѣщаетъ: „Славяне, наши единоземцы, примиряются съ братьями своими *Руссами* и призываютъ насъ въ области свои; поспѣшимъ, исполнимъ

ихъ желаніе, поспѣшимъ въ родные наши предѣлы. Славяне узнали, какъ пагубенъ раздоръ съ соотечественниками; а мы въ чужихъ предѣлахъ узнали скорбь и тоску по родинѣ. Въ области иноземной мы сохранили имя Руское. . . Поспѣшимъ въ отечественную нашу *Русь*, поспѣшимъ на помощь братьевъ и соотечественниковъ."

Рурикъ пришелъ не въ дикій и безлюдный край. Въ различныхъ областяхъ Россіи существовали тогда народы и города. Россія и тогда была землею обильной и пространной; но междоусобія поколебали въ ней общежитіе: она бы могла и погибнуть, естьлибъ Славяне заблаговременно не уклонились отъ *своеволія* къ *повиновенію*.

Пользуясь знаніемъ мѣстъ и языка Славянскаго, *Рурикъ*, *Синеусъ* и *Труворъ* учредили жительство свое въ трехъ различныхъ мѣстахъ. По сказанію Іоакима и Нестора, Рурикъ поселился въ *Старой Ладогѣ*, Синеусъ на *Бѣлѣ озерѣ*, Труворъ въ *Изборскѣ*. Естьлибъ не существовали тогда въ Россіи удобные пути ко взаимному сообщенію; то Синеусъ не удалился бы отъ Рурика за нѣсколько сотъ верстъ.

Не льзя также не замѣтить и не похвалить мѣръ, принятыхъ Рускими Князьями къ оборонѣ и безопасности Славянскихъ областей. Въ предосторожность отъ внезапнаго нашествія враговъ и для наблюденія за безпокойными союзниками, Рурикъ избралъ Ладогу, чтобъ надзирать за *Чудью*; Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ наблюдалъ *Емь*; Труворъ изъ Изборска могъ предусматривать и останавливать непріязненныя покушенія *Литвы*.

Не долго продолжалось совокупное правленіе трехъ братій: черезъ два года умерли Синеусъ и Труворъ. Вся власть перешла въ руки одного Рурика. Изъ прежняго мѣстопребыванія своего перешелъ онъ къ *Ильменю*, срубилъ городокъ надъ Волховымъ и назвалъ его *Новгородомъ*. Сей городъ и другія Славянскія области назвались *Рускою землею*. Вѣроятно, что съ сего времени *Руса*, бывшая первоначальнымъ жилищемъ *Русовъ*, въ отличіе отъ новой Руской земли, прослыла подъ именемъ *Старой Руссы*.

Желая устроить щастіе Славянъ, Рурикъ не предпринималъ никакой войны; онъ заботился только о утвержденіи въ предѣлахъ Славянскихъ спокойствія, суда и земской расправы. Одному трудно все усмо-

трѣть и все устроить. Рурикъ, учредя *мѣстныхъ* или *подручныхъ Князей* въ *Полоцкѣ*, въ *Ростовѣ*, на *Бѣлѣ озерѣ*, въ *Изборскѣ*, въ *Смоленскѣ* и *Муромѣ*, по обычаю Славянъ и Руссовъ предписывалъ строить города. Подъ сѣнію мира и тишины, подъ сѣнію отеческаго правленія процвѣли въ землѣ Руской порядокъ и правосудіе.

Слава побѣдъ и завоеваній гремитъ и оглушаетъ народы; миръ, тишина и умѣренность возбуждаютъ любовь и уваженіе. Молва о мудромъ Рюриковомъ правленіи донеслась и въ предѣлы Кіевскіе. Въ то самое время, когда сѣверные Славяне, прекратя междоусобія, освободились отъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ, Славяне южные или Днѣпровскіе сильно утѣснены были *Козарами*, народомъ иноязычнымъ и до того времени не извѣстнымъ. Овладѣвъ Кіевомъ и другими сопредѣльными городами, Козары наложили тяжкую и нестерпимую дань. Въ скорби своей, услаждаясь вѣстію, что Рурикъ желаетъ и ищетъ общаго блага, Кіевляне отправили къ нему пословъ съ прошеніемъ, чтобы онъ принялъ область ихъ въ свое покровительство и по разсмотрѣнію своему назначилъ бы имъ правителя.

По сказанію Іоакима, Рурикъ къ защитѣ Кіева отпустилъ *Оскольда*, пришедшаго съ нимъ изъ-за Ладожскаго озера. Несторъ напротивъ того повѣствуютъ, что *Оскольдъ* и *Диръ*, Руриковы Вельможи, не принадлежавшіе къ племени его, 863 года сами выпросились у Князя въ Царьградъ, и проходя мимо Кіева, освѣдомились о семъ городѣ и въ немъ остались.

Выруча Кіевъ изъ подданства Козаръ, Оскольдъ и Диръ не хотѣли подражать Рурику, не хотѣли довольствоваться спокойнымъ управленіемъ и поддержаніемъ суда и расправы, созидающихъ тишину и безопасность общественную. Увлекаясь суетнымъ славолюбіемъ, они возмечтали превознесть имя свое необычайными дѣлами, которыя почти всегда наносятъ стыдъ и погибель; но тщеславіе не разсуждаетъ. — Собравъ сильную дружину, Оскольдъ и Диръ, освободившіе Кіевъ отъ дани Козарамъ, устремились къ Царьграду въ четвертоенадесять лѣто царствованія *Михаила*. Сей Государь самъ занятъ былъ войною противъ *Агарянъ*. На берегахъ *Черной рѣки* получаетъ онъ бѣдственную вѣсть о внезапномъ нашествіи

Руссовъ. Оборона отечественныхъ предѣловъ, есть первый долгъ правителей народовъ. Михаилъ немедленно поспѣшаетъ къ Царьграду. Между тѣмъ Оскольдъ и Диръ въ двухъ стахъ судахъ приплываютъ къ Греческимъ берегамъ, вмѣстѣ съ ними въ предѣлы Греческіе вступаютъ ужасъ и разореніе. Полагаясь на мгновенное благопріятствіе щастія, они осаждаютъ Царьградъ. *Михаилъ* къ защитѣ подданныхъ съ опасностію и трудомъ пробирается въ свою столицу. Небеса ему покровительствуютъ. Исполненный благодарностью къ очевидной помощи божественнаго промысла, благочестивый Царь, по обычаю Христіанъ, прежде всего идетъ къ олтарямъ Господнимъ. Патріархъ *Фотій* сопровождаетъ его въ *Лахернскую церковь*, знаменитую благолѣпіемъ и сооруженную во имя Богоматери Греческимъ Императоромъ *Маркіаномъ* и супругою его *Пульхеріею*. Тамъ, во всю ночь не смыкая очей, Царь и Патріархъ молятъ Бога, да избавитъ Онъ Грековъ отъ яростнаго нашествія враговъ. Съ возглашеніемъ священныхъ пѣсней, въ душевномъ умиленіи выносятъ ризу Божіей Матери на берегъ; съ вѣрою и надеждою погружаютъ въ воду при тихой и

безмятежной погодѣ. Внезапно возстаетъ буря; волны залива пѣнятся, свирѣпствуютъ, гонятъ Рускія суда къ берегамъ и разбиваютъ. Оскольдъ и Диръ уже поздно узнаютъ свою безразсудную отважность; въ глазахъ ихъ волны поглощаютъ большую часть нещастныхъ жертвъ наглой ихъ предпріимчивости; съ малымъ остаткомъ дружины своей и со стыдомъ возвращаются они въ Кіевъ. Сей походъ происходилъ 866 года.

Щастливъ тотъ, кого вразумляетъ злоключеніе! Оскольдъ, испытавъ силу небеснаго гнѣва, принялъ ту вѣру, которая возноситъ смиреніе и уничижаетъ гордыню и неправоту.

Между тѣмъ Рурикъ занимался утвержденіемъ порядка и расправы. Ни *Іоакимъ*, ни *Несторъ* не упоминаютъ ни о какомъ бунтѣ противъ Рурика. *Татищевъ* въ Исторіи своей прибавилъ о бѣгствѣ Новгородскихъ Славянъ въ Кіевъ и о возмущеніи *Вадима*, не извѣстно почему названнаго *храбрымъ*. „Вадимъ," говоритъ онъ: „не хотѣлъ быть рабомъ." Законное повиновеніе не *рабство*; оно знаменуетъ свободу общественную. Славяне, признавъ Рурика, сей единственной свободы искали подъ сѣнію зако-

новъ и правосудія. Свобода, противная общественному порядку, есть *своеволіе*. Буйство ввергло Славянъ въ междоусобныя распри; законная власть обратила ихъ къ миру и порядку.

Кто былъ *Вадимъ*, не извѣстно. Въ Іоакимовой лѣтописи сказано, что Славяне не хотѣли имѣть начальникомъ своимъ своевольнаго и неспособнаго къ правленію сына старшей дочери Гостомысла, и самъ Гостомыслъ не желалъ того. Естьли *Вадимъ* и дѣйствительно былъ сынъ старшей дочери Гостомысла, естьли онъ и бунтовалъ: то на сторону свою склонилъ не тѣхъ Славянъ, которые любили порядокъ и тишину, но тѣхъ, которые въ мятежахъ народныхъ мечтали найти выгоды свои.

Предполагая мнимый бунтъ Вадима, нѣкоторые писатели утверждаютъ, будто бы Рурикъ и братья его призваны были на условіяхъ и единственно для охраненія предѣловъ областей Славянскихъ. Иностранный сочинитель *извѣстія о началѣ Новгорода* говоритъ: „Жители *Новгорода* и *Пскова*, дорожа вольностію, призваннымъ Князьямъ не уступили сначала полной власти; но поручили имъ только защищать границы отъ непрія-

тельскихъ нападеній." *Псковъ* основанъ по смерти Рурика; несуществовавшій городъ не могъ договариваться съ симъ Княземъ.

Въ одной новой пространной рукописи предложенъ даже подробный договоръ Славянъ съ Рурикомъ; а Вадимъ представленъ въ ней Героемъ, украшеннымъ всѣми добродѣтелями. Заглавіе сей рукописи: *Царство Руское*, то есть, *обстоятельное описаніе о всѣхъ дѣяніяхъ, бывшихъ въ Россіи и о различныхъ онаго судьбахъ*. Рукопись сія сочинена въ то время, когда *своеволіе* начали называть *свободою*, а законное повиноненіе *рабствомъ*.

Несторъ оставилъ намъ не *договоръ*, но просьбу Славянъ, приглашавшихъ Рурика и братьевъ его. Старшины Славянскіе говорили: ,,*Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; придите у насъ княжить и владѣть.*"

Славянамъ не нужно было расширеніе земель; земля ихъ была *велика*. Имъ не нужно было искать пропитанія въ чужихъ областяхъ; земля ихъ была *обильна*. Но отъ распрей междоусобныхъ у нихъ изчезло то, безъ чего не надежно ни *пространство*, ни *обиліе* земли; у нихъ не стало *порядка* и

обезсилѣла власть законовъ. Для прекращенія своеволія и междоусобія они рѣшились призвать родныхъ внуковъ Гостомысла не съ тѣмъ, чтобы имъ быть стражами ихъ границъ; но съ тѣмъ, чтобы *княжить* и *владѣть* въ странахъ Славянскихъ.

Въ Россіи *наслѣдственная* власть началась въ то время, когда Славяне, послѣ *трехъ-лѣтнихъ* междоусобій, вразумились опытомъ, что *народное правленіе*, возраждающее буйство и своеволіе, вредно въ землѣ *великой* и *обильной*. Черезъ нѣсколько вѣковъ, послѣ *трехъ-лѣтняго* междуцарствія, самодержавіе утвердилось въ Россіи вѣрою и единодушнымъ избраніемъ на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича.

Въ теченіи *семнадцати* лѣтъ, до самой своей кончины, Рурикъ водворялъ въ областяхъ Рускихъ порядокъ, расправу, миръ и тишину. Приближаясь ко гробу, онъ препоручилъ *Игоря*, малолѣтнаго своего сына, родственнику своему *Олегу*. Согласно съ повѣствованіемъ Рускихъ лѣтописей, Рурика можно назвать *учредителемъ внутренняго порядка и любителемъ правосудія.*

ОЛЕГЪ

Родственникъ Рурика и опекунъ сына его Игоря.

Рурикъ при смерти своей поручилъ младенца Игоря въ опеку Олега, родственника своего. 882 Года, во второе лѣто своего правленія, Олегъ предпринялъ походъ изъ Новгорода. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ выступилъ въ походъ для самоличнаго обозрѣнія областей, бывшихъ подъ властію Рурика.

Путешествіе по странѣ отечественной сближаетъ вѣнценосца съ подданными; Государь собственнымъ опытомъ узнаетъ нужды и состояніе народа; въ то же самое время и народъ узнаетъ, что Государь, имъ управляющій, есть попечитель и отецъ.

Вѣроятнѣйшею причиной Олегова похода предположить можно намѣреніе отнять у Оскольда и Дира Кіевъ, которымъ они овладѣли еще при Князѣ Рурикѣ, освободя сей городъ отъ ига Козаръ. Хотя Кіевъ не состоялъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Рурика, хотя Новогородскіе Славяне не сносились съ Кіевскими Славянами по дѣламъ, касающимся войны, мира и общественныхъ повинностей; но они издревле имѣли сообще-

ніе по торговлѣ. По всѣмъ же другимъ обстоятельствамъ, Новгородскихъ и Кіевскихъ Славянъ, управляемыхъ различными властями, можно было почесть чужими, и не единоплеменниками.

Народное правленіе пагубно потому, что народы, сближенные природою и языкомъ, раздѣляются между собою отъ противоборствія различныхъ властей. Естьлибъ Новгородъ и Кіевъ, до пришествія Рурика, находились подъ одною властію; то первый не былъ бы данникомъ Варягъ, а послѣдній не страдалъ бы подъ игомъ Козаръ.

Оскольдъ и Диръ владычествовали въ Кіевѣ болѣе шестнадцами лѣтъ. Вѣроятно ли, чтобы въ такое продолжительное время не дошла въ Новгородъ вѣсть о томъ, что они самовольно присвоили себѣ правленіе, и о бѣдственномъ ихъ покушеніи на Грецію? Видно также изъ лѣтописей, что и Смоленскъ, отмѣня начальниковъ, учрежденныхъ въ ономъ Рурикомъ, не захотѣлъ повиноваться Олегу. Къ усмиренію Смоленска и къ исторженію Кіева изъ рукъ владѣльцевъ, непринадлежавшихъ въ Рурикову племени, Олегъ собралъ ополченіе изъ Варягъ, Чуди и Славянъ; для усиленія сего войска пошелъ въ вынѣшніе

Ярославскіе предѣлы, гдѣ къ полкамъ своимъ присовокупилъ народъ, извѣстный подъ именемъ *Мери.* Сказываютъ также, что на пути къ Смоленску Олегъ посѣтилъ нынѣшнюю страну Московскую и положилъ первое основаніе Москвѣ между рѣками Яузой и Неглинной. Страна Московская, изобильно украшенная природою, всегда плѣняла взоры жителей Россіи. Можетъ быть Олегъ по сей причинѣ остановился и заложилъ городъ, который постепенно увеличивался съ распространеніемъ Россіи, и служитъ памятникомъ могущества ея и славы.

Направя путь къ Смоленску, Олегъ умножилъ еще войско свое *Кривичами;* овладѣлъ Смоленскомъ, возстановилъ въ немъ повиновеніе, порядокъ и пустился на лодкахъ внизъ по Днѣпру. Въ продолженіе сего пути Олегъ взялъ городъ *Любечь* и учредилъ въ немъ начальниковъ своихъ.

Уже взорамъ Олега открываются величественныя вершины горъ Кіевскихъ. Онъ достигъ уже главной цѣли похода; онъ у стѣнъ Кіева. Вмѣсто силы оружія Олегъ употребляетъ хитрость. Притворясь, будто бы ничего не знаетъ, онъ спрашиваетъ:

Кто княжитЪ вЪ Кіевѣ? Услышавъ то, о чемъ уже вѣдалъ, хитрый Олегъ приказываетъ передовымъ своимъ войскамъ притаиться въ лодкахъ, другихъ оставляетъ назади; а самъ, держа на рукахъ младенца Игоря, приплываетъ подъ урочище *Угорское*, называемое нынѣ *ПодоломЪ*, и посылаетъ къ Оскольду и Диру нарочныхъ съ сими словами: „Гости, отправленные Олегомъ и Княземъ Игоремъ въ Грецію, пришли сюда навѣстить своихъ единоземцевъ.“

Не подозрѣвая никакого злоумышленія, Оскольдъ и Диръ спѣшатъ къ единоземцамъ. Усмотрѣвъ ихъ, Олегъ подаетъ знакъ своимъ воинамъ, которые немедленно выскакиваютъ изъ лодокъ и окружаютъ Оскольда и Дира. Является Олегъ и говоритъ: „Вы не Князья и не изъ роду Княжескаго.“ При сихъ словахъ, приподнявъ Игоря, прибавляетъ: „Вотъ сынъ Руриковъ!“ Воины Олеговы нападаютъ на Оскольда и Дира, и они учиняются жертвою неосторожной своей довѣренности. Хотя Олегъ названъ *МудрымЪ*; но такой поступокъ означаетъ обманъ и вѣроломство. Олегъ былъ идолопоклонникъ; добродѣтели язычниковъ зависѣли отъ мнѣнія и произвола страстей.

По мнѣнію *Татищева*, Кіевляне негодуя на Оскольда за то, что онъ принялъ Вѣру Христіянскую, и не хотя послѣдовать его примѣру, призвали Олега. Въ Несторѣ никакихъ нѣтъ слѣдовъ къ сей догадкѣ. Напротивъ того Кіевляне язычники не препятствовали Христіянамъ, бывшимъ въ Кіевѣ, совершить съ честію Оскольдова погребенія. Кіевскіе Христіяне принесли тѣло его на гору и погребли на *Угорскомъ* урочищѣ, гдѣ при Несторѣ былъ *Ольминъ дворъ*. Вмѣсто насыпи, обыкновенно дѣлаемой надъ трупами язычниковъ, надъ могилою Христіянина Оскольда соорудили церковь во имя Святаго *Николая*, вѣроятно для того, что онъ нареченъ былъ симъ именемъ при Святомъ Крещеніи.

Удовлетворя своему властолюбію, Олегъ старался привлечь сердца Кіевлянъ неусыпнымъ попеченіемъ о силѣ и благоустройствѣ Кіева. Предпринявъ сей важный подвигъ, онъ сказалъ: *да будетъ Кіевъ матерью городовъ Рускихъ!* Въ то время бывшіе съ нимъ Славяне прозвались *Русью.*

Такимъ образомъ Славяне Кіевскіе, соединенные съ Новгородскими Славянами языкомъ и породой, соединились еще и союзомъ

имени Рускаго. Несторъ говоритъ, что и *Варяги*, сопровождавшіе Олега, также проименовались *Русью.* Изъ сего снова убѣждаемся, что имя Варягъ не было *собственнымъ именемъ Русовъ*, возвратившихся изъза Ладожскаго озера въ области Новгородскія.

Желая, чтобы Кіевъ дѣйствительно былъ *матерью Рускихъ городовъ*, Олегъ началъ строить города, и для учрежденія прочнаго земскаго порядка установилъ опредѣленную дань. На Новгородъ возложилъ онъ *три ста гривенъ подати* для платы Варягамъ. А чтобы не огорчить Новгородцевъ и не обременить ихъ *двойною данью*, Олегъ на свое лице ничего не взялъ. Новгородцы назначенную Варягамъ подать платили до смерти Князя Ярослава, съ кончиною котораго прекратилась дань Варягамъ и имя ихъ въ предѣлахъ Россіи навсегда умолкло и изчезло.

Въ 883 году Олегъ пошелъ войною на *Древлянъ.* Сей народъ, получившій названіе отъ жительства въ лѣсахъ, хотя единоплемененъ былъ Кіевскимъ Полянамъ; но не сходствовалъ съ ними ни обычаями, ни нравами. Обитая нѣкогда съ лѣсными звѣрями, Древляне уподоблялись имъ и въ образѣ жизни. Въ памяти ихъ ненапечатлѣвались никакія

преданія и наставленія предковъ; сердца ихъ увлекались буйнымъ своеволіемъ. Гдѣ своеволіе, тамъ и злодѣяніе. Древляне, предаваясь необузданному мщенію, убивали другъ друга; вмѣсто брака похищали у отцевъ дочерей; старшихъ не уважали. Олегъ, утомя и укротя Древлянъ войною, наложилъ на нихъ подать по *черной куницѣ* съ дыму.

884 Года Олегъ ополчился на *Сѣверянъ*, то есть, на Славянъ, жавшихъ отъ Кіева на сѣверѣ. Побѣдя сей народъ, Олегъ опредѣлилъ легкую дань и сказалъ: „Впредь не давайте подати *Козарамъ*; противъ нихъ буду воевать, а вы меня не опасайтесь.“

Продолжая истреблять владычество свирѣпаго и иноязычнаго народа *Козаръ*, и надѣясь, что имя его гласно уже стало побѣдами и силою оружія, Олегъ отправилъ пословъ къ *Радимичамъ*. Послы, пришедъ въ жилище сего народа, спросили: *Кому платите дань?* Радимичи отвѣчали: *Козарамъ*. „Именемъ Олега,“ возразили послы, „запрещаемъ вамъ платить дань Козарамъ; будьте данниками Олега; въ немъ найдете защитника.“

Такимъ образомъ покорилъ Олегъ власти своей *Полянъ*, *Древлянъ*, *Сѣверянъ* и *Ради-*

мичей; съ *Сулянами* же и *Тиверцами* велъ войну. *Суляне* назвались отъ рѣки *Сулы* и были единоплеменны Славянамъ. *Тиверцы* жили по Днѣстру и Бугу; произхожденіе ихъ не извѣстно.

889 Годъ достопамятенъ прохожденіемъ *Угровъ*. Сіи переселенцы отъ востока шли по слѣдамъ предковъ своихъ; переправясь черезъ Днѣпръ, расположились *вежами* или станомъ подъ *Угорскимъ* урочищемъ, гдѣ останавливались ихъ предшественники. Они переходили не въ видѣ непріятелей, но какъ мирные путешественники. Въ наше время внезапное появленіе цѣлаго народа было бы необычайнымъ произшествіемъ; но въ прежніе вѣки такія перехожденія не рѣдко случались. О семъ свидѣтельствуетъ троекратный походъ Угровъ мимо Кіева. Вѣроятно, что осторожный Олегъ взялъ всѣ мѣры, чтобы пришельцы не покусились быть врагами. Успокоясь отъ дальнаго пути подъ Кіевомъ, Угры устремились къ сродникамъ своимъ черезъ высокія горы, прозвавшіяся горами *Угорскими* или *Венгерскими*.

Между тѣмъ Князь Игорь возмужалъ. Отъ младенческихъ лѣтъ, повинуясь во всемъ совѣтамъ и наставленіямъ опекуна и настав-

нина своего, Игорь, по словамъ Нестора, и въ зрѣломъ возрастѣ *ходилъ тѣми путями*, которыми Олегъ велъ его почти отъ самой колыбели. Благодарность къ наставникамъ есть добродѣтель. „*Тремъ лицамъ*,“ говоритъ одинъ старинный писатель, „не можемъ воздать довольно благодарности и уваженія: Богу, родителямъ и наставникамъ.“ Щастливъ тотъ, кто сіе правило оправдываетъ дѣлами!

Желая устроить семейственное щастіе своего питомца, Олегъ отыскалъ ему невѣсту, по прелестямъ лица названную *Прекрасой*, а по качествамъ ума и души нареченную въ послѣдствіи *Премудрой*. Повѣствуютъ, что Прекраса родилась въ предѣлахъ города *Изборска*, въ селеніи *Выбудскомъ*, и была правнука Гостомысла, послѣдняго Новгородскаго Старшины, который жилъ и умеръ усерднымъ сыномъ Отечества. Олегъ изъ любви къ питомцу своему юную его супругу во имя свое назвалъ *Ольгой*.

Твердо полагаясь, что Игорь замѣнитъ пребываніе его въ Кіевѣ, Олегъ рѣшился славнымъ подвигомъ ознаменовать свое правленіе. Въ 904 году, собравъ многочисленное войско, на коняхъ и на судахъ пошелъ къ Царь-

граду. Къ отвращенію Олегова нападенія Греки заградили входъ въ проливъ и заперлись въ городѣ. Олегъ высадилъ войско свое на берегъ. Начались грабежи, убійства, зажигательства; начались всѣ ужасы, сопровождающіе своевольное войско, незнающее ни Бога, ни вѣры. Предки наши были тогда еще во мракѣ язычества.

Между тѣмъ къ пораженію Грековъ необычайнымъ зрѣлищемъ Олегъ приказалъ поставить суда свои на колесы. Повѣялъ вѣтеръ попутный, надулъ паруса и устремилъ суда къ стѣнамъ Цареградскимъ. Устрашенные Греки немедленно отправили къ Олегу пословъ съ сими словами: „Не разоряй города; но возьми день по волѣ своей.“ Олегъ остановилъ войско; Греки, подъ видомъ притворнаго гостепріимства, вынесли изъ города пищу и вино, приправленныя ядомъ. Олегъ ничего не принялъ. Греки еще болѣе ужаснулись; Олегъ представился имъ существомъ сверхъ-естественнымъ. Смущаясь совѣстію и страхомъ, они восклицали: „Это не Олегъ; но казнь, казнь небесная, посланная на насъ Богомъ за нашу неправду, за нашъ развратъ: смиримся и разкаемся!“

Послѣдователямъ вѣры, дышущей человѣколюбіемъ и кротостью, сродно отражать злобу и наглость разкаяніемъ и смиреніемъ. Вспомня, что вѣра отвергаетъ коварство и злоумышленіе, Греки снова отправили къ Олегу пословъ, убѣждая его принять дань, а имъ даровать миръ. Олегъ согласился; но соблюдая осторожность, на малое только пространство отдалился отъ города. Въ виду вооруженнаго своего войска вступилъ онъ въ переговоры. *Вопервыхъ:* онъ требовалъ, чтобы на каждое судно выдали по двенадцати *гривенъ*, то есть, по двенадцати *фунтовъ серебра*. Кораблей было двѣ тысячи, а на каждомъ по сороку человѣкъ. *Вовторыхъ:* онъ приказалъ Грекамъ заплатить дань *Кіеву*, *Чернигову*, *Переславлю*, *Полоцку*, *Ростову*, *Любичу* и другимъ Рускимъ городамъ, управляемымъ Князьями, состоявшими подъ его начальствомъ.

При установленіи мира Цареградскіе правители *Леонъ* и *Александръ* цѣловали крестъ; Олегъ и полководцы его, по обычаю языческому, клялись оружіемъ и мнимыми своими богами. Въ то же самое время въ знаменіе побѣды прибилъ онъ щитъ свой ко вра-

тамъ Цареградскимъ. На щитѣ Олеговомъ изображенъ былъ *воинъ на конѣ.*

Желая отплыть съ торжествомъ, Олегъ приказалъ Руссамъ украсить суда свои парчевыми парусами, а Славянамъ бумажными. Но вѣтръ не разбираетъ того, что льститъ глазамъ; ему противится то, что прочно. Отъ первыхъ порывовъ вѣтра разодралися паруса Руссовъ и Славянъ. Видя сiю неудачу, Руссы и Славяне сказали: „Возмемъ свои обыкновенные холщевые паруса; вѣтръ не знаетъ, что дорого, но что крѣпко."

Олегъ возвратился въ Кiевъ со множествомъ сокровищъ. Радостно встрѣтили его Кiевляне и назвали *Вѣщимъ*, то есть, прозорливымъ или *прорицателемъ.* Спустя три года послѣ Олегова похода къ Царьграду, показалась звѣзда на западѣ въ видѣ куста.

912 Года Олегъ отправилъ въ Царьградъ Рускихъ пословъ утвердить миръ и учинить договоръ между Греками и Русью. Благонамѣренные договоры необходимы къ соблюденiю согласiя и правъ народныхъ. Рускiе послы въ заглавiи договора сказали: *Да извѣстится симъ договоромъ потомство о долговременной любви Христiянъ съ Русью!*

Мирный договоръ Руси съ Греками состоялъ въ одиннадцати статьяхъ: По *первой статъѣ* Рускіе и Греки обязывались жить въ мирѣ, любви, въ искреннемъ согласіи и сохранять взаимное уваженіе къ владѣтелямъ Греціи и земли Руской.

Любовь, дружба и согласіе тогда сохраняются между малыми и большими обществами, когда стараются убѣгать зависти, властолюбія и неправеднаго присвоенія. Умѣренность, правота, добродѣтель и вѣра, храня союзъ семейственный, утверждаютъ договоры народные и безопасность царствъ.

Во второй статъѣ означено, чтобы въ случаѣ какой обиды, или похищенія, представлять ясныя доказательства. По недостатку же оныхъ, долженъ тогда каждый присягать по вѣрѣ своей. Изслѣдовавъ дѣло, назначить наказаніе, соразмѣрное преступленію.

Третьею статьей за убійство опредѣляли смерть. *Река* - убійцу и *Русса* казнить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ воспослѣдовало убійство.

По *четвертой статъѣ* за побои обязывались платить *пять литръ сребра по за-*

кону Рускому. Бѣдной долженъ отдать все, что можетъ, даже и послѣднюю свою одежду.

Вѣроятно, что симъ строгимъ предписаніемъ хотѣли предупредить безпорядокъ и безчинство. Милосердіе можетъ умягчить строгій законъ. Опасны тѣ законы, которые предложены двусмысленно. Изъ сей статьи также явствуетъ, что законы Рускіе или *Руская правда* не сочинены, но возобновлены только Княземъ Ярославомъ Первымъ.

Въ *пятой статьѣ* предложено наказаніе за воровство. Тамъ сказано, что естьли воръ убитъ будетъ во время покушенія своего, то: *да не взыщется смерть его ни отъ Христіянъ, ни отъ Руси.* Далѣе упомянуто, что за взятое насильственнымъ образомъ возвращать *втрое.*

Седьмою статьей Греки и Рускіе условились вспомоществовать другъ другу въ бѣдственныхъ случаяхъ, постигающихъ мореходцевъ. Равномѣрно обязывались сберегать товаръ, находившійся на поврежденномъ суднѣ, и съ *честію* возвращать оный тому, кому принадлежалъ.

По *осьмой статьѣ* Рускіе и Греки договорились выкупать плѣнныхъ, проданныхъ въ чужія земли.

По *девятой статьѣ* Греки должны были выдавать невольниковъ, бѣжавшихъ изъ Руси.

Десятая статья утверждаетъ наслѣдство и собственность Рускихъ. Тамъ сказано: „Естьли въ *Царьградѣ* умретъ Руской, находившійся въ службѣ Царя Греческаго или по торговлѣ, и естьли и не успѣетъ учинить завѣщанія: то наслѣдства отнюдь не удерживать; но безпрекословно *возвращать имѣніе къ милымъ ближникамъ въ Русь.*" Здѣсь слово *ближнимъ* означаетъ *родственника.* И на чужой сторонѣ помнить и не забывать *милыхъ родныхъ* было всегда наслѣдственною добродѣтелью Рускихъ.

По *одиннадцатой статьѣ*, къ укрощенію злодѣевъ, предписывалось въ случаѣ ихъ побѣга пересылать, куда слѣдуетъ.

По совершеніи договора Греческіе Государи *Левъ* и *Александръ*, совокупно царствовавшіе, почтили Олеговыхъ пословъ различными драгоцѣнными вещами, и желая преклонить Рускихъ язычниковъ къ вѣрѣ Христіянской, приказали показать имъ всѣ священ-

ныя сокровища и велелѣпіе храмовъ Господнихъ.

Возвратясь въ Кіевъ, послы подробно извѣстили Олега о успѣхѣ порученнаго имъ дѣла.

Миръ и тишина водворились въ землѣ Руской. Начали процвѣтать ремесла и искуства, любящія времена безмятежныя. Щастіе со всѣхъ сторонъ осыпало Олега дарами своими. У стѣнъ Цареградскихъ увѣнчался онъ воинскою славою; въ области Рускія возвратился съ обильными сокровищами; подданные уважали славу и прозорливость его; наконецъ посредствомъ посольства, принятаго въ Цареградѣ съ почестями и уваженіемъ, онъ доставилъ Руской землѣ два неоцѣненныя блага: *миръ* и *тишину*. Но щастіе почти всегда измѣняетъ въ то самое время, когда болѣе ласкаетъ очаровательными надеждами.

О смерти Олега осталось дивное преданіе. Передъ походомъ своимъ въ Грецію Олегъ, по суетному любопытству вздумалъ спросить *Волхвовъ*, отъ чего ему приключится смерть. Волхвы отвѣчали: *Князь! ты умрешь отъ любимаго своего коня.* Суевѣріе свойственно язычникамъ. Устрашась

сего предреченія, Олегъ сказалъ: „*Никогда не сяду на любимаго моего коня, никогда не взгляну; пусть скроютъ его отъ моихъ очей.*“ Болѣе четырехъ лѣтъ не любопытствовалъ Олегъ о конѣ; но въ осень того года, когда заключенъ съ Греками договоръ, онъ вспомнилъ о немъ, и призвавъ смотрителя, спросилъ: „*Живъ ли конь, котораго приказалъ я кормить и соблюдать?*“ Услыша, что конь палъ, Олегъ сказалъ: „*Волхвы прорекаютъ ложъ; коня нѣтъ, а я живъ. Хочу видѣть его кости.*“ Пріѣхавъ на то мѣсто, гдѣ лежали конскія кости и голой лобъ, Олегъ проговорилъ смѣючись: „*Уже ли мнѣ смерть приключится отъ сего голаго лба?*“ Съ симъ словомъ наступилъ ногою на конской лобъ, изъ котораго мгновенно выникнула змѣя и ужалила Олега въ ногу. Отъ сего уязвленія Олегъ разболѣлся и умеръ.

О семъ разсказѣ для того единственно упоминаю, чтобы показать образъ мыслей язычниковъ. Просвѣщенные вѣрою Христіянскою не любопытствуютъ о томъ, что одному Богу извѣстно. Поруча Ему жребій своей жизни, они учреждаютъ свои поступки сообразно волѣ Провидѣнія. Безразсудное

любопытство влечетъ къ легкомысленности и неосторожности.

Смерти никто не избѣжитъ; но щастливъ тотъ, кого любовь и благодарность и за предѣлъ гроба провождаютъ! Олегъ насладился такимъ щастіемъ. О смерти его плакали и рыдали всѣ жители Кіевскіе; на рукахъ своихъ несли его гробъ, и предали землѣ на горѣ *Щековицѣ*. При лѣтописателѣ Несторѣ видна еще была Олегова могила. Время разрушаетъ всѣ памятники; остаются однѣ дѣла.

КНЯЗЬ ИГОРЬ ПЕРВЫЙ.

Подъ державою Олега всѣ народы, обитавшіе въ различныхъ предѣлахъ Россіи, покоренные оружіемъ его и переговорами, сохраняли миръ и тишину. Осторожный Олегъ въ теченіи 34 лѣтъ не перемѣнялъ установленнаго порядка. Постоянство повелителя производило постоянство и въ подчиненныхъ. Уклонясь отъ путей наставника и опекуна, Игорь, на другой годъ своего княженія, то есть 914 года, пошелъ вооруженною рукою въ землю Древлянскую и умножилъ дань, наложенную на нихъ Олегомъ.

Въ Несторѣ не означено, не были ль сами Древляне причиною войны и новаго порабощенія. Нѣкоторые писатели думаютъ, что Древляне, склонные къ своеволію, возмечтавъ, что вмѣстѣ съ Олегомъ сокрылись въ гробъ слава и сила его, нарушили повиновеніе къ Игорю. Не льзя утаить и того, что всѣ Игоревы поступки доказываютъ жадность къ прибытку и корысти. Благоразуміе и умѣренность составляли твердость Олегова правленія; слѣпое и необузданное корыстолюбіе обладали Игоремъ.

915 Года въ первый разъ пришли *Печенеги* въ предѣлы Руской земли. Заключа съ Рускими мирный союзъ, направили путь къ Дунаю. Спустя пять лѣтъ, сей договоръ рушился; 920 года Игорь ополчился на Печенеговъ. Причины сей войны не извѣстны; Несторъ просто говоритъ: *Игорь воевалъ съ Печенегами.*

Отступя однажды отъ правилъ своего наставника, Игорь забылъ и всѣ другія основанія его правленія. Славенъ былъ договоръ, заключенный Олегомъ съ Греками; Греки и Рускіе находили взаимныя выгоды. Сей договоръ уничтожился 941 года. Не извѣстно,

кто подалъ къ тому причину. Полагаютъ, будто бы разрыву мира виною были Греки, отрекшіеся платить Рускимъ *ежегодную дань.*

Въ договорѣ, подтвержденномъ Олегомъ съ Греками 912 года, всѣ статьи означены ясно и опредѣлительно; но о дани ничего не упомянуто. Въ немъ только прибавлено, что условія будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока одна изъ договаривавшихся сторонъ не нарушитъ правды, вѣры и мира. Изъ сего можно заключить, что 907 года подъ стѣнами Царьграда Олегъ получилъ отъ Греческихъ Царей *окупЪ* или временную дань. Въ подтвержденномъ и письменномъ договорѣ не была бы упущена статья о дани.

Съ сильнымъ и многочисленнымъ войскомъ устремился Игорь къ Царьграду. *Болгары* немедленно послали Грекамъ вѣсть, что Руссы плывутъ на десяти тысячахъ судахъ. Между тѣмъ Игорь уже присталъ къ берегамъ *малой Азіи.* Войско его неистово бросилось опустошать *Виѳанію, Пафлагонію* и страну *Никомидскую* до *Иракліи.* Пріятно воспоминать тѣ области, гдѣ оружіе предковъ гремѣло за правое дѣло; но съ горе-

стію и ужасомъ отвращаются взоры отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовало буйное своеволіе и ознаменовало каждый шагъ грабежемъ, лютостью и звѣрствомъ. Игорь обезславилъ Руское оружіе въ нашествіе на области Греческія. Служа ложнымъ богамъ, онъ не пощадилъ храмовъ, воздвигнутыхъ Богу любви и милосердія. Воины его, недостойные ни имени Рускихъ воиновъ, ни имени людей, терзали невинныя жертвы, услаждая безчеловѣчіе свое ихъ воплями, ихъ неслыханными мученіями. . . . Любовь къ Руской славѣ желала бъ изгладить сіи постыдныя воспоминанія; но истинна воспрещаетъ о томъ умалчивать: безпристрастная справедливость велитъ предлагать ужасные примѣры, до чего доходитъ войско, не знающее ни порядка, ни человѣчества, ни вѣры, ни Бога. . . . Игорь и буйныя его дружины были наказаны. Нѣсколько Греческихъ полководцевъ съ многочисленными полками приспѣли изъ различныхъ предѣловъ, и со всѣхъ сторонъ обошли Рускихъ. По природной неустрашимости Рускіе рѣшились открыть себѣ путь грудью. Сильно ополчились, жестоко сразились; но Греки побѣдили. Не всѣ Руськіе воины участвовали

въ сей упорной битвѣ; къ вечеру полки Игоревы соединились; сѣли на суда и отплыли. Новое бѣдствіе постигаетъ Рускихъ; пожирающее пламя стремится по волнамъ и преслѣдуетъ бѣгущихъ. Греческій полководецъ *Ѳеофанъ* противъ Игоревыхъ судовъ пустилъ изъ трубъ огонь, извѣстный подъ названіемъ *Греческаго огня*, который, соединясь съ водою, еще сильнѣе свирѣпствовалъ. Сей ужасный огонь, подобно молніямъ небеснымъ, сверкая и разливаясь по волнамъ во мракѣ ночномъ, умножалъ страхъ и трепетъ. Спасаясь отъ огненнаго пораженія, Рускіе бросались въ воду; многіе погибли, другіе въ страхѣ и ужасѣ бѣжали въ Отечество. Въ оправданіе свое они говорили: „Греки присвоили себѣ небесную молнію; сею молніею, „симъ ужаснымъ огнемъ они преодолѣли „насъ."

Кипя гнѣвомъ и мщеніемъ, Игорь 943 года снова собралъ многочисленное ополченіе изъ Варягъ, изъ Рускихъ, изъ племенъ Славянскихъ, а притомъ нанялъ *Печенеговъ*, у которыхъ изъ предосторожности взялъ заложниковъ. Надѣясь загладить прежнюю неудачу, Игорь устремился на Грецію сухимъ путемъ и водою, не для блага Отечества;

но, по словамъ Нестора, для того только, чтобы *отомстить за свой стыдъ.* Игорь не потерпѣлъ бы стыда и въ первой походъ, естьли бъ, не нарушая правоты, содержалъ войско въ порядкѣ и повиновеніи. Не занимаясь грабежемъ и опустошеніемъ, онъ могъ бы предупредить Греческихъ полководцевъ и охранилъ бы имя Руское отъ безславія. Опытный полководецъ сперва все обдумаетъ, все сообразитъ, а потомъ начинаетъ съ *разсмотрѣніемъ* и *осторожностію.* Слава, есть неразлучная сопутница порядка, благоразумія и осторожности. Съ сими воинскими добродѣтелями и неудача не вмѣняется въ безчестіе.

Уже разнеслась вѣсть о походѣ Игоря. Жители *Корсуня* немедленно отправили гонцовъ къ Греческому Царю *Роману.* Прибывъ въ Царьградъ, гонцы сказали: „Русь идетъ „съ безчисленными кораблями; суда ихъ море „покрыли.“ Въ то же время и Болгары послали къ Царьградскому Государю съ вѣстію о томъ, что *идетъ Русь, а съ нею нанятые Печенеги.* Царь *Романъ* помня, что Богъ и вѣра велятъ дорожить кровью подданныхъ, отправилъ къ Игорю лучшихъ сво-

ихъ вельможей. Умоляя его о мирѣ, они сказали: „Не ходи; но возьми дань, какую „получилъ Олегъ; мы и еще прибавимъ къ „той дани.“

Царь Константинопольскій и къ *Печенегамъ* отправилъ различные драгоцѣнные подарки и великое количество золота. Слава тѣмъ Государямъ, которые всѣмъ блестящимъ сокровищамъ предпочитаютъ жизнь, щастіе и безопасность народа своего!

Послы Греческіе встрѣтили Игоря на Дунаѣ. Услыша о предложеніи Царя Романа, Игорь созвалъ дружину свою и увѣдомилъ ее о томъ. Посовѣтовавъ между собою, дружина отвѣчала: „Естьли Царь Греческій „обѣщаетъ дань и дары; то чего же намъ „болѣе желать? Лучше не сражавшись взять „золото, серебро и парчи. Не извѣстно, кто „одолѣетъ: Греки, или мы; съ моремъ не льзя „договариваться. Мы плаваемъ по глубинѣ „морской; бури не возвѣстятъ, кого спасутъ „и кого погубятъ.“ Согласясь съ мнѣніемъ своей дружины, Игорь приказалъ *Печенегамъ* воевать съ Болгарами; взялъ дары для себя, на все войско, и отправился въ Кіевъ.

945 Года Цареградскіе правители *Романъ*, *Константинъ* и *Стефанъ* отправили къ Иго-

рю пословъ для возобновленія прежняго мира. Условясь съ послами, Игорь и съ своей стороны отправилъ вельможъ въ Грецію. Миролюбивый Царь *Романъ* немедленно созываетъ Бояръ Греческихъ и Чиновниковъ, приглашаетъ Рускихъ пословъ и повелѣваетъ на двухъ хартіяхъ писать условія мирнаго договора.

Въ возобновленномъ мирномъ постановленіи главныя прибавочныя статьи суть слѣдующія:

Вопервыхъ: Великій Руской Князь и Бояре его могутъ отправлять въ Грецію, сколько заблагоразсудятъ, кораблей съ *гостьми* или *купцами.* По прежнимъ условіямъ послы носили *золотыя печати,* а гости или купцы серебряныя; нынѣ же, вмѣсто печатей, отъѣзжающихъ въ Грецію будутъ снабжать *грамотами.* Кто не предъявитъ грамоты, Греки имѣютъ право того задержать и соблюдать подъ стражей, пока не извѣстятъ Рускаго Князя. Ослушниковъ Греки могутъ предавать смерти; а Князь не долженъ за то взыскивать. Естьли же не имѣвшіе грамотъ убѣгутъ въ Русь, съ таковыми Князь властенъ поступать по разсмотренію своему.

Воеторыхъ: Греки, упоминая въ договорѣ своемъ съ Игоремъ о *Корсунской странѣ*, то есть, о *Херсонѣ*, положили, чтобы Руские не воевали противъ *Корсунскихъ городовъ*. Впрочемъ властны воевать повсюду. Въ случаѣ же нужды они могутъ просить у Грековъ вспомогательнаго войска, сколько имъ потребно будетъ.

Втретьихъ: Естьли и Греки будутъ въ войнѣ; то имѣютъ право писать къ Князю, чтобы прислалъ къ нимъ вспомогательнаго войска, сколь заблагоразсудитъ. Наконецъ, желая показать, сколько уважаютъ помощь Рускихъ, Греки прибавили: *Пусть узнаютъ и другія страны, какую любовь имѣютъ Греки съ Русью.*

По заключеніи мирнаго договора, Игоревы вельможи возвратились къ Кіевъ въ сопровожденіи Греческихъ пословъ. Извѣстясь отъ Рускихъ Вельможъ о всѣхъ препорученіяхъ Царя *Романа*, Игорь призвалъ Греческихъ пословъ и сказалъ: „Объявите мнѣ слова Царя своего.“ Царскіе послы отвѣчали: „Царь „нашъ обрадованъ миромъ; онъ желаетъ „жить въ любви съ Рускимъ Княземъ. Твои „послы водили нашего Царя къ присягѣ,

„и намъ приказано привести къ присягѣ тебя „и людей твоихъ.“

На другой день Князь Игорь въ присутствіи Греческихъ пословъ взошелъ на холмъ, гдѣ стоялъ *Перунъ*, верховное божество Рускихъ язычниковъ. У подножія сего кумира лежали обнаженные мечи, слитки золота и щиты. Игорь и Рускіе язычники, устремя взоры на Перуна, воскликнули: „Клянемся „*Перуномъ* не нарушать договора, клянемся „хранить любовь и правду; доколѣ солнце „не померкнетъ въ небесахъ и будетъ освѣ„щать землю. А естьли преступимъ договоръ; „то да умремъ отъ оружія своего и да под„вергнемся мщенію грознаго Перуна.“

Въ то же самое время тѣ изъ Кіевлянъ, которые исповѣдывали Христіанскую вѣру, сошедшись въ соборную церковь *Святаго Иліи*, присягали такимъ образомъ: „Клянем„ся честнымъ Крестомъ хранить все то, „что написано въ договорѣ; клянемся не пре„ступать ни одного условія. . . . А кто бу„детъ нарушителемъ, да не узритъ тотъ „помощи отъ Бога.“

По утвержденіи присягою мира и согласія съ Греками, Игорь отпустилъ пословъ, одаря ихъ мѣхами, воскомъ и другими избытками

своей земли. Радостно встрѣчаютъ тамъ вѣстниковъ мира, гдѣ суетной молвѣ тщеславія предпочитаютъ согласіе и благо общественное. Такъ встрѣтили въ Цареградѣ возвратившихся изъ Кіева вѣстниковъ мира и тишины.

Великъ и славенъ народъ, мужественно и неустрашимо ополчающійся къ оборонѣ родной страны и къ наказанію враговъ вѣроломныхъ: напротивъ того вреденъ и для себя и для другихъ народъ, который увеселяется войною и влечется къ ней приманкою добычи. Таковы были Рускіе во времена язычества. Гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ и славы. Утвердя мирный договоръ съ Греками, Игорь опять началъ помышлять о войнѣ противъ *Древлянъ*, вознамѣрясь обременить ихъ новыми податьми.

У Князя Игоря былъ воевода *Свенельдъ*, который, побѣдя сперва *Угличанъ*, жившихъ внизъ по Днѣпру при рѣкѣ *Углѣ*, а потомъ воевавъ съ Древлянами, получилъ большую корысть и обогатилъ воиновъ. Завидуя Свенельдовой дружинѣ, приближенные Князя Игоря говорили ему: „Воины Свенельдовы набогатились оружіемъ; они отличаются доспѣхами и одеждами; а мы наги, у насъ ничего

„нѣтъ. Князь! поди съ нами за данью; и „тебѣ будетъ прибыль, и мы обогатимся.“ Отъ пагубныхъ совѣтовъ всегда происходили пагубныя послѣдствія. Обольстясь внушеніями зависти и корысти, Игорь устремился на Древлянъ; угрозами и насиліемъ вынудилъ дань, и собрался въ обратный походъ. Одно зло влечетъ къ другому. Возвращаясь въ Кіевъ, Игорь сталъ жалѣть, что мало у себя оставилъ и подѣлился добычею съ войскомъ. Умѣренность довольствуется немногимъ; алчная корысть чѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ, тѣмъ ненасытнѣе. Удержавъ при себѣ малую дружину, Игорь сказалъ другимъ: „Ступайте съ данью по домамъ!“ и увеселяясь надеждою, что съ малымъ числомъ воиновъ получитъ болѣе корысти, снова поспѣшилъ въ предѣлы Древлянскіе. Получа о семъ вѣсть, Древляне вступили въ совѣщаніе съ Княземъ своимъ, извѣстнымъ въ лѣтописцахъ подъ именемъ *Мала*. „Естьли волкъ по„вадится ходить въ овчарню,“ сказали они; „то станетъ похищать овецъ, пока его не убьютъ.“

Желая однако испытать, не убѣдятъ ли Игоря миролюбивыми предложеніями, Древляне отправили къ нему пословъ спросить: „За

,,чѣмъ онять идешь? ты получилъ отъ насъ, ,,дань.“ Игорь отвергъ Древлянскихъ пословъ, и забывъ благоразумную осторожность, расположился съ малою дружиною подъ городскими стѣнами. Древляне, совокупя силы свои, въ темнотѣ ночной вышли изъ города, убили Игоря и истребили всю его дружину. Вмѣсто новой добычи, Игорь, по 32 лѣтнемъ княженіи, на 68 году жизни своей встрѣтилъ смерть подъ стѣнами *Коростена,* гдѣ долгое время видна была его могила и напоминала, что ненасытное корыстолюбіе почти всегда влечетъ за собою погибель и смерть.

ОЛЬГА.

Во время ратныхъ предпріятій супруга своего Игоря, Ольга въ мирѣ и тишинѣ занималась воспитаніемъ сына своего, отрока Святовлава. Сотрудниками ея были Воевода *Свенельдъ* и *Асмундъ*, котораго Несторъ называетъ *кормильцемъ* или *наставникомъ*.

Возгордясь удачею, Древляне, по убіеніи Игоря, собираются на совѣщаніе. Они уже мечтаютъ, что могутъ по волѣ своей располагать жребіемъ Игоревой вдовы, и что сынъ ея будетъ подданнымъ ихъ Князя. Они надѣялись воспользоваться слабостію Кіевлянъ, перемѣнить правленіе и поработить ихъ. Въ буйномъ высокомѣріи Древляне восклицали: „Мы убили Рускаго Князя, пусть „жена его Ольга выйдетъ за-мужъ за нашего „Князя *Мала*, и пусть Святославъ будетъ „тѣмъ, чѣмъ мы захочемъ.“

Игорь былъ жертвою корыстолюбія. Древляне устроиваютъ себѣ погибель высокомѣріемъ. Немедленно отправляютъ они къ Ольгѣ двадцать пословъ, которые, пустясь на лодкѣ, приплыли и остановились подъ *Боричевымъ*. Въ то время протекала еще вода

у подошвы горы Кіевской; на *Подолѣ* не было жилищъ. Княжескихъ *дворовъ* было два, одинъ въ городѣ, другой въ окрестностяхъ. Загородный каменный домъ отъ высокихъ теремовъ назывался *дворомъ* теремнымъ.

Несторъ разсказываетъ, что Ольга, принявъ Древлянскихъ пословъ съ притворною благосклонностью, предала ихъ смерти, отомщая за смерть супруга своего. Ольга вызываетъ новыхъ пословъ, и такому же подвергаетъ жребію. Не удовлетворивъ мщенія своего сими жертвами, она посылаетъ сказать Древлянамъ: „Иду къ вамъ сама; „готовьте пиршество тамъ, гдѣ убили моего „супруга. Дайте мнѣ еще разъ его оплакать „и въ память его сотворить *тризну*." Въ слѣдъ за сею вѣстію Ольга поспѣшаетъ съ малою дружиною въ Древлянскую область; увидѣвъ то мѣсто, гдѣ убитъ Игорь, слезно возрыдала; надъ могилою вознесла большой бугоръ и совершила *тризну*, или поминки.

Ужасны были сіи *языческія поминки!* Ольга приказываетъ воинамъ своимъ угощать Древлянъ. Безразсудные Древляне пируютъ, веселятся, и упившись виномъ, предаются сну, который претворяется въ сонъ смертный. Пользуясь безчувствіемъ Древлянъ, Ольга

повелѣваетъ воинамъ своимъ поражать ихъ остріемъ мечей. Начинается сѣча; ліется кровь Древлянъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь Игоря. Между тѣмъ, уединясь отъ всѣхъ, Ольга орошаетъ слезами прахъ супруга своего Игоря; съ рыданіемъ ея мѣшаются стоны и вопли жертвъ ея мщенія.

Хотя Несторъ о сихъ обстоятельствахъ подробно повѣствуетъ; однако нѣкоторые наши писатели, можетъ быть не безосновательно, почитаютъ ихъ *народною молвою*. Какъ бы то ни было; но можно утвердительно сказать, что естьлибъ Ольга была Христіянкою въ то время, когда лишилась супруга, она бы не предалась порывамъ необузданной мести; проливая слезы, она подкрѣплялась бы Вѣрою и надеждою.

Къ нанесенію послѣдняго удара странѣ Древлянской, Ольга совокупляетъ сильное и отважное войско. Въ сей походъ беретъ съ собою сына своего *Святослава*; она хочетъ, чтобы и отрокъ Святославъ участвовалъ въ отмщеніи за смерть отцовскую. Древляне также ополчаются, спѣшатъ на встрѣчу Ольгиныхъ войскъ и вскорѣ сходятся. Въ незрѣлыя еще лѣта, кипя отважностью воиновъ возмужалыхъ, Святославъ первый начинаетъ

Bayerische Staatsbibliothek München

бой; первый пускаетъ копье, которое, пролетѣвъ мимо конскихъ ушей, попало въ ногу коня Древлянскаго всадника. Возбужденные примѣромъ отрока Святослава, старые Полководцы Асмундъ и Свенельдъ воскликнули: „Уже Князь началъ: и мы, друзья! устремимся за Княземъ!“ Побѣда не долго колебалась; пораженные Древляне разбѣжались по городамъ своимъ и затворилась въ нихъ.

Нѣкоторые наши писатели полагаютъ, что Святославъ, при совершеніи перваго своего воинскаго подвига, былъ уже взрослымъ юношею. Напротивъ того Несторъ свидѣтельствуетъ, что Святославъ былъ тогда въ отроческихъ лѣтахъ и отъ того неудачно поразилъ копьемъ. Въ то время отъ самыхъ младенческихъ лѣтъ пріучали бросать копье, владѣть оружіемъ и управлять конемъ. До принятія Вѣры Христіянской, у Рускихъ было одно только *воинское воспитаніе*. Примѣръ Князя Игоря, Святославова отца, доказалъ, что одно *воинское воспитаніе*, не сопровождаемое правилами нравственности, добродѣтели и Вѣры, не можетъ споспѣшествовать ни къ частному, ни къ общему благу. Истинные воины, блюстители общаго блага и защитники Отечества, воспитыва-

ются не въ своеволіи, но въ Вѣрѣ и вѣрности.

Ольга, простоявъ цѣлое лѣто подъ *Коростеномъ* и овладѣвъ симъ городомъ осенью, въ сопровожденіи сына и воинской дружины вознамѣрилась обозрѣть землю Древлянскую. Въ семъ путешествіи она явилась устроительницей и законодательницей. Наблюдая внимательно всѣ мѣста, чрезъ которыя проѣзжала, входя въ состояніе народа, Ольга установляла законы и налагала подати, соразмѣрныя избыткамъ Древлянскихъ странъ. По рѣкамъ и озерамъ учреждала переправы, и разпорядила *ловлю звѣрей*, составлявшую важный промыслъ въ областяхъ Древлянскихъ, заимствовавшихъ названіе отъ *дремучихъ лѣсовъ*. Сей земской разпорядокъ совершала Ольга 949 года. Пріятно напечатлѣвать въ памяти годы, посвященные благу и щастію людей.

Ольга изъ страны Древлянской возвратилась въ Кіевъ; миръ и тишина болѣе осьми лѣтъ царствовали въ землѣ Руской. Въ сіе время Судьбы Небесныя приготовляли Ольгу къ тому подвигу, который увѣковѣчилъ имя ея и на землѣ и въ Небесахъ.

Уже во градѣ Кіевѣ много было Христіянъ; поступки и нравы ихъ во всемъ различествовали отъ нравовъ Рускихъ язычниковъ. Христіяне, сообразно правиламъ Вѣры, соблюдали святость брака, сего перваго основанія щастія и спокойствія общественнаго. Язычники, не зная ни правилъ, ни закона, предавались многоженству; семейственныя ихъ связи зависѣли отъ прихотей; союзъ Христіянской утверждался Вѣрою, соединяющею душу съ небесами: сей союзъ и на землѣ доставляетъ сладостныя отрады семейственныя. Вѣра, освящающая имена отца и супруга, удаляла Кіевскихъ Христіянъ отъ разврата страстей; язычники провождали время въ шумныхъ и буйныхъ пиршествахъ. Они мечтали, что звуками оружія и шумомъ пиршественнымъ угождаютъ богамъ своимъ. Мщеніе почиталось у нихъ великостію души; вино было ихъ отрадой; прибытокъ и корысть были единственною цѣлью ихъ трудовъ и предпріятій воинскихъ.

Уваженіе къ добродѣтелямъ Христіянъ, или лучше сказать Богъ, располагающій сердцами тѣхъ, которыхъ избираетъ руководителями народовъ къ добру и истиннѣ; — Богъ внушилъ Ольгѣ рѣшительное желаніе быть

Христіянкой. Съ симъ намѣреніемъ отправилась она въ Царьградъ. Сочинитель *Историческаго розысканія о времени крещенія Россійской Великой Княгини Ольги* говоритъ: „Прибытіе Ольги въ Константинополь должно полагать около двѣнадцатаго года царствованія *Константина Богрянороднаго*, когда, по изгнаніи своего тестя *Лакапена* съ дѣтьми, началъ онъ царствовать одинъ. Сей годъ отъ сотворенія міра 6464, отъ Р. Х. 956.“

Патріархъ, бывшій при крещеніи Ольги, сказалъ ей: „Тебя никогда не забудутъ сыны Россіи!“ Во имя матери Константина, основателя Царьграда, Ольга наречена *Еленой*.

Византійскіе, или Цареградскіе писатели, *Кедринъ* и *Зонаръ*, повѣствуя о пребываніи Ольги въ Царьградѣ, воздаютъ хвалу ея добродѣтелямъ. „Россійская Княгиня Ольга,“ говорятъ они: „вдовствующая супруга того Князя, который на морѣ сражался съ Греками, прибывъ въ Константинополь, приняла Христіянскую Вѣру. Кротостію и смиреніемъ привлекла она къ себѣ сердца, и съ честію отправилась въ свою землю.“

Ольга возвратилась въ Кіевъ съ небеснымъ сокровищемъ, — она возвратилась съ Вѣрою. Изшедъ изъ тьмы язычества, она желала и сына своего соединить съ Вѣрой и добродѣтелью; но тщетно! Материнскія убѣжденія не дѣйствуютъ надъ сердцемъ сына, порабощеннаго своевольнымъ страстямъ. Со слезами душевнаго умиленія Ольга часто повторяла Святославу: „Сынъ мой! „отъ первыхъ дней твоего рожденія я пита„ла тебя; я всѣ твои шаги наблюдала; и „теперь со всею материнскою нѣжностью о „тебѣ забочусь. . . Вѣрь матери своей: знать „Бога и любить Его, есть первое щастіе въ „жизни. Я узнала Бога, и радуюсь; и ты, „мои сынъ! будешь радоваться душевно, „узнавъ ту Вѣру, которая обновила сердце „мое и душу.“

Одна Вѣра научаетъ цѣнить попеченія и заботы материнскія. Святославъ, возросшій въ язычествѣ, не помнилъ заботъ матери своей и не внималъ ея словамъ. „Не могу,“ говорилъ онъ: „Не могу принять Вѣры Христіянской; я подвергнусь посмѣянію моей дружины.“ Не страхъ раздражить ложныхъ боговъ; но одно самолюбіе было причиною упорства Святославова: онъ боялся посмѣянія

дружины своей, и не страшился огорчить материнскаго сердца! Справедливо сказалъ великій Полководецъ нашихъ временъ, что *Законъ Христіянскій, есть нравоученіе Героевъ.* У язычниковъ не было никакихъ нравственныхъ правилъ; язычество питало страсти, а не душу. Кто рабъ страстей, тотъ рабъ мнѣній и молвы человѣческой. Не слушая матери своей, Святославъ продолжалъ языческій развратъ. Нещастный! онъ того не вѣдалъ, что сынъ ослушный не можетъ быть щастливъ и не минетъ бѣды! Святославъ даже негодовалъ на Ольгу, когда она изобличала его въ развратѣ. Любя сына своего, скорбящая мать заключала тоску свою въ сердцѣ, и прибѣгая къ Богу любви и милосердія, восклицала: „Боже! да будетъ Твоя воля! Естьли Ты восхочешь помиловать Рускую землю, Ты въ сердце моего сына вложишь то же желаніе, которое и меня къ Тебѣ обратило! . . . Богъ любви и милосердія! молюсь за сына моего, молюсь за сыновъ земли Руской: да будутъ они Твоими сынами!‘

Въ скорби и горести своей Ольга мысленно переносилась въ мѣста своего рожденія. Тамъ ея ближніе, ея родные, тамъ надѣя-

лась она озарить души тѣмъ свѣтомъ, который въ душѣ ея возсіялъ. Страна родная еще для насъ тогда милѣе, когда чувствуемъ, что можемъ водворить въ ней пользу и щастіе. На вышней степени величія и власти, Ольга испытала, что ни почести, ни слава не наполняютъ сердца; она узнала, что одна Вѣра занимаетъ и животворитъ душу. Сіе бытіе душъ и сердецъ Ольга вознамѣрилась принесть съ собою въ область *Изборскую*, гдѣ родилась, возросла и откуда переселилась въ Кіевъ. Во время путешествія своего она вездѣ учреждала земскій порядокъ, облегчала жребій поселянъ, установляла переправы на рѣкахъ и озерахъ, поощряла къ рыбной ловлѣ, уравнивала подати; словомъ: убѣждаясь Вѣрою, что *любовь къ Богу знаменуется любовію къ ближнимъ*, она вникала во всѣ подробности домостроительства Рускихъ людей, и въ щастіи ихъ находила свое щастіе. „Изъ Новграда," говоритъ *Димитрій Ростовскій*: „отправи„лась Ольга въ *весь Выбуцкую*, гдѣ сродни„ковъ своихъ наставляла въ Вѣрѣ Христі„анской."

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ *Псковъ*, на берегахъ рѣки *Великой*, вмѣсто жилищъ

человѣческихъ возносился дремучій лѣсъ; вмѣсто нивъ и луговъ простирались обширныя дубравы. Едва приближилась Ольга къ берегу рѣки Великой, осѣненной густыми древами, внезапно на другомъ берегѣ блеснули отъ востока три свѣтозарные луча, которые, спускаясь съ небесъ, осіявали мракъ лѣса и дубравъ Не одна Ольга, и сопутники ея были очевидцами сего дивнаго явленія. „Тутъ," воскликнула Ольга: „Тутъ повелѣваетъ Богъ „соорудить храмъ во имя Святой Троицы; „тутъ будетъ градъ изобильный и знаме„нитый."

Исполнилось предрѣченіе Ольги Христіянки; изчезъ дремучій лѣсъ; дубравы уступили мѣсто нивамъ и лугамъ; основался градъ, прославившійся въ Рускихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Пскова*. Рѣка, на берегахъ которой совершилось сіе достопамятное происшествіе, прослыла рѣкой *Великой*. Ольга, основательница града Пскова, употребила сокровища свои на сооруженіе храмовъ Богу правды и милосердія. Въ Отечествѣ нашемъ видимъ множество примѣровъ, что силою Вѣры мѣста дикія и необитаемыя претворились въ цвѣтущія селенія, гдѣ вмѣстѣ

съ исповѣданіемъ истиннаго Бога водворилось трудолюбіе и всѣ выгоды общежитія.

Возвращаясь въ Кіевъ, Ольга ознаменовала путешествіе свое тѣми же благодѣтельными дѣлами: по Днѣпру и по Деснѣ учредила она перевозы и основала село *Ольжицы.* Между тѣмъ, по усердію своему къ Вѣрѣ, ставила *знаменія* и назначала *мѣста* для сооруженія храмовъ Божіихъ. Водруженный ею крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ основанъ Псковъ, существовалъ и въ концѣ шестнадцатаго столѣтія.

Святославъ завоеватель.

Отъ различія нравственныхъ правилъ происходятъ различныя дѣла. Ольга во имя Бога и Вѣры устроивала мирное щастіе людей; сынъ ея Святославъ, возрастая крѣпостію силъ и утверждаясь въ язычествѣ, помышлялъ только о браняхъ и завоеваніяхъ. Не заботясь о управленіи Руской земли, пылая одною воинскою страстію, собиралъ онъ многочисленное, отважное войско, и какъ левъ ополчался на брань. Одна война раждала другую. Къ достиженію быстрыхъ завоеваній Святославъ не имѣлъ при себѣ ни

обозовъ и никакихъ запасовъ; изрѣзывая мясо, жарилъ на угольяхъ и тѣмъ утолялъ голодъ. Спалъ подъ открытымъ небомъ; вмѣсто одра служила ему одежда его; вмѣсто изголовья конское сѣдло. Всѣ воины подражали своему Вождю. Славны труды, переносимые для пользы Отечества; но Святославъ, забывая Отечество, удовлетворялъ одной своей страсти. Ни одинъ завоеватель не былъ благодѣтелемъ человѣчества.

Несторъ замѣчаетъ, что Святославъ не нападалъ безъ предварительнаго объявленія войны. Военная его повѣстка была: *хочу на васъ идти!* Въ слѣдъ за такою вѣстью устремился къ *Окѣ*, гдѣ жили *Витячи*. Не вступая съ симъ народомъ въ бой, онъ спросилъ только: *Кому даете дань?* И услыша, что Витячи платятъ дань Козарамъ, двинулся противъ нихъ.

Свѣдавъ о походѣ Святослава, Козары выступили подъ начальствомъ *Кагана* или Князя своего. Святославъ встрѣтилъ Козаръ, побѣдилъ, взялъ ихъ городъ *Бѣлую Вѣжу*, и вскорѣ потомъ покорилъ *Косоговъ* и *Яссовъ*, жившихъ около Азовскаго моря.

966 Года Святославъ снова пошелъ на Витячей и учинилъ ихъ данниками.

Не утомимый въ войнѣ и побѣдахъ, Руской Князь выступилъ противъ *Болгаръ* 997 года. У рѣки *Днѣстра* встрѣтилъ Святославъ Болгаръ, подкрѣпляемыхъ Козарами, Косогами и Яссами. Переправа требовала открытаго боя. Святославъ употребилъ хитрость. Обозрѣвъ непріятельское войско и дождавшись ночи, онъ перешолъ вверхъ по Днѣстру, повелъ дружину свою въ тылъ врагамъ, и на разсвѣтѣ ударилъ на нихъ внезапно, быстро и съ сильнымъ напоромъ. Начался бой. Болгарамъ вспомоществовала многочисленность, Рускимъ неустрашимость. Святославъ увѣнчался побѣдой. Быстро переходя отъ побѣды къ побѣдѣ, Святославъ завоевалъ по Дунаю *восемдесятъ городовъ* и утвердилъ княженіе свое въ *Переяславцѣ*.

Цареградскіе Историки повѣствуютъ, будто бы Святославъ ополчился на Болгаръ по приглашенію Греческаго Царя *Никифора Фоки*, который имѣлъ право требовать его вспомоществованія въ силу договоровъ, заключенныхъ съ Греками Олегомъ и Игоремъ. Несторъ не упоминаетъ о семъ ни слова; напротивъ того онъ говоритъ, что Святославъ, завоевавъ Дунайскіе города, сбиралъ съ Грековъ дань.

Между тѣмъ Ольга, влекомая Вѣрою къ человѣколюбію, отыскивала въ Кіевѣ бѣдныхъ и страдальцевъ; утѣшала вдовъ, помогала сиротамъ, посѣщала больныхъ; съ кротостію и любовію предлагала помощь всѣмъ нуждающимся. Во имя общаго Отца благотворила она Христіянамъ и язычникамъ; во имя Бога любви и милосердія взыскивала страдальцевъ и была матерью всѣхъ вдовъ и всѣхъ сиротъ. Вѣра убѣждала ее, что Богъ видитъ ея дѣла и наградитъ тамъ, гдѣ предоставлена награда одной добродѣтели!

Завоеватель Святославъ, полюбя мѣста своихъ побѣдъ, поселился въ чужихъ предѣлахъ, и какъ будто бы расторгъ всѣ связи съ народомъ, Отечествомъ и семействомъ своимъ. Между тѣмъ *Печенеги*, дотолѣ невоевавшіе въ Россіи, пользуясь отсутствіемъ Кіевскаго Князя, пришли къ Кіеву и со всѣхъ сторонъ облегли городъ. Святославъ торжествуетъ въ чужихъ предѣлахъ, а мать и три его сына, *Владимиръ*, *Ярополкъ* и *Олегъ* въ осадѣ у враговъ. Многочисленное войско Печенеговъ преграждаетъ всѣ пути; нещастные Кіевляне, томясь жаждою и голодомъ, не могутъ выдти изъ стѣнъ. По ту сторону Днѣпра стоитъ Черниговскій Воевода *Пре-*

тичь; Кіевляне видятъ Рускихъ воиновъ, и сіе зрѣлище умножаетъ ихъ скорбь. Около стѣнъ и на берегахъ Днѣпра, вездѣ звучитъ оружіе враговъ. Возрыдали Кіевляне и возопили: „Никто не смѣетъ перейти за Днѣпръ „и сказать братьямъ нашимъ: *Выручайте „насъ завтрашній день, или мы передадимся „Печенегамъ!“* Выискивается отважный юноша и говоритъ: *Я перейду за Днѣпръ; я знаю языкъ Печенежскій.* Обрадованные Кіевляне единодушно восклицаютъ: *иди!* Наступаетъ ночь; юноша беретъ узду, мечется въ толпы Печенеговъ и кричитъ ихъ нарѣчіемъ: *Не видали ль, бѣжавшаго коня?* Обманутые враги не останавливаютъ его; юноша быстро достигаетъ берега, совлекаетъ съ себя одежду и бросается въ Днѣпръ. Печенеги видятъ свою оплошность, устремляются къ Днѣпру; стрѣлы ихъ свистятъ и тучею сыплются въ волны рѣки; отважный юноша плыветъ безопасно. Рускіе изъ-за Днѣпра немедленно пускаются на лодкѣ и перевозятъ юношу къ Черниговской дружинѣ. Не тратя времени, онъ повторяетъ слова Кіевлянъ: „Естьли завтра не подступите къ „городу; то люди Кіевскіе покорятся Пече„негамъ.“ „Не отдадимъ Кіева врагамъ,“ во-

склицаетъ Черниговскій Воевода: „подступимъ „къ Кіеву, выручимъ Княгиню и вкуковъ ея. „Далеко нашъ Князь отъ насъ, но власть его „съ нами; мы помнимъ свой долгъ!“

Едва мелкнули первые лучи утренней зари, *заднѣпровская* дружина пускается на лодкахъ; громко воструби̇ли въ трубы; Кіевляне радостно откликаются. Внезапный страхъ объемлетъ Печенеговъ; они воображаютъ, что самъ Князь Святославъ приспѣлъ къ освобожденію Кіева. Въ ужасѣ и смятеніи разсѣяваются и бѣгутъ отъ града. Ольга со внуками стремится къ лодкамъ. Въ сіе время, отдѣлясь отъ бѣгущаго войска, Князь Печенежскій подходитъ къ Воеводѣ *Претичу* и вопрошаетъ: „Не самъ ли пришелъ Князь Кіевскій?“ Претичь отвѣчаетъ: „Пришла „Дружина съ той стороны. Я не Князь, а „Вождь передовой стражи; въ слѣдъ за мною „спѣшитъ Святославъ съ безчисленнымъ вой„скомъ.“ Пораженный симъ отвѣтомъ, Князь Печенежскій говоритъ Претичу: *Будь мнѣ другомъ* Претичь отвѣчаетъ: *буду*. При сихъ словахъ Князь Печенежскій и Руской Воевода подаютъ другъ другу руку, и по обычаю того времени, предлагаютъ взаимные дары. Князь Печенежскій даетъ Претичу

коня, саблю и стрѣлы; Руской Воевода дарить ему броню, щитъ и мечь. Печенѣги отступаютъ; отъ множества коней ихъ помутилась рѣка *Лыбедь*.

По отшествіи Печенеговъ Кіевляне отправили къ Святославу гонца съ сими словами: „Князь! ты ищешь чужихъ земель, а „губишь свою страну: мать твоя и твои „дѣти едва спаслись отъ враговъ. Естьли „не пойдешь, естьли не защитишь насъ, вра„ги снова устремятся къ Кіеву. Уже ли не „жаль тебѣ родины своей? Уже ли не жаль „матери престарѣлой и сыновъ отроковъ?"

Закипѣло жалостію сердце Святославово; быстро взлетѣлъ онъ на коня; немедленно съ дружиною своей поспѣшилъ къ Кіеву. Радостно облобызалъ мать и дѣтей, и скорбя объ участи роднаго града, воскликнулъ: „Отомщу Печенегамъ! Они не дерзнутъ впредь безпокоить града моего, матери и дѣтей моихъ!" Собравъ войско свое, Святославъ съ обыкновенною быстротою напалъ на Печенеговъ, не далъ имъ образумиться, поразилъ, прогналъ въ степь и возвратилъ Кіеву миръ и тишину.

Въ душѣ, волнуемой страстями, нѣтъ ни одного постояннаго чувствованія. Жа-

лость привлекла Святослава къ Кіеву; жалость къ матери и дѣтямъ вскорѣ уступила рвенію къ славѣ и побѣдамъ. „Не люблю жить въ Кіевѣ,“ сказалъ онъ матери и Боярамъ: „Хочу поселиться въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ средина моего владѣнія, туда стекаются всѣ сокровища и всѣ избытки. Тамъ получаю отъ Грековъ поволоки, золото, вино и разные плоды; тамъ отъ *Чеховъ* и *Угровъ* сбираю серебро и коней; туда изъ Руси привозятъ мнѣ мѣха, воскъ, и туда приходятъ люди, для составленія войска. Мною основанъ Переяславецъ; слава Руская гремитъ на берегахъ Дуная.“

Ольга, пораженная сими словами до глубины души своей, со слезами обратила рѣчь къ Святославу: „Сынъ мой! болѣзнь приближаетъ меня ко гробу, вскорѣ увижу „смерть, и ты хочешь меня оставить? „Останься, дождись моей кончины! Вспомни, „не я ли отъ самаго твоего младенчества „хранила тебя и соблюдала? . . . Заклинаю „любовью моей, останься; и когда умру, „не вели на гробѣ моемъ совершать языческой тризны. Спокойно закрыла бъ я глаза „мои, естьли бъ могла сказать: *Боже! отходя отъ сего міра, оставляю сына моего*

„*съ Вѣрою къ Твоему милосердію!* Но да „будетъ воля твоя!“ Ольга какъ будто бы предрекла смерть свою: черезъ три дни, съ Вѣрой и надеждою, первая Христіянка изъ женъ Княжескихъ, перешла въ селеніе вѣчности и безсмертія.

Возрыдалъ Святославъ надъ тѣломъ матери своей; плакали Ольгины внуки; проливали слезы всѣ люди Кіевскіе. Съ рыданіемъ и плачемъ проводили ее на то мѣсто, гдѣ обрекла она себѣ могилу. Служитель истинной Вѣры, бывшій при Ольгѣ, совершилъ погребеніе по долгу Христіянскому. . . Какъ заря возвѣщаетъ восходъ солнца, такъ Ольга, была предвѣстницей Вѣры въ землѣ Руской; какъ луна свѣтитъ во время ночи, такъ Ольга Христіянскими добродѣтелями свѣтила во мракѣ язычества. Въ землѣ Руской она была начальнымъ залогомъ примиренія съ Богомъ; она не умерла, — Вѣра и добродѣтель безсмертны: Ольга живетъ въ небесахъ и въ сердцахъ сыновъ Россіи!

969 Года лишился Святославъ матери своей; спустя годъ, поручилъ онъ *Ярополку* Кіевъ, а *Олегу* землю Древлянскую. Въ сіе время пришли послы изъ области Новгородской и сказали Святославу: *Князь! или*

самъ поди къ намъ, или мы изберемъ себѣ Князя. Святославъ отвѣчалъ: *Выбирайте.* Ярополкъ и Олегъ не согласились. Между тѣмъ *Добрыня* присовѣтовалъ Новгородцамъ просить *Владимира.* Совѣтъ сей подалъ онъ потому, что былъ братъ *Малуши*, Владимировой матери, служившей у Ольги домоправительницею. Склонясь на предложеніе Добрыни, Новгородцы сказали Святославу: *Отпусти къ намъ Владимира.* Святославъ отвѣчалъ: *Пусть идетъ къ вамъ.* Владимиръ немедленно отправился въ Кіевъ въ сопровожденіи Новгородскихъ пословъ и дяди своего Добрыни. Ярополкъ остался въ Кіевѣ, Олегъ въ Древлянской землѣ; а Святославъ поспѣшилъ въ любимой свой *Переяславецъ.*

Въ отсутствіе Рускаго Князя Болгары овладѣли Переяславцемъ и укрѣпились въ немъ. Узнавъ, что Святославъ приближается, они поспѣшили на встрѣчу. Начался сильный и кровопролитный бой. Уже Рускіе начинали отступать и торжественные клики раздавались въ полкахъ Болгарскихъ. Въ сердцахъ неустрашимыхъ по мѣрѣ опасности возрастаетъ отважность и рѣшительность. „Уже ли вы не тѣ Рускіе," воскликнулъ Святославъ: „которые гнали и по-

„ражали Болгаръ? Братья и друзья! ополчимся, ударимъ мужественно; слава и побѣда будутъ съ нами!“ Одушевились Руские воины новою силою, ударили на Болгаръ, *грудью* и *копьемъ* взяли Переяславецъ.

Не привыкнувъ медлить и останавливаться на поприщѣ побѣдъ, Святославъ послалъ къ Грекамъ съ обыкновенной своей повѣсткой: *Хочу идти по васъ!* а къ сему прибавилъ: *и хочу также взять Царьградъ, какъ отнялъ у Болгаръ Переяславецъ. Вы ихъ возбудили противъ меня, вамъ хочу отмстить.*

Хитрые Греки, притворяясь, будто бы они безсильны противустать Рускому Князю, отвѣчали посламъ: „Мы не отважимся сразиться съ Святославомъ; возьмите дань по „числу вашихъ войскъ.“ Отражая хитрость равною хитростью, Святославъ на сіи льстивыя слова отвѣчалъ: *Со мною двадцать тысячь войскъ*; хотя подлинно было только десять тысячь.

По извѣстіямъ *Византійскихъ*, или Цареградскихъ Историковъ, Святославово войско то возрастало до *трехъ сотъ тысячь* и болѣе, то вдругъ почти ни во что обращалось отъ силы Греческой. Безпристрастіе.

есть рѣдкое достоинство. Оставя всѣ извѣстія, питающія суетное тщеславіе и легкомысліе, приведу только свидѣтельства о *воинскихъ правилахъ* Рускаго Князя.

Воинское обученіе, есть душа порядка и поручительство въ побѣдѣ. Въ то самое время, когда Греческій Императоръ *Іоаннъ Цимисхій* выступилъ изъ стана со всѣмъ своимъ воинствомъ противъ Святослава, сей Князь на ровномъ мѣстѣ, подъ стѣнами городскими обучалъ дружину свою ратнымъ движеніямъ и пріемамъ.

До 971 года, то есть, до войны Святослава съ Греками, Руекіе сражались въ полѣ всегда одною пѣхотою; въ семъ году появилась и конница въ строю Рускихъ. Іоаннъ Цимисхій, осаждая *Доростолъ* или *Деретръ*, гдѣ Святославъ находился съ войскомъ, не хотѣлъ учинять приступа до прибытія судовъ. Когда же Греческіе суда приплыли, онъ немедленно напалъ на городъ, и по словамъ Греческихъ писателей, не однократно отражалъ вылазки Рускихъ. Не смотря на удачи Грековъ, городъ держался. Въ одинъ день, когда Греки готовили себѣ вечернюю пищу, Рускіе въ двухъ отдѣленіяхъ, состоявшихъ изъ *пѣхоты* и *конницы*, устре-

мились изъ двухъ разныхъ воротъ. При семъ случаѣ въ первой разъ увидѣли конной строй Рускихъ, которые до того времени сражались всегда пѣшіе.

Хотя Святославъ укрѣпилъ городъ рвомъ; но воины его, отражая Грековъ, должны еще были бороться съ голодомъ. Многіе Рускіе были ранены; припасы часъ отъ часу истощались; Греки всѣ пути заградили. Благоразумная отважность вездѣ пролагаетъ себѣ путь; опытный Полководецъ въ необычайныхъ обстоятельствахъ совершаетъ необычайныя дѣла.

Въ одну темную ночь, когда шумѣла сильная гроза съ дождемъ и градомъ, при страшныхъ громовыхъ ударахъ, при блескѣ молній, Святославъ съ двумя тысячами воиновъ сѣлъ на суда и пустился по Дунаю искать припасовъ. Дѣлая по берегу высадки и доставъ хлѣба, пшена и другихъ припасовъ, поплылъ обратно вверхъ по рѣкѣ къ городу. Вскорѣ усматриваетъ онъ на берегу многочисленные отряды Грековъ, изъ которыхъ одни поили коней, другіе собирали сѣно и дрова. Немедленно въ нѣкоторомъ разстояніи выходитъ на берегъ, пробирается лѣсомъ, устремляется на Грековъ; одни

падаютъ отъ меча, другіе убѣгаютъ въ лѣсъ. Святославъ спокойно садится на суда, и къ подкрѣпленію изнуренныхъ своихъ воиновъ, благополучно привозитъ продовольствіе.

Между тѣмъ, по словамъ Греческихъ Историковъ, щастіе совсѣмъ оставило Рускихъ. Далеко была отъ нихъ земля Руская; посторонней помощи не откуда было ожидать: чужіе въ щастіи только помогаютъ. Къ сему безнадежному состоянію присовокупился голодъ. Узнавъ изъ опыта Святославову отважность, Греки неусыпно наблюдали берега Дуная: на сухомъ пути и на рѣкѣ, вездѣ была стража. Напротивъ того щастіе, измѣнившее Святославу, во всемъ благопріятствовало Грекамъ. Въ станѣ ихъ было изобильное продовольствіе; свѣжая пѣхота и конница со всѣхъ сторонъ къ нимъ подходили и усиливали войска.

Герои познаются въ злополучіи: съ перемѣною щастія не измѣнилась неустрашимая душа Рускаго Князя. Собравъ дружину свою, онъ выходитъ изъ стѣнъ городскихъ и приказываетъ запереть ворота, чтобы уже не возвращаться, а всѣмъ лечь на полѣ битвы, естьли побѣда увѣнчаетъ Грековъ. Невольно дрогнули сердца Рускія отъ многочисленнаго

ополченія враговъ. Увидѣвъ боязнь на лицахъ воиновъ своихъ, Святославъ воскликнулъ: „Друзья! намъ одно осталось: волею и не-„волей идти на враговъ. Не посрамимъ зем-„ли Руской, *ляжемъ здѣсь костьми.* Никто „не устыдитъ мертвыхъ: славно умереть „на полѣ брани. Горе намъ и стыдъ, есть-„ли побѣжимъ! . . . Но мы не побѣжимъ; мы „крѣпко станемъ; мы не уступимъ врагамъ. „Друзья и братья! на меня смотрите, я впе-„реди буду. А естьли паду мертвъ; тогда „по волѣ своей спасайтесь." Закипѣли рвеніемъ и мужествомъ сердца Рускія; единодушно воскликнули воины: *„Гдѣ ляжетъ твоя го-„лова, тамъ и мы свои головы положимъ!"*

Быстрѣе молніи полетѣли Рускіе на Грековъ; Святославъ былъ вездѣ; а съ нимъ вездѣ была побѣда. Сильно сопротивлялись враги; никогда еще не было у Грековъ такой битвы съ Рускими. Многочисленность, упорство враговъ воспламеняло Рускихъ воиновъ. Они рѣшились; они обѣщались Князю своему: *или умереть, или побѣдить!* Одолѣлъ Святославъ; отступили полки Греческіе. . . . Быстро преслѣдуетъ Святославъ бѣгущихъ; беретъ, опустошаетъ и разоряетъ города. Греческій Царь въ ужасѣ и трепетѣ соби-

раетъ Вельможъ и совѣщаетъ съ ними о спасеніи отечества. „Пошли,“ говорятъ Бояре: „Пошли къ Святославу дары; испытаемъ, не прельстятъ ли его сокровища.“ Немедленно отправляетъ Царь пословъ съ дарами; и сколь удивились они, увидя, что Святославъ даже и не взглянулъ на блестящіе дары! Не успѣвъ обольстить Героя сокровищами, Царь отправляетъ къ нему мечь, копье и прочее оружіе. Восхищаясь сими ратными дарами, Святославъ облобызалъ ихъ. Греческіе послы, доставившіе Рускому Князю оружіе, возвратясь къ Царю своему, сказали: „Непреклоненъ Князь Руской; онъ презираетъ сокровища: онъ лобызаетъ оружіе; „онъ алчетъ славы и побѣдъ; купимъ миръ „данью. Гдѣ остановится тотъ, чье сердце „не покоряется блеску золота и сокровищъ?“ Снова убѣждаетъ Царь Святослава, чтобы онъ, взявъ дань, не ходилъ къ Цареграду, отъ котораго уже былъ не далеко. Святославъ соглашается; но требуетъ, чтобы выданъ былъ окупъ и на часть убитыхъ, говоря: *Принадлежащее убитымъ отдамъ ихъ родственникамъ.*

Съ богатыми дарами и съ честію возвратился Святославъ въ Переяславецъ. Мало

осталось неустрашимыхъ Рускихъ воиновъ; много ихъ пало на полѣ битвы за честь и славу. „Хитрые Греки,“ говоритъ Святославъ дружинѣ своей: „могутъ провѣдать, „что нас здѣсь не много; лукавствомъ и про„исками могутъ насъ истребить. . . Пойдемъ „въ Русь, умножимъ полки наши; здѣсь опас„но медлить. Руская земля отъ насъ далеко; „Печенеги съ нами въ войнѣ; помощь Болга„ровъ не надежна. Заключимъ съ Греками миръ. „Царь ихъ обязался платить намъ дань; „естьли нарушитъ свое слово, мы съ новы„ми силами ополчимся.“ Дружина одобрила намѣреніе своего Вождя. Святославъ отправляетъ пословъ къ Греческому Царю въ *Деретръ* съ предложеніемъ мира и любви. Въ заключенномъ договорѣ главное условіе состояло въ томъ, чтобы Святославъ, *живя съ Греками въ мирѣ, не приходилъ ни съ чужеземными, ни съ своими войсками ни въ страну Греческую, ни въ область Корсунскую, ни въ предѣлы Болгарскіе. Естьли же кто ополчится на Грековъ, онъ обязывается помогать, въ чемъ и клянется своими богами.*

Заключа съ Греками миръ, Святославъ поплылъ въ судахъ къ Днѣпровскимъ поро-

гамъ. Опытный и престарѣлый Воевода Свенельдъ, служившій еще при Игорѣ, совѣтовалъ взять путь берегомъ на коняхъ, для избѣжанія Печенеговъ, засѣвшихъ въ порогахъ. Надѣясь на щастіе и отважность свою, Святославъ не внялъ увѣщанію прозорливаго Полководца и поплылъ въ лодкахъ. Между тѣмъ Переяславскіе жители извѣстили Печенеговъ, что Святославъ возвращается въ Кіевъ съ великими сокровищами, полученными въ Греціи. Печенеги немедленно заняли всѣ пороги. Святославъ принужденъ былъ остановиться и зимовать не тамъ, гдѣ былъ намѣренъ; но тамъ, гдѣ враги его заставили. Стѣсненный Печенегами, поздно увидѣлъ онъ неосторожность свою; поздно узналъ, что не должно пренебрегать совѣтовъ мужей, вразумленныхъ лѣтами и опытомъ. Ужасный голодъ постигъ его дружину.

Съ открытіемъ весны Святославъ пустился черезъ пороги. Печенеги взяли всѣ мѣры, чтобы не задержать Рускаго Князя и овладѣть его сокровищами. Подъ предводительствомъ Князя своего *Куря* со всѣхъ сторонъ напали они на Святослава, убили его, отрѣзали голову, и оковавъ черепъ, употребляли вмѣсто пиршественной чаши.

Сказываютъ, будто бы на сей чашѣ начертали надпись: *Кто ищетъ чужаго, тотъ свое погубляетъ.* Была ль сія надпись, или нѣтъ; но истина сія подтверждается свидѣтельствомъ всѣхъ вѣковъ. Малое число Руских воиновъ, между которыми былъ и Воевода Свенельдъ, принесли въ Кіевъ вѣсть о бѣдственномъ жребіи Святослава. Кіевляне не оплакали его смерти: они страшились Князя, который, полюбя чужія области, забылъ свой родной край; они предвѣщали ему, что *искавъ чужаго, онъ погубитъ свое.*

Ярополкъ.

Съ кончиною Князя Святослава видимъ въ Россіи первое основаніе *удѣльнаго владѣнія*, причинившаго столько бѣдъ и разореній Отечеству нашему. Ярополкъ владѣлъ въ *Кіевѣ*, Олегъ въ *землѣ Древлянской*, Владиміръ княжилъ въ *Новѣгородѣ*.

Удѣльное владѣніе началось во тмѣ язычества, когда страсти не имѣли никакого обузданія, а умъ и сердце никакихъ нравственныхъ правилъ. Все зависѣло отъ произвола и отъ случая; и брачный союзъ тому же былъ причастенъ. Дѣти, прижитые отъ

различныхъ женъ, не могли одушевляться ни единодушіемъ, ни единомысліемъ, которыя утверждаются подъ семейственнымъ кровомъ, гдѣ Вѣра освящаетъ связи супружескія и небесными наставленіями указываетъ путь къ добродѣтели. Къ щастію земли Руской, сыны Святославовы воспитывались подъ надзоромъ бабки своей, *Ольги* Христіянки; а безъ того, при самомъ началѣ удѣльнаго правленія, произошли бы мятежи и междоусобія. Въ третій годъ Ярополкова княженія въ Кіевѣ, вспыхнуло и возгорѣлось пламя распрей междоусобныхъ.

Знаменитый Воевода Свенельдъ, наставникъ Князя Святослава и прославившійся воинскими дѣлами еще при Князѣ Игорѣ, былъ первымъ Совѣтникомъ у Ярополка. Сей престарѣлый Вельможа и Полководецъ имѣлъ сына, по нраву и поступкамъ проименованнаго *Лютомъ*. Лютъ былъ изъ числа тѣхъ недостойныхъ любимцевъ случайнаго щастія, которые, по малости души своей не умѣя уравняться съ возвышенной и блестящей чредой, преимущество свое изъявляютъ наглостью, дерзостью и безпутнымъ киченіемъ. *Лютъ* мечталъ, что все должно ему покорствовать; потому что за службу преста-

рѣлаго своего отца приближенъ сталъ къ особѣ Княжеской.

Лютъ, Свенельдовъ сынъ, пустясь на ловлю звѣрей, съѣхался съ Олегомъ, Княземъ Древлянскимъ. Хотя лѣтопись не упоминаетъ; но можно догадываться, что сія встрѣча воспослѣдовала въ области Древлянской: вѣроятно также, что, безъ дозволенія удѣльнаго Древлянскаго Князя, подданный Кіевскаго Князя не имѣлъ права ловить звѣрей въ чужихъ предѣлахъ. Кичась своею случайностію у Двора Кіевскаго, Лютъ не хотѣлъ даже извиниться предъ Древлянскимъ Княземъ въ томъ, что завлекся травлею звѣрей въ его удѣлъ. Олегъ самъ принужденъ былъ спросить: *Кто ты?* Лютъ отвѣчалъ: *Я сынъ Воеводы Свенельда.*

Олегъ и Лютъ были въ тѣхъ пылкихъ лѣтахъ, когда щекотливое самолюбіе воспаляется гнѣвомъ отъ одного противнаго слова, отъ одного неосторожнаго шага. Князь Древлянскій и сынъ Кіевскаго Воеводы, послѣ взаимныхъ и жестокихъ укоризнъ, прибѣгнули къ оружію. Лютъ палъ отъ руки Олега. Дружина Лютова принесла съ собою въ Кіевъ окровавленный его трупъ, и представя очамъ престарѣлаго отца, сказала: *Олегъ убилъ*

твоего сына. Отъ сего бѣдственнаго часа Свенельдъ, какъ будто бы овладѣлъ порывами неукротимаго мщенія. Въ душѣ его вкоренилась одна мысль: отмстить Древлянскому Князю за сына. Злобу свою рѣшился онъ переселить въ сердцѣ Ярополка. Не льзя винить скорби отца о смерти сына; но Свенельдъ виновенъ въ томъ, что въ жертву мщенія принесъ всѣ свои обязанности. Естьли бъ Свенельдъ цѣнилъ славу Князя своего, онъ сказалъ бы ему: „Государь! убіеніе „сына моего жестоко меня поразило; терзаюсь какъ отецъ; но не подамъ при„мѣра къ кровопролитію. Мой сынъ, былъ „твой подданный; убійца, твой братъ. . . . „Не мсти, Государь, за обиду мою; пощади „кровь подданныхъ, пощади честь и славу „свою; пощади и меня! Мщеніе мое забываю „для пользы Князя и Отечества.“

Но Свенельдъ, посѣдѣвшій въ службѣ Игоря и Святослава, не мыслилъ ни о славѣ, ни о пользѣ Князя Ярополка. Одна Вѣра научаетъ побѣждать ненависть и месть; Свенельдъ *кумирослужитель*, и у самой могилы раболѣпствуя страстямъ, непрестанно твердилъ Ярополку: „Поди „на брата, возьми владѣніе его; время

„уже тебѣ быть Княземъ самодержавнымъ.
„Естьли ты не предупредишь брата, онъ
„на тебя нападетъ; естьли ты не захва-
„тишь его области, онъ все у тебя отни-
„метъ."

Такимъ образомъ Свенельдъ возмущалъ душу своего Князя то прелестію самовластія, то боязнію и подозрѣніемъ. Клевета пріемлетъ на себя всѣ виды. Свенельдъ показывалъ Ярополку, будто бы мыслитъ только о его безопасности, о его пользахъ. Ярополкъ палъ въ сѣти, разставленныя мщеніемъ и клеветою. 977 Года воспылала брань гибельная, брань братоубійственная! Двинулся Ярополкъ войною въ землю Древлянскую; ополчился Олегъ. Братъ идетъ на брата! Изчезло родство, пылаетъ одно мщеніе; сильно и безпощадно свирѣпствуетъ распря междоусобная. Ярополкъ побѣдилъ Олега близь Древлянскаго города *Вруча*, или *Овруча*. Нещастный Олегъ спасается бѣгствомъ; надобно переходить мостъ, устроенный чрезъ ровъ къ городу. Бѣгущіе воины, тѣсня и толкая другъ друга, низвергаются въ ровъ и увлекаютъ съ собой Олега. Ярополкъ овладѣлъ городомъ; но онъ не можетъ назваться *побѣдителемъ*. Не вступая съ братомъ

въ распрю и кровопролитіе, отвергнувъ клевету мстительнаго наушника, Ярополкъ былъ бы побѣдителемъ *по праву добродѣтели.*

Услыша о плачевной смерти Олега Древлянскаго, Владиміръ убѣжалъ за Ладожское озеро. Ярополкъ немедленно учредилъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ и началъ самодержавствовать въ Россіи.

Но прелесть самовластія не могла успокоить Ярополка; очамъ его представлялась окровавленная тѣнь его брата! . . . Что бы разсѣять скорбь возмущенной совѣсти въ шумѣ воинскомъ и отмстить за смерть отца своего Святослава, Ярополкъ ополчился на Печенеговъ 978 года. Щастіе, не рѣдко измѣняющее добродѣтели, благопріятствовало братоубійцѣ: Ярополкъ увѣнчался побѣдой и возложилъ дань на Печенеговъ. Сдѣлавшись преступникомъ отъ легковѣрія и коварныхъ наущеній, Ярополкъ былъ чуждъ суровости и жестокосердія. Удовлетворясь побѣдой и данью, онъ не обременилъ Печенеговъ никакими другими тягостями. Печенежскій Князь *Ильдей,* привлеченный кротостію побѣдоноснаго Ярополка, 979 года добровольно просился къ Рускому Князю въ службу.

Ярополкъ, принявъ его не въ видѣ данника, но какъ союзника, наградилъ волостями и городами. Въ томъ же году прибыли изъ Цареграда послы и подтвердили съ Ярополкомъ миръ на прежнихъ условіяхъ.

Между тѣмъ, какъ земное щастіе со всѣхъ сторонъ благопріятствовало Ярополку, казалось, что Небеса, негодуя на братоубійство, не хотѣли освящать земли Руской! Въ исходѣ 979 года померкали солнце и луна; страшные гремѣли громы, свирѣпствовали бури и опустошали лѣса, паствы и селенія.

Вскорѣ за ужасами воздушными возшумѣла новая гроза на землѣ. Владиміръ съ ополченіемъ Варягъ возвратился въ Новгородъ, отрѣшилъ Ярополковыхъ посадниковъ и сказалъ имъ: „Ступайте къ моему брату, возвѣстите ему: *Владимиръ идетъ на тебя; готовься къ бою!*" Желая усилить войска свои помощію Полоцкаго Князя *Рогвольда*, Владиміръ отправилъ къ нему пословъ просить въ супружество дочь его, *Рогнеду*. Рогвольдъ предоставилъ на волю дочери своей, которая въ присутствіи Владиміровыхъ пословъ гордо отвѣчала: *Не хочу разуть сына рабыни!* Симъ дерзкимъ отвѣтомъ

Рогнеда напомнила, что Владимиръ, сынъ Ольгиной домоправительницы Малуши, и что она, по обыкновенію того времени, въ первой день брака не хотѣла *разуть ноги* у мужа, рожденнаго отъ рабы. Къ пущему раздраженію Владимира Рогнеда прибавила: *Хочу за Ярополка.* Услышавъ отъ пословъ своихъ о презрительномъ отвѣтѣ Рогнеды, услыша о красотѣ ея и о склонности къ Ярополку, Владимиръ воскипѣлъ гнѣвомъ: къ оскорбленному честолюбію присовокупилась ревность. Немедленно собираетъ онъ Варягъ, Славянъ, Чудь, Кривичей и летитъ къ Полоцку.

По удивительному стеченію обстоятельствъ, съ одной стороны Владимиръ идетъ войною; а съ другой спѣшатъ къ Полоцку Ярополковы послы, для препровожденія Рогнеды въ Кіевъ. Торжествуетъ честолюбивая Рогнеда; съ восхищеніемъ воображаетъ тотъ день, когда, сочетавшись съ Княземъ Кіевскимъ, возсядетъ съ нимъ на престолѣ земли Руской. Сердцемъ и мыслями летитъ къ Ярополку; но Владимиръ уже передъ Полоцкомъ. Загремѣло бранное оружіе, ополчается Рогвольдъ, и съ двумя сынами своими падаетъ подъ остріемъ мечей воиновъ Владимира. Убѣгаютъ въ Кіевъ послы Ярополковы,

Съ высоты блестящихъ надеждъ низвергшись въ бездну злощастія, Рогнеда остается одна, безъ отца, безъ братій; какой переходъ отъ радости къ отчаянію, и какъ не надежно все то, что льститъ страстямъ человѣческимъ! Обагренный кровію отца и братій, Владимиръ плѣнницу свою Рогнеду принуждаетъ быть его супругой.

Уже Владимиръ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ предѣлы Кіевскіе. Ярополкъ, по недостатку силъ, заперся въ стѣнахъ городскихъ. Не столь опасно явное нападеніе врага, сколь пагубно тайное злоумышленіе лести и коварства. Въ лицѣ вѣроломнаго *Блуда*, Ярополкова Воеводы, предсталъ сему нещастному Князю лютый врагъ, который, скрывая въ сердцѣ ядъ коварства, устами вѣщалъ лесть и ухищренными происками влекъ Ярополка къ безразсуднымъ поступкамъ и къ погибели. Сей коварный льстецъ, подъ видомъ мнимаго усердія, съ тѣмъ остался съ Ярополкомъ въ Кіевѣ, что бы служить Владимиру.

Владимиръ не пошелъ открытымъ боемъ на Кіевъ; но, выжидая благопріятныхъ обстятельствъ, остановился на *Дорогожищѣ* и окопался между *Дорожичемъ* и *Капичемъ*,

гдѣ въ Несторово время видѣнъ былъ ровъ. Къ успѣху въ злодѣйствѣ, злоумышленники сообщаются съ злодѣями. Владимиръ отправилъ тайнаго гонца къ ухищренному Воеводѣ Блуду съ сими словами: „Передайся на мою „сторону; погубивъ брата, буду почитать „тебя, какъ отца, и превознесу почестями „и славой. Не я вооружился на братій, „но Ярополкъ; я ополчился, устрашась его „гоненія.“ Предатель Блудъ отвѣчалъ Владимирову послу: „Отдаю Владимиру мое „сердце; буду ему служить. Не смѣю явно „убить Ярополка, — граждане къ нему при- „вержены; тайно погублю его.“ За сіе обѣщаніе Владимиръ немедленно послалъ Блуду дары, оковывающіе низкія души измѣною и злодѣйствомъ. Блудъ непрестанно пересылался съ Владимиромъ и возбуждалъ его безъ отлагательства совершить братоубійство. Между тѣмъ, чтобы отвлечь сердца Кіевлянъ отъ Ярополка и представить его въ очахъ гражданъ боязливымъ и малодушнымъ, Блудъ ему говорилъ: „Не выходи изъ города; „войско Владимирово ропщетъ на Князя сво- „его; Кіевляне его презираютъ и называютъ „*сыномъ рабы Ольгиной*: чего тебѣ стра- „шиться? Не проливъ ни капли крови под-

„данныхъ, ты спасешь Кіевъ и побѣдишь „Владимира.“ Такъ обольщалъ вѣроломный Блудъ Ярополка, а Кіевлянамъ внушалъ: „Смотрите, какъ малодушенъ Ярополкъ; онъ „не смѣетъ выглянуть изъ стѣнъ Кіевскихъ; „онъ трепещетъ воззрѣнія Владимирова; онъ „чувствуетъ въ смятенной совѣсти своей, „что братоубійца долженъ погибнуть.“ Обезславя Князя въ мнѣніи гражданъ, Блудъ началъ въ сердцѣ Ярополка поселять подозрѣніе къ Кіевлянамъ. „Долго таилъ я отъ тебя,“ сказалъ онъ Ярополку: „Теперь, какъ „усердный твой Воевода, не могу скрыть, „что сердца Кіевлянъ отдалились отъ тебя „и предались Владимиру. Кіевляне просятъ „и убѣждаютъ Владимира: *Приступи ко гра„ду, мы выдадимъ тебѣ Ярополка.* Вотъ „каковы тѣ Кіевляне, которымъ ты оказы„валъ любовь и милосердіе! Князь, спасайся! „Удались отъ неблагодарныхъ, удались отъ „измѣнниковъ!“ Не избѣгъ легковѣрный Ярополкъ новыхъ уловленій лести и коварства, и удалился въ городъ *Родню*, лежавшій при устьѣ рѣки *Рси.* Обрадованный Владимиръ вступилъ въ Кіевъ и отправилъ войско къ осадѣ Родни. Отъ бѣдственныхъ послѣдствій сей осады произошла пословица: *бѣда, какъ*

въ Роднѣ. Бѣда сія напоминала голодъ, истомленіе и гибель людей.

Приготовляя Ярополку послѣдній ударъ, Блудъ говорилъ ему: „Видишь, какъ многочисленно войско брата твоего; ратники „его и въ Кіевѣ и у *Родни;* не льзя его „превозмочь. Покорись, заключи миръ съ бра„томъ." Ярополкъ, нещастный Ярополкъ, слѣпо ввѣрясь предателю, отвѣчалъ: *Я согласенъ!* Блудъ, упоенный надеждою сокровищь, почестей и славы, посылаетъ къ Владимиру гонца съ извѣстіемъ: „Сбылось твое „желаніе. — Ярополкъ въ нашихъ рукахъ; „устрой все къ смерти его." Получа сію вѣсть, Владимиръ пошелъ въ теремный дворъ, бывшій въ Кіевѣ подъ горою. Въ семъ *дворѣ теремномъ* жила нѣкогда Ольга; тамъ подъ надзоромъ ея возрастали Ярополкъ и Владимиръ; тамъ наслаждались они невинностію отроческихъ лѣтъ. . . . Какія напоминанія, естьли бъ мщеніе и властолюбіе не умерщвляли въ сердцѣ родства, дружбы и добродѣтели! Не пробудилось сердце Владимира при входѣ въ сей домъ; онъ вводитъ туда стражу къ умерщвленію брата.

Нетерпѣливо ожидая награды отъ Владимира за предательство своего Князя,

Блудъ понуждаетъ Ярополка сими словами: „Не медли, иди къ брату; скажи ему: *Все, что дашь мнѣ, тѣмъ и доволенъ буду.*“ Уже Ярополкъ собрался въ смертный путь; вдругъ встрѣчаетъ его *Варяжко*, вѣрный и усердный его служитель. „Князь!“ восклицаетъ онъ: „Не ходи, тебя убьютъ; предатель Блудъ лестію и коварствомъ влечетъ тебя къ погибели. Не ходи во *дворъ теремный*; тамъ ждетъ вооруженная Владимирова дружина; ты падешь отъ мечей злодѣевъ. Не ходи. . . . удались къ Печенегамъ. Печенежскій Князь *Ильдей* за тебя вступится; побѣдя Печенеговъ оружіемъ, ты привлекъ сердца ихъ благодѣяніями. Они за тебя вооружатся; съ ними ополчись къ отраженію враговъ.“ Тщетно убѣждаетъ *Варяжко* Князя своего; лесть и коварство заглушили голосъ правды и усердія. Едва Ярополкъ вступилъ въ двери *теремнаго двора*, двое *Варягъ* въ тотъ же мигъ подняли его на мечи и повергли на полъ. Блудъ, коварный Блудъ затворилъ двери, что бы преградить входъ вѣрнымъ Ярополковымъ сопутникамъ. Усердный *Варяжко*, видя, что Князь погибъ, убѣжалъ къ Печенегамъ и вмѣстѣ съ ними рѣшился мстить за Ярополка. Не долго

торжествовалъ Блудъ. Властолюбцы любятъ измѣну; но ненавидятъ измѣнниковъ. Три дни наслаждался Блудъ почестями, обѣщанными ему Владимировъ, три дни ликовалъ онъ въ Кіевѣ; на четвертый день Владимиръ велѣлъ его казнить, сказавъ ему: „Я сдер„жалъ мое слово — я воздалъ тебѣ честь, „какъ моему приверженцу; но ты измѣнникъ, „ты выдалъ Князя своего: умри, какъ из„мѣнникъ!" Между тѣмъ Варяжко, усердствуя убіенному Ярополку, собралъ Печенеговъ и долго воевалъ противъ Владимира. Наконецъ, щадя кровь братій своихъ Кіевлянъ, примирился и поклялся въ вѣрности Кіевскому Князю. Владимиръ не мстилъ *Варяжкѣ.* Вѣрность, испытанная злополучіемъ, всегда возбуждаетъ уваженіе. Въ то же самое время оказалось, сколь не надежна чужая помощь. *Варяги*, вспомоществовавшіе Владимиру, возгордясь убіеніемъ Ярополка, нагло требовали у него награды. „Кіевъ нашъ," говорили они: „Мы взяли городъ; дай намъ золото и серебро." Владимиръ обѣщалъ; но не сдержалъ своего слова. Вышедъ изъ терпѣнія, буйные Варяги просились въ Царьградъ. Владимиръ выбралъ лучшихъ воиновъ; а остальныхъ, по желанію ихъ, от-

пустилъ къ Грекамъ, пославъ вѣсть, что бы Греки, для безопасности своей, не дали совокупляться Варягамъ, и сихъ опасныхъ пришельцевъ разсѣяли бъ по разнымъ мѣстамъ.

КНЯЖЕНІЕ ВЛАДИМИРА ПЕРВАГО.

Владимиръ кумирослужитель.

Обагрясь кровію брата своего Ярополка и невольно смущаясь страхомъ, Владимиръ, помраченный тьмою невѣжества, возмѣчталъ, что умилостивленіемъ мнимыхъ своихъ боговъ заглушитъ голосъ совѣсти, карающій и сильнаго вѣнценосца! Передъ *дворомъ теремнымъ*, гдѣ совершилось братоубійство, повелѣлъ онъ воздвигнуть деревяннаго *Перуна* съ серебреною главою и золотымъ усомъ. Къ сему верховному божеству Руссовъ и Славянъ, Владимиръ присовокупилъ и другіе кумиры. Въ жертву бездушныхъ и безгласныхъ боговъ приносили сыновъ и дщерей; дымящеюся кровію *на холмѣ жертвенномъ*, обезславилась земля Руская. Къ отрадѣ сердецъ нашихъ вскорѣ увидимъ, что на томъ самомъ холмѣ возсіяетъ свѣтъ Вѣры и благодати.

Между тѣмъ Владиміръ отправилъ въ Новгородъ *Добрыню*, роднаго своего дядю по матери. Сей новый Посадникъ, подражая Владиміру, началъ утверждать въ Новгородѣ владычество мнимыхъ боговъ и поставилъ кумира на берегахъ рѣки Волхова. Одно ослѣпленіе влечетъ къ другому. Владиміръ, порабощенный кумирамъ, порабощенъ былъ и страстямъ, которыя стезею мнимыхъ утѣхъ влекутъ въ бездну скорби и раскаянія. Пылая страстію къ *Рогнедѣ*, онъ назначилъ ей жительство на *Лыбедѣ*, гдѣ послѣ основано сельцо *Предславино*. Отъ Рогнеды имѣлъ онъ четырехъ сыновъ: *Изяслава*, *Мстислава*, *Ярослава*, *Всеволода* и двухъ дочерей. Предаваясь необузданному языческому сладострастію, Владиміръ содержалъ и другихъ женъ. Отъ *Гречанки* родился *Святополкъ*, котораго не любилъ и Владиміръ, присвоившій мать его отъ брата своего Ярополка. „Отъ злаго корня," говоритъ Несторъ: „произрастаетъ зло." Святополкъ подтвердилъ истину сію дѣлами своими. Отъ *Чехини* родился *Вышеславъ*; отъ жены Болгарской *Борисъ* и *Глѣбъ*. Язычники, ослѣпленные развратомъ страстей, не зная той спасительной Вѣры, которая во имя Небеснаго Творца утверждаетъ союзъ

мужа съ женою; язычники не только предавались многоженству, но и явно имѣли наложницъ.

Изъ теремовъ беззаконныхъ женъ и наложницъ, Владимиръ переходилъ на поле битвъ. Мирнымъ благоуправленіемъ народа занимаются тѣ только вѣнценосцы, которые знаютъ, что Богъ любви, правды и милосердія, что Отецъ людей потребуетъ у нихъ отчета въ жребіи каждаго подданнаго, порученнаго отеческому ихъ смотрѣнію.

981 Года Владимиръ воевалъ въ предѣлахъ Польскихъ, гдѣ овладѣлъ *Перемышломъ*, *Червенемъ* и другими городами. Въ томъ же году побѣдилъ онъ *Вятичей* и наложилъ на нихъ ту же дань, которую они платили отцу его Святославу. 982 Года Вятичи снова взбунтовались и приглашали *Печенеговъ* ополчиться съ ними противъ Кіевскаго Князя. Владимиръ вторично пошелъ на Вятичей, усмирилъ ихъ и, въ наказаніе за непокорство, удвоилъ дань. Изъ земли Вятичей снова двинулся въ предѣлы Польскіе. Побѣдоносный Владиміръ въ сей походъ основалъ *Суздаль*. Горестно повѣствовать о разореніи областей, о разрушеніи городовъ; но сладостно воспоминать

о томъ, что созидаетъ и устроиваетъ общежитіе человѣческое. 983 Года, побѣдя Дунайскихъ *Ятвягъ* и покоря ихъ области, Владиміръ возвратился въ Кіевъ и съ сильнѣйшимъ ожесточеніемъ предался язычеству.

Въ сіе плачевное время былъ въ Кіевѣ *Варягъ*, жившій тамъ, гдѣ послѣ сооружена церковь Святыя Богородицы. Поселившейся въ Кіевѣ Варягъ, пришелъ съ сыномъ своимъ *Іоанномъ* изъ областей Греческихъ; отецъ и сынъ Вѣру Христіянскую оправдывали жизнію добродѣтельною. *Іоаннъ*, сынъ Варяга, украшался прелестями лица и души. Языческіе Кіевскіе Старшины и Бояре присовѣтовали бросить жребій, кого принести въ жертву кумировъ; по злоумышленію ихъ роковый жребій палъ на Іоанна. Рабы разврата радуются погибели добродѣтели. Кіевскіе Старшины немедленно послали возвѣстить Варягу, что боги требуютъ его сына. Укрѣпленный силою Вѣры, неустрашимый Варягъ отвѣчалъ: „Вы не богамъ служите, а древу бездушному; сегодни кумиры ваши возносятся, завтра низвергнутся и вскорѣ истлѣютъ. Они глухи и нѣмы; великъ Богъ Христіянъ! Онъ создалъ небо и землю; Онъ сотворилъ

человѣка и все украшеніе небесъ. А ваши боги что сдѣлали? Они сами дѣло рукъ человѣческихъ. Не отдамъ сына моего въ жертву кумировъ бездушныхъ.“ „Ты оскорбляешь честь боговъ нашихъ,“ возопили послы Кіевскихъ Старшинъ. Буйный народъ волнуется, мятется, устремляется съ оружіемъ къ дому добродѣтельныхъ Христіянъ и разрушаетъ ограду. „Выдай сына своего,“ вопіютъ бѣснующіеся язычники: „выдай его въ жертву нашихъ боговъ!“ Видя неминуемую погибель, великодушный отецъ выходитъ въ сѣни, и держа сына за руку, восклицаетъ: „Естьли кумиры ваши, подлинно боги; то пусть они придутъ и сами изъ объятій моихъ исторгнутъ моего сына!“ Отъ сихъ словъ усугубляется ярость язычниковъ; въ неистовствѣ своемъ подсѣкаютъ они храмину Варяга; отецъ и сынъ падаютъ подъ развалинами жилища своего. Не извѣстно, куда дѣвались тѣла невинныхъ страдальцевъ; но души ихъ вознеслись туда, гдѣ назначена награда Вѣрѣ, терпѣнію и добродѣтели.

Изъ жилища беззаконныхъ утѣхъ, отъ подножія мнимыхъ боговъ, Владиміръ снова устремился на поле битвъ. 984 Года, побѣдя Польскихъ *Радимичей*, перенесъ онъ

оружіе въ области Болгарскія. Походъ 985 года тѣмъ достопамятенъ, что Владимиръ вооружился не для завоеванія, не для корысти, но для наказанія Болгаръ за неправды, оказанныя его отцу и брату, и за обиды, причиненныя его подданнымъ. Такъ говоритъ Татищевъ; въ Несторѣ причина сего похода не означена. Владимиръ съ дружиною поплылъ въ лодкахъ Днѣпромъ; а Руская конница и конныя вспомогательныя войска пустились берегомъ. Побѣдя Болгаръ и заключа съ ними миръ, Владимиръ возвратился въ Кіевъ. Любя воинскую славу, а не сокровища, онъ роздалъ воинамъ своимъ всю добычу, пріобрѣтенную въ странѣ Болгарской. Владимиръ не былъ зараженъ корыстолюбіемъ.

Распространившаяся молва о славѣ и могуществѣ Кіевскаго Князя, привлекла въ престольный градъ пословъ различныхъ исповѣданій. Всѣ они домогались обратить его въ вѣру свою; Владимиръ отвергъ *Іудеевъ* и *Папскихъ приверженцовъ*. Между тѣмъ слухъ о семъ дошелъ въ Царьградъ. Греки немедленно отправили къ Владимиру *Кира*, называемаго *Философомъ*, или любителемъ премудрости. Въ прежнія времена, когда разврат-

ныя умствованія не расторгли связи людей съ небесами, любовь къ премудрости была также и любовью къ добродѣтели. „Князь!" сказалъ премудрый *Киръ* Владимиру: „Мы слышали, что Магометане и Болгары, оскверняющіе вѣрою своей небо и землю, усиливались привлечь тебя къ разврату своему; ученіе ихъ — погибель. Мы слышали, что и Жиды хотѣли уловить тебя въ сѣти свои; они отвергли, возвѣщеннаго Пророками, Сына Божія, они поругали, они распяли Его. Но Сынъ Божій, побѣдя смерть, вознесся въ небеса. Долготерпѣливый Богъ ждалъ отъ нихъ покаянія сорокъ шесть лѣтъ; жестокосердые не очувствовались, не разкаялись: правосудный Богъ наказалъ ихъ оружіемъ Римлянъ. Разрушился градъ Іудеевъ; они разсѣялись по лицу земли." — На вопросъ Владимира: Для чего Богъ сошелъ на землю и претерпѣлъ страданіе? *Киръ* разительно изобразилъ дѣла Божія, возвѣстилъ о истинной Вѣрѣ, о наградѣ, ожидающей добрыхъ въ будущей жизни; о мученіи, назначенномъ чадамъ гибели и разврата. И въ то же самое время, развернувъ холстъ, на которомъ кисть живописца представила послѣдній судъ, *Киръ* воскликнулъ: „Князь! на правой сто-

ронѣ видишь ты ликующихъ праведныхъ, грядущихъ въ Рай; на лѣвой грѣшныхъ, отходящихъ въ адъ." Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владимиръ вздохнулъ отъ глубины души своей и сказалъ: „Щастливы тѣ, которые на правой сторонѣ; горе грѣшникамъ, стоящимъ на лѣвой сторонѣ." „Желаешь ли," отвѣчалъ *Киръ*: „быть съ праведными? Прими крещеніе."

Уже голосъ истины проникъ въ сердце Рускаго Князя; но опасаясь безъ сношенія съ Кіевскими Старшинами отвѣчать рѣшительно, Владимиръ сказалъ: „Помедлю еще не много: хочу испытать всѣ вѣры."

Владимиръ приглашаетъ Бояръ и градскихъ Старшинъ; объявляетъ имъ, что иноземные послы различныхъ исповѣданій преклоняли его къ вѣрѣ своей. „Наконецъ," продолжалъ Владимиръ: „пришелъ посолъ изъ областей Греческихъ. Разительно повѣствовалъ онъ о сотвореніи міра, о будущей жизни, о воскресеніи мертвыхъ; сильно опровергалъ другія исповѣданія и превозносилъ свою Вѣру." — „Князь!" отвѣчали Бояре и Старшины Кіевскіе: „Всякой свое хвалитъ. Къ испытанію истины отправь пословъ; увидя различныя служенія,

они возвѣстятъ тебѣ, которое превосходнѣе." Рѣчь сія понравилась Владимиру и людямъ Рускимъ. Десять благоразумныхъ мужей отправлены были въ страны иноземныя. Обозрѣвъ различныя области, прибыли они въ Царьградъ, гдѣ тогда совокупно царствовали *Василій* и *Константинъ*. Узнавъ о причинѣ путешествія Рускихъ пословъ, Цари приняли ихъ благосклонно, угостили великолѣпно и увѣдомили Патріарха, что бы все во храмѣ Божіемъ устроено было съ приличнымъ благолѣпіемъ. Патріархъ помѣстилъ Рускихъ пословъ на открытомъ мѣстѣ, откуда могли они обозрѣвать великолѣпіе храма и слышать согласіе священнаго пѣснопѣнія. Возвратясь въ Кіевъ, послы сказали Князю и Боярамъ: „При совершеніи Греческой службы намъ казалось, что мы перенеслись на небо. Нѣтъ на лицѣ земномъ такой красоты и такого восхитительнаго зрѣлища! Не умѣемъ всего изъяснить; но чувствуемъ, что въ храмѣ Греческомъ самъ Богъ присутствуетъ." На сію рѣчь Бояре и Старшины Кіевскіе сказали Владимиру: „Естьли бъ не хорошъ былъ законъ Греческой; то не приняла бъ его бабка твоя Ольга, предмурѣйшая изъ всѣхъ людей."

Вознамѣрясь принять православную Вѣру, но въ то же самое время увлекаясь славолюбіемъ, Владимиръ рѣшился удивить Грековъ отважнымъ и блистательнымъ подвигомъ. Можно также догадываться, что, услышавъ отъ пословъ, прибывшихъ изъ Царьграда, о красотѣ Царевны *Анны*, сестры Греческихъ Владѣльцевъ, Владимиръ пожелалъ имѣть ее супругой. 988 Года Руской Князь выступилъ изъ Кіева съ войскомъ къ *Херсону*, называемому въ старину *Корсунемъ*, находившемуся между нынѣшнимъ *Севастополемъ* и *Балаклавою*, близь моря. Владимиръ расположилъ станъ свой на полетѣ стрѣлы отъ города. Корсунскіе жители, укрѣпясь въ стѣнахъ, производили частыя и смѣлыя вылазки. Отважность не могла ихъ спасти. Многіе изъ мужественныхъ Корсунцевъ выходили изъ города безъ возврату; оружіе Рускихъ сильно гремѣло и поражало. Вскорѣ въ стѣнахъ *Корсуня* началъ свирѣпствовать голодъ. *Корсунцы* все еще защищались. Негодуя на упорство ихъ, Владимиръ послалъ имъ сказать: „Естьли сдадитесь, пощажу городъ: а естьли нѣтъ; то простою здѣсь три года, и тогда — вы всѣ погибнете." Корсунскіе жители, ожидая помощи отъ Грековъ,

отвергли Владимирово предложеніе и рѣшились сопротивляться до изнеможенія силъ. Руской Князь приказалъ дѣлать насыпь, что бы съ высоты оной удачнѣе дѣйствовать; *Корсунцы* подкопали стѣну, уносили землю изъ насыпи и разкидывали по улицамъ. Видя, что насыпь не прибавляется, удивленный Владимиръ пришелъ въ недоумѣніе; но вдругъ съ пущенной стрѣлою изъ города получилъ письмо, въ которомъ ему совѣтовали перекопать колодези, находившіеся на восточной сторонѣ за станомъ Рускимъ, и лишеніемъ воды истомить жителей жаждою. Получа сію неожиданную помощь, Владимиръ, воззрѣвъ на небо, сказалъ: „Естьли сіе сбудется, я крещуся здѣсь.“ Немедленно исполнилъ Владимиръ означенное въ письмѣ. Терпя голодъ и жажду, Корсунцы договорились съ Владимиромъ и отворили ворота. Торжествующій Князь отправилъ къ Греческимъ Владѣльцамъ пословъ съ симъ препорученіемъ: „Для полученія мира, выдайте за меня сестру свою; естьли же не согласитесь, я устремлюсь къ Царьграду и учиню съ нимъ то же, что и съ Корсунемъ. Сочетавшись бракомъ съ вашею сестрою, приму крещеніе.“ Радость и печаль объяли сердца

Царей Греческихъ; они радовались, что Владиміръ намѣревъ принять святое крещеніе; но скорбѣли о сестрѣ своей.

Пораженная вѣстію о разлукѣ съ отечествомъ, *Анна* вопіяла въ слезахъ: „Не пойду въ страну язычниковъ, лучше умру здѣсь.“ — „Помысли,“ говорили ей братья: „помысли, какой великой совершишь ты подвигъ! Надѣйся на Бога; Онъ обратитъ тобою землю Рускую въ Христіянство; Онъ избавитъ тобою отечество наше. Спѣши, спасай родную свою страну; будь въ предѣлахъ Рускихъ вѣстницею Вѣры и благодати; покажи язычникамъ путь къ Богу и небесамъ!“ Въ изнеможеніи душевномъ *Анна* вступила на корабль; родные прощались съ плачемъ и рыданіемъ. Она отплыла къ берегамъ Корсунскимъ, гдѣ жители, встрѣтя ее съ радостными кликами, проводили въ городскія палаты. Владиміръ въ сіе самое время, говоритъ Несторъ, по опредѣленію Небесному, занемогъ глазами; зрѣніе его померкло; душа его повергласъ въ уныніе. На землѣ и въ небесахъ, повсюду представлялась ему тма глубокая. Душа, незнающая Бога, пресмыкается въ прахѣ и во мглѣ. — Греческая Царевна *Анна* послала

сказать Владимиру: „Князь! естьли желаешь изцѣлиться, естьли желаешь прозрѣть очами и душею; — крестися.“ Владимиръ отвѣчалъ: „Естьли сіе сбудется; то кто не убѣдится въ величіи и могуществѣ Бога, исповѣдуемаго Христіянами?“ Владимиръ, принявъ крещеніе, прозрѣлъ внезапно и воскликнулъ: „Нынѣ въ первый разъ вижу истиннаго Бога!“ Многіе изъ дружины его, пораженные симъ чудомъ, обратились въ Вѣру Христіянскую.

Владимиръ Христіянинъ.

988 Годъ достопамятенъ въ Рускихъ лѣтописяхъ принятіемъ Христіянской Вѣры, которая, возсіявъ на престолѣ, соединила сердце Руского Вѣнценосца съ сердцами подданныхъ союзомъ любви и милосердія.

Владимиръ крестился въ храмѣ Пресвятыя Богородицы. При жизни Нестора Лѣтописателя, церковь сія, сооруженная въ срединѣ городѣ Корсуня, еще существовала. Въ томъ же храмѣ вѣнчался Владимиръ съ Греческою Царевною; у брачныхъ олтарей поклялся онъ любить Анну во имя Вѣры и Бога.

Въ заглавіи Духовнаго своего Устава, изданнаго 996 года, Владимиръ объясняетъ, въ какихъ обстоятельствахъ и въ какомъ мѣстѣ онъ крестился. „Свидѣтельствую," говоритъ онъ: „Что я крестился въ *Корсунѣ* и освободился отъ болѣзни, поразившей мои очи." Исполняя обѣщаніе, учиненное при осадѣ города *Корсуня*, Кіевскій Князь соорудилъ церковь на горѣ, куда Корсунскіе жители уносили землю, похищаемую изъ насыпи.

Отдавъ Грекамъ *Корсунь*, Владимиръ возвратился въ Кіевъ. Низверглись кумиры мнимыхъ боговъ; и люди Кіевскіе, спѣша креститься, говорили: „Князь и Бояре крестились; и мы имъ послѣдуемъ: они научаютъ насъ добру." Видя Кіевлянъ, выходящихъ изъ струй рѣчки *Почайны* и радостно возвращающихся въ домы, Владимиръ, устремя очи на небо, воскликнулъ: „Боже великій, создавшій небо и землю! Воззри на *новыхъ людей*; озари ихъ свѣтомъ, сіяющимъ въ областяхъ Христіянскихъ; утверди ихъ на стезяхъ Вѣры; будь моимъ руководителемъ; вспомоществуй мнѣ побѣждать гибельныя и развратныя страсти!"

Началось созиданіе церквей. На вершинѣ того холма, откуда низвергся Перунъ,

вознесся храмъ *Святаго Василія*, именемъ котораго Князь Владиміръ нареченъ при крещеніи. Желая посѣять и утвердить въ сердцахъ сѣмяна благочестія, Владиміръ основалъ училища. *Михаилъ*, первый Кіевскій Митрополитъ, издалъ наставленіе учителямъ. „Учите дѣтей,“ говорилъ онъ: „правильно и благочинно. Учите не только словамъ, но благонравію, правдѣ, любви, страху Божію, чистотѣ и кротости. Обходитесь съ воспитанниками ласково, да не унываютъ и не ослабѣваютъ. Выслушивайте учениковъ часто и наставляйте ихъ съ терпѣніемъ. Уроки свои соразмѣряйте силѣ и способностямъ питомцевъ. Разумъ и душу утверждайте Вѣрою и закономъ Божіимъ.“

Желая предупредить раздоры и междоусобія, Владиміръ раздѣлилъ сынамъ своимъ удѣлы 988 года, то есть, въ тотъ самый годъ, когда Князь и Кіевляне отъ язычества обратились къ Вѣрѣ Христіянской. *Вышеславу* назначилъ онъ Новгородъ, *Святополку* Туровъ, *Ярославу* Ростовъ, *Глѣбу* Муромъ, *Святославу* землю Древлянскую, *Всеволоду* Володиміръ на Волынѣ, *Мстиславу* Тмутаракань. У Владимира были еще четыре сы-

ра: *Борисъ*, *Станиславъ*, *Позвиздъ* и *Судиславъ*. Несторъ не упоминаетъ, какія назначены имъ удѣлы. По разпредѣленіи удѣловъ, къ укрѣпленію Кіевскихъ областей, Владиміръ началъ строить города по *Деснѣ*, *Остру*, по берегамъ *Трубежа*, по *Сулѣ* и по *Стугнѣ*.

989 Года заложилъ Владиміръ церковь Божіей Матери, названную *Десятинной* отъ оклада, назначеннаго для взносу въ сей храмъ и на содержаніе церковнаго причета. Нѣкоторая часть изъ сего збора употреблялась на человѣколюбивыя заведенія при церквахъ и монастыряхъ. Изъ Духовнаго Устава Князя Владиміра видно, что надзираніе надъ *больницами* и *банями*, которыя также служили къ пользѣ немощныхъ, ввѣрено было духовнымъ. Въ сіи благотворительныя заведенія призывалось страждущее человѣчество.

990 Года Владиміръ основалъ *Бѣлгородъ* и, по благоволенію своему къ сему мѣсту, населилъ его лучшими иногородными жителями.

Спустя два года, заложенъ Черниговскій *Переяславль* на бродѣ рѣки *Трубежа*. Къ основанію сего города послужило слѣдующее происшествіе:

Печенеги, узнавъ, что Князь Владиміръ возвращается съ богатою добычею, отнятою побѣдоносною рукою у *Болгаръ* и *Хорватовъ*, рѣшились внезапно на него напасть. Предупреждая сей умыселъ, Владиміръ встрѣтилъ *Печенеговъ* у брода рѣки *Трубежа*: остановился на берегу; а враги расположились станомъ по ту сторону рѣки: ни тѣ ни другіе не отважились начать боя. Въ сихъ обстоятельствахъ Печенежскій Князь, подъѣхавъ къ рѣкѣ, возопилъ къ Рускому Князю: *Выпустимъ съ каждой стороны по борцу: естьли твой побѣдитъ; то сохранимъ трехлѣтній миръ: естьли мой одолѣетъ; то будемъ три года воевать.*

Радуясь, что можетъ пощадить кровь своихъ воиновъ, Владиміръ приказалъ окликать: *Естьли охотникъ, желающій сразиться съ Печенегомъ?* Уже наступилъ часъ поединка; уже Печенеги выслали богатыря своего; а изъ воиновъ Рускихъ никто не являлся. Въ сіе время престарѣлый *ременьщикъ* или *кожевникъ*, пришелъ къ опечаленному Князю и сказалъ: *Четыре старшіе сына мои находятся со мною въ войскѣ твоемъ; младшій остался дома. Отъ са-*

маго ребячества никто его не осиливалъ; а онъ, досадуя однажды на угрозы мои, разорвалъ по поламъ сырую воловью кожу.

Князь немедленно послалъ за сыномъ кожевника и самъ разспрашивалъ о силѣ его. *Не знаю*, отвѣчалъ юноша, *не знаю силы своей; испытай ее.* Приводятъ быка; нарочно раздражаютъ его раскаленнымъ желѣзомъ; и спускаютъ съ привязи. Яростное животное бѣжитъ мимо юноши; онъ хватаетъ его за бокъ и вмѣстѣ съ кожею отторгаетъ мясо, попавшееся ему подъ руку. При семъ подвигѣ Владимиръ воскликнулъ: *Можешь бороться съ Печенегомъ.* На громогласный вызовъ Печенежскаго исполина выступилъ Руской борецъ, сильный мышцами, но невидный ростомъ. Смѣясь надъ малорослымъ силачемъ, Печенегъ мечталъ, что онъ не снесетъ и взмаха руки его. Сопротивные полки располагаются на показанномъ разстояніи; поединщики въ виду обѣихъ воинствъ сходятся и схватываются. Печенегъ, стиснутый мышцами юноши, чувствуетъ, что не должно судить по наружности; уже онъ едва переводитъ духъ; напрягаетъ всѣ силы, но тщетно. Одолѣвъ сопротивника, Руской борецъ

приподнимаетъ его, показываетъ Печенегамъ и повергаетъ на землю бездыханнаго. Изчезъ исполинъ, изчезло и высокомѣріе враговъ; не о побѣдѣ, они помышляютъ уже о бѣгствѣ. Бѣгутъ; Руские полки гонятъ ихъ, настигаютъ и трупами ихъ устилаютъ путь, которымъ они стремились къ грабежу и добычѣ. За *перенятую* славу у враговъ, побѣдоносный юноша нарекся *Переяславлемъ*; а отъ имени его названъ *Переяславлемъ*, вновь основанный городъ (*). Великодушный Князь, осыпавъ юношу и отца его дарами и почестями, возвратился въ Кіевъ съ побѣдой и торжествомъ.

Послѣ различныхъ побѣдъ, одержанныхъ до 996 года, Владиміръ освятилъ храмъ, сооруженный во имя Божіей Матери. Сей день ознаменовался радостнымъ празднествомъ. Вельможи ликовали въ палатахъ Княжескихъ; а бѣднымъ изъ казны его раздавались щедрыя вспомоществованія.

Въ продолженіи 996 года безпокойные *Печенеги* осадили *Василевъ* или *Васильковъ*,

(*) Это по новымъ историкамъ; а въ Несторѣ просто сказано, что городъ Переяславль названъ такъ: *зане отрокъ бе Переславъ*.

отстоящій отъ Кіева на тридцать пять верстъ. Не успѣвъ узнать подлиннаго числа враговъ, Владиміръ поспѣшилъ съ малою дружиною. На ровномъ мѣстоположеніи *Василева* не льзя было ни укрѣпиться природными оборонами, ни предпринять воинскихъ хитростей; надлежало дѣйствовать открытымъ боемъ. Владиміръ сразился, былъ отбитъ и, спасаясь отъ многочисленныхъ враговъ, укрылся подъ мостъ *Стугенскаго* ручья.

Владиміръ *язычникъ* приписывалъ все себѣ; Владиміръ *Христіянинъ* относилъ все къ Богу. Въ благодарность за охраненіе его отъ враговъ и въ память *преображенія*, то есть, дня избавленія своего, соорудилъ онъ храмъ *Преображенія*.

Съ сего времени, оживотворяясь часъ отъ часу болѣе правилами Вѣры, вдыхающей любовь и милосердіе, за спасеніе жизни своей, Владиміръ далъ обѣтъ Богу еще болѣе спасать, миловать и сохранять подданныхъ. Онъ повѣстилъ, что всѣ неимущіе, всѣ страдальцы могутъ свободно приходить на *дворъ Княжескій;* для нихъ отверзъ онъ и сердце и сокровища свои. Для тѣхъ же страдальцевъ, которые по старости лѣтъ и по

болѣзнямъ не могли посѣщать дворъ *нище-любиваго* Князя, развозили по городу всякое продовольствіе; по всѣмъ улицамъ Кіевскимъ раздавался сей голосъ благости и любви: *Гдѣ больніи*, и *нищіи*, и *немогущіи ходить?*

Сердце, сближающееся съ Богомъ, сближается и съ подданными. Владимиръ *язычникъ*, окованный цѣпями сладострастія, затворялся въ чертогахъ своихъ; Владимиръ *Христіянинъ*, какъ другъ, приглашалъ въ палаты Бояръ и прочихъ чиновниковъ, и угощалъ ихъ, какъ добрый отецъ семейства. Съ принятіемъ Вѣры Христіянской въ землѣ Руской началось *Руское гостепріимство.*

На одномъ пиру у гостепріимнаго Князя Бояре, подвеселясь, сказали: „Не прилично намъ ѣсть деревянными ложками; дай намъ серебряныя.“ Ласковый Князь приказалъ тотчасъ заготовить серебряныя ложки и примолвилъ: „Серебромъ и золотомъ не наживу дружины; а дружиною достану серебро и золото.“

Къ привѣтливому и гостепріимному Князю стекались со всѣхъ сторонъ богатыри, воспѣваемые въ старинныхъ пѣсняхъ. Съ сего времени прославились *потѣхи*, или *игры*,

богатырскія; съ сего времени Рускіе люди, услаждаясь непрестанно ласковыми взорами Кіевскаго Князя, по вдохновенію сердечному, назвали его *Солнцемъ земли Руской.* Солнце оживляетъ Природу; ласковость и любовь Вѣнценосца оживляютъ сердца и души.

Подъ сѣнію истинной Вѣры цвѣтутъ миръ и тишина: Владиміръ заключилъ мирный союзъ съ Болеславомъ *Польскимъ*, со Стефаномъ *Венгерскимъ*, съ Андроникомъ *Богемскимъ.* Но дѣла человѣческія не причастны совершенству. Подъ кроткою державою богобоязненнаго Князя размножились разбои въ землѣ Руской. Духовные, ревностно наблюдая Вѣру и порядокъ общественный, сказали Владиміру: „Князь! почто не укрощаешь буйство, почто щадишь преступниковъ?" Владиміръ отвѣчалъ: *Боюсь прогнѣвать Бога!* Духовные возразили: „Ты поставленъ отъ Бога къ наказанію злодѣевъ и охраненію добрыхъ. Изслѣдовавъ дѣла и преступленія, изобличивъ злодѣевъ, наказывай ихъ: Вѣра требуетъ суда и правды. Торжествующее злодѣйство утѣсняетъ невинность. Ты, Князь земли Руской, ты долженъ отвѣчать Богу за безопасность твоихъ подданныхъ. Къ

устроенію внутренняго порядка дай силу и дѣйствіе законамъ; къ огражденію страны своей отъ покушеній враговъ устрой войско, по примѣру отцевъ своихъ; для блага общаго будь на стражѣ неусыпной. Сильные не утѣснятъ слабыхъ; буйство усмирится; добродѣтель восторжествуетъ." Слова духовныхъ подтвердили, что Вѣра неразлучна съ *благоразуміемъ*. Владиміръ началъ укрощать буйство и, къ охраненію земли Руской, устроилъ войско, по примѣру отцевъ своихъ.

Около 1006 года, къ распространенію внутренней промышленности, Владиміръ позволилъ *Болгарамъ* свободно и безъ опасенія торговать въ городахъ по *Волгѣ* и по *Окѣ*. По обычаю того времени, имъ даны были *печати* въ означеніе Княжескаго позволенія. Рускимъ купцамъ также предоставлено было право отправляться въ Болгарскія области; и въ удостовѣреніе о ихъ званіи, и они также снабжены были печатями. *Болгары* обязаны были продавать товары свои Рускимъ купцамъ, а отъ нихъ получать избытки и товары Руские; по селамъ и деревнямъ ѣзда и покупка были имъ возпрещены.

1007 Года принесены образа въ церковь Божіей Матери. Многія преданія свидѣтельствують, что *искуство живописное* существовало тогда въ Россіи. 1011 Года скончалась Анна, супруга Князя Владиміра.

По смерти *Вышеслава*, которому при общемъ раздѣленіи удѣловъ назначенъ былъ Новгородъ, перешелъ туда изъ Ростова братъ его, Ярославъ. До прибытія сего Князя, Новогородцы платили ежегодную дань Кіевскому Князю; Ярославъ не хотѣлъ исполнить сей обязанности. Раздраженный сыновнею ослушностію, Владиміръ повелѣлъ чинить дороги и готовился въ походъ къ усмиренію Ярослава. Въ то же самое время отправилъ онъ противъ Печенеговъ Бориса, котораго любилъ за кроткій нравъ и за сыновнюю приверженность. Все сіе происходило въ теченіи 1015 года. Смерть, постигшая Владиміра, отвратила вражду отца съ сыномъ. По *тридцати пяти* лѣтнемъ правленіи, Владиміръ скончался въ Кіевскомъ предмѣстіи *Берестовѣ*, гдѣ былъ Княжескій дворецъ и гдѣ въ послѣдствіи сооружена Кіевопечерская крѣпость. Жестокосердый Святополкъ, умышляя похитить Кіевскій престолъ, скрылъ

смерть отца своего и потаенно препроводилъ тѣло въ церковь Божiей Матери. Вскорѣ обнаружилось злоумышленiе Святополково. Съ кончиною Владимира прекратилось попеченiе о страждущемъ человѣчествѣ. Бѣдные, лишенные благотворительныхъ вспомоществованiй, вопiяли: *Нѣтъ нашего отца!* Бояре и дружина восклицали: *Нѣтъ заступника земли Руской!* Народъ отовсюду стекался ко гробу Князя своего и приносилъ слезами дань любви и сожалѣнiя сердечнаго.

Щастливъ тотъ, кого слезы благодарнаго человѣчества провождаютъ во гробъ и въ селенiя вѣчности!

Конецъ первой Части.

РУСКАЯ
ИСТОРІЯ,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ и СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ СТАТЬИ.

898 Г. При раздѣленіи Владиміромъ Рускихъ областей, *Святополку* достался въ удѣлъ городъ *Туровъ*, завоеванный Владиміромъ въ древней Польшѣ. Другой городъ сего же имени находился въ *Полоцкой* странѣ. Я уже замѣтилъ, что *Туровъ* Полоцкій не основательно производятъ отъ Князя *Тура*, полагаемаго современникомъ *Рурика*. Не извѣстно также, кѣмъ основанъ и *Туровъ* Польскій. — 1015 Г. *Святополкъ*, находившійся въ Кіевѣ при кончинѣ Князя Владиміра *Равноапостольнаго*, умыслилъ овладѣть Кіевомъ и истребить всѣхъ Князей Рускихъ. Кіевляне, любя добродѣтельнаго Князя *Бориса*, желали имѣть его владѣльцемъ своимъ. Сей Князь на берегахъ рѣки *Алты* получилъ плачевную вѣсть о смерти отцовской. Дружина Владимирова требовала, что бы Борисъ принялъ престолъ Кіевскій; Борисъ не согласился. Воины разошлись; Борисъ остался съ одними служителями своими. Между тѣмъ Святополкъ, не успѣвъ обольстить Кіевлянъ, прибѣгъ къ жителямъ *Вышгорода*. Сей городъ, построенный *Ольгою* близь Кіева, нѣкогда процвѣталъ многолюдствомъ и разоренъ въ *Батыгево* нашествіе; теперь одинъ только высокій и пространный валъ

показываетъ, что тутъ былъ нѣкогда обширный городъ, плѣнявшій очаровательными окрестностями. *Вышегородцы* предались Святополку; нѣсколько измѣнниковъ отправились на *Алту*, убили Князя Бориса, и вмѣстѣ съ нимъ поразя вѣрнаго его служителя *Георгія*, отрубили ему голову, для сорванія съ шеи большой золотой *гривны*. Въ Священномъ Писаніи и въ старинныхъ нашихъ Лѣтописцахъ *гривною* называлось серебреное или золотое *ожерелье*, даваемое за отличныя заслуги и прикрѣпленное къ шеѣ цѣпочками. Въ пѣсни о *полку* Князя Игоря Святославича, не извѣстный пѣснопѣвецъ, повѣствуя о смерти одного изъ Рускихъ Князей, говоритъ: „Онъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла чрезъ *золотое ожерелье*." *Гривною*, или *ожерельемъ* украшалась въ старину грудь заслуженныхъ чиновниковъ. Отъ того ли и фунтъ серебра назывался также *гривною*, что оный равноцѣненъ былъ нагрудной *гривнѣ*? Не могу сего рѣшить. — По совершеніи перваго злодѣйства, Святополкъ убилъ *Глѣба* и *Святослава*. Одинъ погибъ подъ Смоленскомъ, другой на пути въ *Венгрію*. Князь *Ярославъ*, управлявшій *Новгородомъ*, ополчился противъ братоубійцы Святополкъ съ многочисленнымъ войскомъ и съ наемными *Печенегами* поспѣшилъ къ *Любичу*. 1016 Г. Ярославъ побѣдилъ Святополка и овладѣлъ Кіевомъ. 1017 Г. Кіевъ выгорѣлъ; Ярославъ заложилъ новой городъ. 1018 Г. Польскій Король *Болеславъ*, тесть Святополковъ поразилъ Ярослава на рѣкѣ *Бугѣ*. Вѣрные Новогородцы, возбуждаемые посадникомъ *Снятинымъ*,

сыномъ *Добрыни*, и двоюроднымъ братомъ К. *Владимира*, вступились за Ярослава. Неблагодарный Святополкъ за помощь *Поляковъ* заплатилъ умерщвленіемъ ихъ. Тесть его, Болеславъ бѣжалъ въ Польшу; Святополкъ укрылся въ области *Печенежскія*. Награждая услуги Новогородцевъ, Ярославъ возобновилъ ихъ законы, извѣстные подъ названіемъ *Руской Правды*, представляющей древнѣйшій памятникъ гражданскихъ Рускихъ законовъ. Новогородцы, приверженные къ древней своей вольности, желали имѣть первобытные свои законы; Ярославъ возвратилъ имъ оные. Новогородцы, въ память сего произшествія, назвали Рускую Правду, *судомъ Ярославовымъ*. Въ послѣдствіи и другіе Рускіе Князья возобновляли для Новогородцевъ нѣкоторые изъ прежнихъ законовъ, примѣняя оные ко времени и обстоятельствамъ.

Добровольныя пожертвованія Новогородцевъ помогли *Ярославу* нанять *Варяжское* войско. 1019 Г. Святополкъ побѣжденъ на *Алтѣ*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по приказанію его, умерщвленъ Князь *Борисъ*. Терзаясь совѣстью, умеръ онъ во время бѣгства своего изъ Россіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ СТАТЬИ.

Ярославъ желалъ мира; но племянникъ его, *Брячеславъ* Князь *Полоцкій* нарушилъ оный 1020 г. — Князь Кіевскій 1022 г., неизвѣстно по чему, ходилъ къ *Бресту*. Въ отсутствіе его *Мстиславъ*, Князь *Тмутараканскій* побѣдилъ *Редедю*, Князя *Косожскаго* и овладѣлъ его страною: городъ *Тмутаракань*, былъ столицею

Тмутараканскаго княженія на островѣ *Таманѣ*; тамъ, гдѣ нѣкогда существовала *Фанагорія*.

Мстиславъ, усиля войско свое *Косогами* и *Козарами*, воспылалъ властолюбіемъ и хотѣлъ похитить Кіевскій престолъ; вѣрные Кіевляне не предались Мстиславу. Не успѣвъ въ семъ предпріятіи, онъ захватилъ *Черниговъ*. Ярославъ изъ подъ *Бреста* прибылъ въ Новгородъ; нанялъ *Варягъ*; ополчился противъ Мстислава; сразился съ нимъ у стариннаго Черниговскаго города *Листвена*; былъ побѣжденъ и убѣжалъ въ Новгородъ. Все сіе просходило въ теченіи 1024 г. Мстиславъ и Ярославъ, разрушившіе союзъ родства враждою, примирились 1026 г. — 1029 Г. Ярославъ побѣдилъ *Чудь* и, во имя *Георгія*, которымъ нарѣченъ при крещеніи, основалъ городъ *Юрьевъ*, гдѣ теперь *Дерптъ*. Ярославъ и Мстиславъ совокупными силами ополчились на *Мячеслава*, Болеславова сына, который, получа его престолъ, не имѣлъ душевныхъ его качествъ. 1031 Г. Ярославъ разсѣлилъ плѣнныхъ Поляковъ по рѣкѣ *Реи* или *Роси*, и строилъ по оной города. 1036 Г. умеръ Тмутараканскій Князь Мстиславъ, любимый войскомъ и подданными. Учинясь Самодержцемъ Россіи, Ярославъ опредѣлилъ въ Новгородѣ Намѣстникомъ сына своего, *Владимира*, родившагося 1020 г. Паству же Новогородскую поручилъ онъ добродѣтельному Епископу Лукѣ *Жидятѣ*. Во время пребыванія Князя Ярослава въ Новгородѣ, *Печенѣги* осадили Кіевъ; Ярославъ отразилъ ихъ. 1037 Г. достопамятенъ укрѣпленіемъ Кіева и преложеніемъ многихъ духовныхъ книгъ съ Гре-

ческаго языка на Славянскій. 1043 Г. Ярославъ отправилъ къ Царьграду сына своего Владимира съ Новогородскимъ войскомъ. 1044 Г. сооружена въ Новгородѣ церковь во имя *Святой Софіи*. 1051 Г. основалась въ Кіевѣ *Печерская* обитель. Около 1050 Г. пріѣзжалъ въ Кіевъ Французскій посолъ, съ которымъ отпущена во Францію въ супружество за *Генриха* Перваго *Анна*, дочь Ярослава. *Левекъ*, писавшій Рускую Исторію на *Французскомъ* языкѣ, думаетъ, что *Анна*, названа *Ангесою*, по принятіи Католическаго исповѣданія. Сего не утверждаетъ ни одинъ Историкъ. Впрочемъ Левекъ справедливо возражаетъ *Вольтеру*, что онъ не основательно назвалъ Ярослава *не извѣстнымъ* Княземъ *не знаемой* Россіи. Имя Ярослава гремѣло въ предѣлахъ Греціи и разносилось по странамъ Европейскимъ. 1052 Г. умеръ Владимиръ *Новогородскій*. 1054 Г. къ общему сѣтованію народа, смерть постигла Князя Ярослава. Онъ жилъ 76, а княжилъ 38 л. Слѣдуя примѣру отца своего Владимира, и онъ раздѣлилъ Россію на удѣлы.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ.

Князь *Изяславъ Ярославичь* въ первый годъ владѣнія своего былъ въ Новгородѣ и учредилъ *Посадника* своего. Въ отсутствіе его въ первый разъ появились въ Рускихъ областяхъ *Половцы*. Нѣкоторые производятъ ихъ отъ *Угровъ*, проходившихъ мимо Кіева 889 г. — *Татары* называли ихъ *Карапичками*; а *Венгры*, къ племени которыхъ сопричисляютъ *Половцевъ*, именовали ихъ *Хунерами*. Нѣкото

рые называютъ также Половцевъ *Команами* или *Куманами*. Вѣроятно, что сіе имя заимствовали они отъ рѣки *Кумы*, текущей въ нынѣшней Кавказской области, и гдѣ они издревле жили. По обѣимъ сторонамъ рѣки видны высокіе курганы, остатки каменнаго строенія и слѣды обширнаго города, извѣстнаго въ тѣхъ мѣстахъ подъ именемъ *Маджара*. Все сіе свидѣтельствуетъ, что тамъ нѣкогда обитали *Угры*, *Венгры*, или *Маджары*, къ племени которыхъ сопричисляютъ и *Половцевъ* или *Кумановъ*. Сіи новые враги Россіи, перегоняя стада свои изъ одного мѣста въ другое, скитались по *Дону*, *Донцу*, по *Днѣпру* и за *Днѣпромъ*. Удѣльные Князья не рѣдко приглашали *Половцевъ* ко вреду соотечественниковъ. Завистію и враждами усиливали они ближайшихъ своихъ непріятелей, которыхъ бы надлежало отражать общими силами. Князья откупались отъ набѣговъ Половцевъ дарами; нѣкоторые вступали въ бракъ съ дочерями ихъ вождей. *Кіевъ* и смежныя съ нимъ Рускія области то же претерпѣвали отъ *Половцевъ*, что нѣкогда *Новгородъ* терпѣлъ отъ *Варягъ*. — 1064 Г. возстало междоусобіе. *Ростиславъ Владимировичъ*, внукъ Ярославовъ, первый возмутилъ родственное согласіе. Властолюбіе возбудило въ немъ и алчбу къ корысти. Устрашась его насилія, *Греки* отправили *Котопана*, которой, обольстя юнаго Князя мнимою приверженностію, отравилъ его. *Ростиславъ* украшался многими добродѣтелями; но онѣ не успѣли утвердиться опытомъ. 1066 Г. Всеславъ *Полоцкій* овладѣлъ

Новгородомъ. Князь Изяславъ вмѣстѣ съ братьями своими вооружился къ укрощенію буйнаго *Всеслава*. Онъ захваченъ былъ обманомъ. Половцы разоряли Кіевскую страну; возмутившіеся Кіевляне освободили Всеслава; Изяславъ 1067 г. бѣжалъ въ Польшу, откуда возвратился 1073 г., и въ семъ году снова принужденъ былъ удалиться отъ происковъ брата своего *Святослава* Черниговскаго. Святославъ около трехъ лѣтъ обладалъ похищеннымъ престоломъ. Изяславъ въ *третій* разъ возвратился въ Отечество 1077 г. — и 1078 г. погибъ на сраженіи.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕРВЕРТОЙ СТАТЬИ.

Съ 1078 г. внутреннія неустройства часъ отъ часу усиливались. Сіи пагубныя распри происходили отъ неопытности Князей и отъ коварныхъ происковъ ихъ ласкателей. *Всеволодъ* Первый *Ярославичь* вступилъ на Кіевскій престолъ 1078 г. При немъ Россія страдала отъ набѣговъ *Половцевъ* и *Торокъ*, или *Берендеевъ*, а еще болѣе отъ внутреннихъ мятежей. 1092 Г. Рускія области поражены были засухою, голодомъ и моромъ. *Всеволодъ* умеръ 1093 г. Сей Князь украшался всѣми добродѣтелями и сдѣлалъ бы щастіе Россіи, естьли бъ можно было силамъ человѣческимъ доставить благоденствіе странѣ, возмущаемой многовластіемъ, завистью и враждами, проистекавшими отъ своевольныхъ страстей.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ СТАТЬИ.

Кіевляне приглашали на престолъ Владимира *Мономаха*; онъ отрекся, уважая старшинство

Святополка, сына *Изяславова.* Сіе старшинство состояло въ томъ, что *Изяславъ*, отецъ *Святополковъ*, былъ великимъ Кіевскимъ Княземъ прежде *Всеволода*, отца *Мономахова.* 1093. Г. Святополкъ принялъ престолъ Кіевскій. *Половцы* требовали мира; Святополкъ отвергъ оный. Половцы отмстили грознымъ нашествіемъ. 1094 Г. воспослѣдовали новыя междоусобія. Виновникомъ оныхъ былъ *Олегъ Тмутараканскій*, внукъ Ярославовъ, сынъ *Святослава.* Безпокойный нравъ отца его достался ему въ наслѣдство. Въ теченіи 1096 г. происходили внутренныя неустройства, и было двукратное нашествіе *Половцевъ.* 1097 Г. къ прекращенію междоусобій, непрестанно возбуждаемыхъ вѣроломнымъ *Олегомъ*, былъ общій *съѣздъ* удѣльныхъ Князей въ Черниговскомъ городѣ *Любечѣ.* Сей обрядъ происходилъ такимъ Образомъ: Обвиненнаго призывали въ шатеръ, гдѣ всѣ Князья сидѣли на коврѣ; при входѣ его, Князья привставали, привѣтствовали и сажали на такой же коверъ. Потомъ, оставя обвиненнаго въ шатрѣ, Князья выходили, садились на коней, каждый изъ нихъ отъѣзжалъ для разсужденія къ Боярамъ своимъ; наконецъ изъ подаваемыхъ голосовъ составлялся приговоръ. Сей *съѣздъ* ни къ чему не послужилъ. Князь *Давидъ Игоревичъ*, не достойный ни имени Князя, ни имени Рускаго, внушилъ *Святополку*, будто бы Владиміръ *Мономахъ* и родственникъ его, извѣстный отважностью своей, Князь *Василько Ростиславичъ*, правнукъ *Ярославовъ*, условились похитить его престолъ. Малодушіе склонно къ подозрѣнію. *Святополкъ*

повѣрилъ клеветѣ; завлекъ *Васильку* въ Кіевъ обманомъ; нещастный сынъ *Ростиславовъ* былъ ослѣпленъ и отвезенъ подъ стражу во Владимиръ на *Волынь.* Владимиръ *Мономахъ* ополчился къ отмщенію за невиннаго страдальца; посредничество *Анны*, вдовы Князя Всеволода и Митрополита *Николая*, отвратило кровопролитіе. *Василько* былъ освобожденъ изъ заключенія. Отъ 1097 до 1100 г. происходили междоусобія. 1103 Г. *Святополкъ* и *Владимиръ* общими силами возстали на *Половцевъ.* 1104 Г. выдана въ супружество за Греческаго Царевича *Леона* дочь Владимирова, *Марія.* Того же года *Предслава,* дочь Святополкова, сочеталась бракомъ съ сыномъ Короля *Венгерскаго.* Связи Рускихъ Князей продолжались съ иностранными Дворами; но сіи сношенія не успокоивали Россію, страдавшую отъ внутреннихъ безпорядковъ. 1106 Г. скончался въ Кіевѣ добродѣтельнный старецъ *Янъ*, жившій 90 лѣтъ. Благодарный *Несторъ* упоминаетъ о немъ потому, что въ лѣтопись свою внесъ *многія произшествія*, отъ него слышанныя. 1107 Г. одержана надъ *Половцами* вторая побѣда у *Лубенъ.* Причиной сей побѣды было *единодушіе* удѣльныхъ Князей. 1111 Г. совокупныя войска Рускихъ Князей одержали еще двѣ побѣды надъ безпокойными Половцами. 1113 Г. было солнечное затмѣніе; и въ семъ же году скончался *Святополкъ*, нареченный при крещеніи *Михаиломъ. Святополкъ* владѣлъ 20 лѣтъ. Подозрительный нравъ и слѣпая довѣренность къ наговорамъ наушниковъ, приносили неоднократно вредъ и ему и Руской землѣ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ СТАТЬИ.

По смерти Святополка, Владимиръ *Мономахъ* вступилъ на Кіевскій престолъ, предлагаемый ему еще за 20 л. до сего времени. Въ двадцатилѣтнее царствованіе Святополково, Владимиръ былъ неусыпнымъ стражемъ земли Руской. Недовѣрчивый и непостоянный Святополкъ былъ великимъ Княземъ именемъ, а Владимиръ *Мономахъ* по дѣламъ своимъ. 1114 Г. *Мстиславъ*, сынъ Мономаховъ, обвелъ Новгородъ новыми и обширнѣйшими стѣнами.

Въ то же время Новогородскій Посадникъ *Павелъ* заложилъ каменное строеніе въ *Ладогѣ*. По сему случаю *Левекъ* говоритъ, что Зодчество существовало въ Россіи, и что *Вольтеръ* не справедливо писалъ, будто бы въ Россіи и въ послѣдовавшія столѣтія были только деревянныя хижины, обросшія мохомъ. На другой годъ, по укрѣпленіи Новгорода, Мстиславъ воевалъ въ *Лифляндіи*, и за побѣды, сопровождаемыя благоразуміемъ, названъ *Великимъ*. О войнѣ Мстислава съ *Чудью* упомянуто въ *Никоновской* лѣтописи. 1115 Г. Владимиръ *Мономахъ* ходилъ въ Минскую область и взялъ городъ *Дрютескъ*, бывшій тогда лучшею *Литовскою* крѣпостью. Лѣтопись Преподобнаго *Нестора* оканчиваются 1116 г. Съ сего времени начинается лѣтопись *Селивестра*, Игумена обители Святаго *Михаила*. Уважая добродѣтели предковъ, Владимиръ заложилъ 1117 г. на берегахъ *Алты* церковь, во имя добродѣтельныхъ и благочестивыхъ Князей *Бориса* и *Глѣба*. Въ томъ же

году вызвалЪ онЪ изЪ Новгорода старшаго сына своего Мстислава, желая собственнымЪ примѣромЪ наставлять его вЪ управленіи народа. 1118 Г. ВладимирЪ принужденЪ былЪ ополчиться на *Ярослава* или *Ярославца*, Святополкова сына, выступившаго изЪ Владимира Волынскаго, назначеннаго ему вЪ удѣлЪ, кЪ похищенію Кіевскаго престола. ЯрославецЪ, примирясь притворно, отослалЪ вЪ КіевЪ супругу свою, внуку *Мономахову*. ВладимирЪ снова ополчился. ЯрославецЪ бѣжалЪ вЪ *Литву*; Князь Кіевскій отдалЪ ВладимирЪ *Волынскій* сыну своему Роману. 1119 Г. ВладимирЪ *МономахЪ* ополчался на ГрековЪ, отомщая за смерть зятя своего *Леона*, супруга дочери его *Маріи*. Повѣствуютъ, что онЪ при семЪ случаѣ получилЪ отЪ Греческаго Царя *Алексѣя Комнина* всѣ дары, относящіеся кЪ Царскому сану. Хотя о семЪ послѣднемЪ произшествіи упоминается вЪ новѣйшихЪ лѣтописцахЪ, а не вЪ стариннымЪ; но преданіе существовало еще до того времени, когда ІоаннЪ *Грозный* вѣнчался МономаховымЪ вѣнцемЪ. ВЪ *ВизантійскихЪ* или *ЦареградскихЪ* писателяхЪ нѣтЪ о семЪ никакого извѣстія. Историки рѣдко о томЪ повѣствуютЪ, что предосудительно ихЪ Отечеству. Нѣкоторые полагаютЪ, что около 1123 г. ВладимирЪ воевалЪ вЪ *КримскомЪ* полуостровѣ и взялЪ у *ГенуэзцевЪ* городЪ *Кафу*. ВЪ Руской своей Исторіи, изданной 1768 г., ФедорЪ *ЕминЪ* приводитЪ о семЪ свидѣтельства изЪ *Генуэзскаго* лѣтописца и другихЪ иностранныхЪ писателей. *СеливестрЪ*, продолжитель Несторовой лѣтописи, о семЪ не упоминаетЪ.

Станиславъ *Сенстренцевичь Богушъ*, сочинитель Исторіи Царства *Херсониса-Таврическаго*, не отрицаетъ и не утверждаетъ сего произшествія. Послѣдніе годы жизни своей Владиміръ *Мономахъ* посвятилъ наставленію сыновъ своихъ, что важнѣе временныхъ и скоропреходящихъ побѣдъ. Владиміръ жилъ около 70 л. и княжилъ въ Кіевѣ съ 1113 до 1125 года. *Селивестръ* говоритъ, что отъ имени его трепѣтали многія страны, и что слухъ о немъ гремѣлъ въ дальныхъ предѣлахъ. Драгоцѣнная духовная, или *поученье* Князя Владиміра *Мономаха*, издана 1793 г. покойнымъ Графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ *Пушкинымъ* и почерпнута изъ *Суздальской* лѣтописи, списанной съ другихъ *Лѣтописцевъ* или *времянниковъ* и продолженной *Лаврентіемъ* монахомъ, жившимъ въ XIV столѣтіи. Въ окончаніи своей лѣтописи *Лаврентій* говоритъ: „Радуется купецъ, получившій прибыль, и кормчій, приплывшій въ спокойную пристань; радуется странникъ, возвратившійся въ отечество; радуется и *книжный списатель*, достигнувшій конца своихъ трудовъ." Владиміръ *Мономахъ* скончался 1125; г. за годъ передъ тѣмъ ужасный пожаръ постигъ Кіевъ: кромѣ другихъ строеній обратилось въ пепелъ *шесть сотъ* церквей. Изъ сего можно заключать о пространствѣ древняго Кіева. Кіевляне, лишивтіеся отъ пламени пожарнаго жилищъ и имуществъ, не столько оплакивали собственныя свои напасти, сколько смерть добродѣтельнаго Князя, жившаго для блага Россіи.

СОДЕРЖАНІЕ СЕМИ СЛѢДУЮЩИХЪ СТАТЕЙ.

Мстиславъ, сынъ Владимира *Мономаха*, княжилъ въ Кіевѣ съ 1125 по 1132 г. *Шестилѣтнее* его правленіе ознаменовано мужествомъ и благоразуміемъ; но междоусобія не прекращались. *Мстиславъ* поражалъ *Половцевъ*; сыны его побѣждали *Чудь.* Въ новѣйшихъ Лѣтописцахъ сказано, что *Мстиславъ* прогналъ *Половцевъ* до *Волги.* Современники, уважая подвиги и добродѣтели Князя *Мстислава*, шедшаго по слѣдамъ отца своего, назвали его *Великимъ.*

Ярополкъ Владимировичь владѣлъ въ Кіевѣ съ 1132 по 1139 г. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей, основываясь на иностранныхъ сказаніяхъ, повѣствуютъ, будто бы *Ярополкъ* увезенъ былъ въ Польшу Польскимъ Вельможею *Влостовичемъ* къ Королю Болеславу *Кривоустому.* Селивестръ, первый продолжитель Несторовой лѣтописи, ничего о семъ не упоминаетъ. Иностранные писатели *Гененій, Кромеръ, Длуготъ, Стриковскій* и *Кадлубокъ*, выдумали, будто бы *Ярополкъ*, отчаясь усмирить удѣльныхъ Князей, рѣшился занять ихъ войною противъ *Польши*, и будто бы на общемъ съѣздѣ убѣдилъ ихъ въ выгодахъ сей войны. Князья, надѣясь отобрать нѣкоторые Польскіе города, и при томъ предполагая, что, въ случаѣ неудачи, нападутъ на обезсиленнаго Ярополка, на все согласились. Вѣсть о семъ чрезвычайно встревожила Польскаго Короля *Болеслава Кривоустаго.* Въ другое время, прибавляютъ выдумщики сего разсказа, *Болеславъ* предупредилъ бы вра-

ждебныя предпріятія Рускихъ Князей; но тогда войска его были въ изнеможеніи отъ войны съ *Даніей*, отъ похода въ *Венгрію* и *Магдебургъ*. Размышляя о стѣсненныхъ обстоятельствахъ своихъ, Болеславъ въ задумчивости гулялъ въ саду. Любимецъ его, Графъ *Влостовичь* осмѣлился спросить: *О чемъ печалится славный побѣдитель народовъ?* Болеславъ со вздохомъ отвѣчалъ: *Скоро, можетъ быть, потеряю плоды побѣдъ моихъ.* Влостовичь спросилъ: Что причиной тому? Болеславъ объявилъ о заговорѣ Рускихъ Князей, предводимыхъ мужественнымъ Ярополкомъ. *Влостовичь* сказалъ, что онъ отвратитъ опасность и увезетъ Ярополка. Немедленно полетѣлъ онъ въ Кіевъ, притворился, будтобы изгнанъ Болеславомъ и овладѣлъ Ярополковымъ сердцемъ. По внушенію его, Ярополкъ съ сильнымъ войскомъ выступилъ противъ *Болеслава*. Приближась къ Польскимъ границамъ, *Влостовичь* убѣдилъ Ярополка отъѣхать съ нимъ на одну версту отъ войска, говоря, что онъ намѣренъ подать ему совѣтъ о личной его *безопасности*. Ярополкъ, запретя Боярамъ своимъ сопровождать его, поскакалъ съ Влостовичемъ, у котораго готовъ уже былъ въ скрытномъ мѣстѣ отрядъ Польской; Ярополкъ былъ захваченъ и увезенъ къ Болеславу.

По свидѣтельству всѣхъ старинныхъ нашихъ Лѣтописцевъ, *Ярополкъ* въ *шестилѣтнее* свое правленіе занятъ былъ прекращеніемъ распрей удѣльныхъ Князей и войною противъ Половцевъ. *Селивестръ*, современникъ Ярополковъ, явственно означилъ въ лѣтописи своей всѣ

годы его княженія. Скажутъ, что Рускіе Историки скрыли сіе обстоятельство, что бы не обезславить *Ярополка*, ввѣрившагося столь легкомысленно пришельцу. Старинные наши Лѣтописатели не боялись говорить правды даже и о современникахъ своихъ. Имя Ярополково гремѣло еще и при жизни отца его Владимира *Мономаха*; отнятіемъ у Половцевъ трехъ городовъ, онъ отворилъ иноземнымъ купцамъ свободный путь въ Россію. Къ помраченію славы его, иностранные писатели выдумали сказку, будто бы далъ себя увезть, *желая обезпечить личность свою*. Ни одинъ Руской Князь не только въ чужой землѣ, но и въ Отечествѣ не могъ ничего предпринимать безъ совѣта съ дружиной и Боярами. Бояре и дружина не допустили бъ Князя своего отдалиться въ сопровожденіи одного пришельца.

По смерти *Ярополка*, Кіевляне избрали на престолъ брата его *Вячеслава* Владимировича. Правленіе его продолжалось только 20 дней. **Всеволодъ** *Ольговичь*, внукъ Святослава Ярославича, не довольствуясь *Черниговскимъ* удѣломъ, вознамѣрился похитить Кіевскій престолъ. Щадя кровь Кіевлянъ и подражая отцу своему Владимиру *Мономаху*, добровольно отрекшемуся отъ престола 1093 г., кроткій *Вячеславъ* удалился безъ всякаго упорства. *Двадцатидневное Вячеславово* княженіе достопамятнѣе *осмилѣтняго* обладанія Всеволодова похищеннымъ престоломъ. Насиліе его произвело и приготовило новыя междоусобія.

Изяславъ Вторый *Мстиславичь* владѣлъ Кіевскимъ престоломъ съ 1146 по 1154 г. Владѣніе его сопровождалось непрестанными раздорами и мятежами. Въ сіе время сынъ Мономаховъ, Князь Юрій Владимировичь *Долгорукій*, основалъ новое великое княженіе во Владимирѣ на *Клязьмѣ*, и многимъ мѣстамъ и урочищамъ далъ названія, существовавшія въ областяхъ Кіевскихъ и Черниговскихъ. Во имя знаменитаго своего отца Владимира *Мономаха* основалъ онъ Владимиръ на *Клязьмѣ*; во имя свое заложилъ *Юрьевъ-Польской*; въ подражаніе Черниговскому *Переяславлю*, заложилъ *Переславъ-Залѣзской*; сверхъ того построилъ *Кострому*, *Дмитровъ* и возобновилъ Москву.

Георгій или Юрій Владимировичь *Долгорукій*, вступя на Кіевскій престолъ 1158 г., обладалъ имъ только около трехъ лѣтъ, хотя уже съ 1143 г. неутомимо домогался сей власти. Зависть и властолюбіе, были главными его пороками.

Изяславъ III Давидовичь принялъ Кіевскій престолъ 1157 г., и началъ правленіе свое грабительствомъ. Между тѣмъ на другомъ краю Россіи Князь *Андрей Боголюбскій*, сынъ Юрія *Долгорукаго*, по примѣру отца своего, наименовалъ область свою Великимъ Княжествомъ Владимирскимъ. 1158 Г. *Мстиславъ Изяславичь* изгналъ изъ Кіева развратнаго *Изяслава Давидовича*. Изяславъ бѣжалъ къ *Вятичамъ* и, снова домогаясь престола, нанялъ *Половцевъ*, усилившихся по смерти Владимира *Мономаха*. Къ отраженію его удѣльные Князья полуденной

Россіи призвали *Ростислава Мстиславича*, Князя *Смоленскаго*. Изяславъ былъ побѣжденъ; *Ростиславъ*, по праву защитника Кіева, получилъ престолъ Кіевскій.

Ростиславъ, достойный сынъ Великаго *Мстислава*, княжилъ въ Кіевѣ отъ 1161 г. до 1168 г. Сей Князь былъ постояннымъ *миролюбцемъ* не по недостатку мужества, но потому, что спокойствіе народное предпочиталъ громкой молвѣ, не рѣдко превозносящей виновниковъ бѣдствія общественнаго. Воинскія дарованія миролюбиваго *Ростислава* давно были извѣстны. 1130 Г. *Ростиславъ* вмѣстѣ съ братьями своими, по приказанію отца ихъ *Мстислава*, воевалъ съ *Чудью* и за неукротимое ихъ буйство подвергъ новой дани. 1139 Г. властолюбивый Князь *Всеволодъ Ольговичь*, умышляя пагубу наслѣдниковъ *Мономаховыхъ* и сыновъ Великаго *Мстислава*, покушался отнять у *Ростислава* Смоленскъ; любовь народная служила ему обороной. 1142 Г., вступаясь за дядю своего *Вячеслава Владимировича*, отъ Переяславльскаго его удѣла отразилъ строптиваго *Игоря Ольговича* и за разореніе страны *Переяславльской* завоевалъ у него четыре города съ вѣрною своей Смоленскою дружиной. 1152 Г. помогалъ *Изяславу Давидовичу*. Добродѣтель испытывается злоключеніями. *Ростиславъ*, испытавъ скорби, при вступленіи на престолъ, рѣшился быть отцемъ народа. Онъ исполнилъ обѣтъ, данный Богу и совѣсти: *девять* лѣтъ соблюдалъ онъ мирное щастіе Кіевлянъ.

Со времени *Мстислава* Втораго *Изяславича*, княжившаго въ Кіевѣ съ 1168 по 1171 г., Кіевское княженіе часъ отъ часу болѣе клонилось къ паденію. Достопамятнѣйшій подвигъ сего Князя, есть походъ противъ *Половцевъ*, начавшихъ снова тѣ грабежи, отъ которыхъ отвлекъ ихъ *Ярополкъ*, сынъ *Мономаховъ*.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ СТАТЬИ.

Главныя происшествія, ознаменовавшія княженіе *Андрея Юрьевича* Боголюбскаго, означены въ предшествовавшихъ *семи* статьяхъ. Сіи происшествія начались съ 1158 и продолжались по 1171 годъ, до кончины Кіевскаго Князя *Мстислава* Втораго *Изяславича*. Владимирское великокняженіе усилилось на время; но не могло ни предупредить, ни остановить паденія Россіи. Раздоры и междоусобія, поколебавшія и низвергшія престолъ Кіевскій, равно свирѣпствовали и въ областяхъ *Бѣлорускихъ* или *Владимирскихъ* Князей. Князь Андрей, заслужившій названіе *Боголюбскаго* за добродѣтели свои, поработясь наговорамъ наушниковъ, вооружился противъ родства и уготовилъ себѣ пагубу. Раздѣленіе Россіи на два великія Княжества, то есть, *Кіевское* и *Владимирское*, или *Сѣверное* и *Южное*, воспослѣдовало отъ зависти, властолюбія и междоусубій? Въ продолженіи смутнаго времени, предвѣщавшаго паденіе Россіи, то есть, отъ 1176 до 1224 г., владѣли во Владимирѣ на *Клязьмѣ* три Князя, изъ которыхъ послѣдній

кончилъ жизнь во второе нашествіе *Татаръ*. Князь *Михаилъ* Первый *Юрьевичь* вступилъ на Владимирскій престолъ 1176 г. и жилъ одинъ только годъ. Сей Князь съ матерью своей и братьями своими изгнанъ былъ Княземъ Андреемъ, возбужденнымъ, къ нарушенію родства и отцовскаго завѣщанія, коварными наговорами ласкателей. Злополучіе доставило Михаилу преждевремянный опытъ. Онъ любилъ подданныхъ, желалъ жить для щастія ихъ и обозрѣвая области свои, умеръ въ *Городцѣ* на *Волгѣ* 1177 г. Іюля 20, при *захожденіи солнца*. *Всеволодъ Третій Юрьевичь* княжилъ во Владимирѣ *Бѣлорускомъ* отъ 1177 до 1213 г. Въ Сѣверной и Южной Россіи происходили почти непрерывныя возмущенія. Кратковременное спокойствіе продолжалось только два года, то есть, со вступленія на Кіевскій престолъ Черниговскаго Князя *Всеволода Святославича*, жившаго въ согласіи съ Княземъ Владимирскимъ. По смерти Всеволода *Владимирскаго*, 1213 г. вступилъ на Владимирскій престолъ Юрій *Второй Всеволодовичь*. Въ Сѣверной Россіи домашнія безпокойства продолжались; братья вооружались на братьевъ. Южная такія же претерпѣвала неустройства. Наконецъ отъ раздоровъ, возжигаемыхъ своеволіемъ страстей и коварствомъ злоумышленниковъ, Россія поработилась игу иноплеменному.

РУСКАЯ ИСТОРІЯ,

ОТЪ ВТОРИЧНАГО РАЗДѢЛЕНІЯ РОССІИ НА УДѢЛЫ ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ,

ТО ЕСТЬ, ОТЪ 1015 ДО 1224 ГОДА.

РУСКАЯ ИСТОРІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ вторичнаго раздѣленія Россіи на удѣлы до нашествія Татаръ,

то есть, отъ 1015 до 1224 года.

СВЯТОПОЛКЪ ПЕРВЫЙ.

Вторичное раздѣленіе Россіи на удѣлы тѣмъ еще было пагубнѣе, что сыны Владимировы, кромѣ Бориса и Глѣба, раздѣлены были душами. Родясь отъ различныхъ женъ, они были братьями по одному только имени; матери ихъ, пылая взаимною ревностію и завистію, домогаясь первенства и негодуя на отличіе, оказываемое другимъ, переселяли всѣ свои страсти въ сердца сыновъ своихъ, соединенныхъ съ ними не Вѣрою, но развратомъ. Спасительныя правила Вѣры, повелѣвающей полагать душу за братію, не успѣли вкорениться въ сердцахъ; буйство языческое еще свирѣпствовало. Отъ страстей

и злобы возникла грозная туча и помрачила землю Рускую. Но среди сихъ ужасовъ блистаютъ и лучи добродѣтели; среди сихъ неистовствъ новые опыты подтверждаютъ вѣчную истину, что торжество злодѣевъ не надежно; что губитель человѣства нигдѣ не укроется отъ укоризнъ возмущенной совѣсти и отъ карающей десницы Бога правды и защитника невинности.

Святополкъ, сомнительный сынъ Владимира, не довольствуясь удѣломъ своимъ и домогаясь овладѣть Кіевскимъ престоломъ, старался привлекать сердца Кіевлянъ не силою добродѣтели, но приманками почестей и корысти. Кіевляне не обольстились дарами Святополка; сердца ихъ были не съ нимъ, но съ братьями и друзьями, находившимися подъ знаменами кроткаго и добродѣтельнаго Князя Бориса. Не нашедъ *Печенеговъ*, Борисъ пошелъ съ дружиною въ обратный путь и остановился на берегахъ рѣки *Алты*, текущей въ предѣлахъ нынѣшней Полтавской области. Тамъ получаетъ онъ плачевную вѣсть, что отецъ его уже во гробѣ. Слезно возрыдалъ нѣжный сынъ, воспоминая любовь и горячность родителя своего. Между тѣмъ, Владимирова дружина, сопровождав-

шая его въ походъ, понуждаетъ Князя Бориса идти въ Кіевъ и занять престолъ отцовскій. „Не подниму рукъ на старшаго моего брата," отвѣчаетъ Борисъ: „Родитель мой умеръ; старшій братъ будетъ мнѣ вмѣсто отца!" Огорченные симъ отвѣтомъ, воины Владимировы разходятся, Борисъ остается съ одними своими людьми. Не дремлетъ злоба, устроивая погибель невинности. Коварный Святополкъ отправляетъ къ Борису вѣстниковъ съ ложными увѣреніями любви и дружбы; самъ же, скрываясь во мракѣ ночномъ отъ взоровъ Кіевлянъ и льстясь утаиться отъ взоровъ Властителя небесъ, удаляется въ *Вышгородъ*, призываетъ градскаго Старшину *Путшу* съ Вышегородскими Боярами и говоритъ имъ: „Примите меня сердцами своими; отдайте мнѣ души свои: вамъ себя ввѣряю." — „Князь!" отвѣчаетъ *Путша* и малодушные Вышегородскіе Бояре: „Мы положимъ за тебя свои головы!" — „Подтвердите слова дѣлами," возражаетъ Святополкъ: „Ступайте, убейте брата моего Бориса. Уже Владимирова дружина предлагала ему престолъ; Кіевляне его любятъ; вступитесь за Святополка: почести и богатства ожидаютъ васъ." Продавъ души

свои за корысть и тщеславіе; Вышегородскіе измѣнники спѣшатъ къ совершенію злодѣйства; приходятъ на берега *Алты* до восхода солнечнаго, въ тотъ самый часъ, когда благочестивый Борисъ слушалъ въ шатрѣ своемъ заутреню. Борисъ возносится душею къ небесамъ; а послы Святополковы умышляютъ злодѣйства: какая противуположность между добродѣтелью и порокомъ! . . . Подобно дикимъ и яростнымъ звѣрямъ, убійцы со всѣхъ сторонъ обступаютъ шатеръ, вонзаютъ копья и поражаютъ Бориса. Вѣрный служитель его *Георгій*, уроженецъ Венгерскій, хочетъ тѣломъ своимъ и смертію своею отразить новые удары отъ злополучнаго Князя; онъ объемлетъ окровавленный его трупъ. Вѣрность, есть укора вѣроломству; Георгій умираетъ подъ остріемъ мечей. Силясь сорвать съ шеи его *большую золотую гривну*, или почетное ожерелье, которымъ Борисъ наградилъ усерднаго своего служителя, убійцы отрубили ему голову, сорвали ожерелье и повергли трупъ его между тѣлъ Борисовыхъ служителей, также пострадавшихъ отъ злодѣевъ. Борисъ не охладѣлъ еще въ объятіяхъ смерти. Обвернувъ его шатромъ, вѣро-

ломные Вышегородцы безжалостно бросили на телегу и привезли къ Святополку, еще дышущаго. Два Варяга, по повелѣнію братоубійцы, довершили злодѣяніе: одинъ изъ нихъ вонзилъ мечь въ сердцѣ невиннаго страдальца. Не страшась Бога, но опасаясь Кіевлянъ, Святополкъ приказалъ тайно привесть тѣло Князя Бориса въ *Вышгородъ* и положилъ его въ церкви *Святаго Василія*. Величаясь своимъ вѣроломствомъ, *Путша*, *Талецъ*, *Еловичь* и *Ляшко*, убійцы Князя Бориса, пришли къ Святополку требовать награды за свое злодѣяніе. Къ вѣчному позору сихъ злодѣевъ Несторъ сохранилъ имена ихъ.

Первый шагъ на пути злодѣянія вскорѣ влечетъ отъ преступленія къ преступленію. Умышляя въ мрачной душѣ своей новое злодѣяніе, Святополкъ сказалъ: „Я убилъ Бориса, убью и Глѣба; буду одинъ самодержавствовать.“ Не медленно посылаетъ онъ къ Глѣбу, находившемуся въ *Муромскомъ* своемъ удѣлѣ, ложныхъ вѣстниковъ, будто бы Владимиръ еще живъ; но приближается уже ко гробу. Привыкнувъ повиноваться отцу и порываясь сыновнею любовью, Глѣбъ отправился съ малою дружиною принять послѣд-

нее отцовское благословенie. Въ предѣлахъ нынѣшней Тверской области, у береговъ *Волги*, конь его споткнулся во рву; Глѣбъ повредилъ себѣ ногу. Къ Смоленску поплылъ онъ Днѣпромъ и остановился въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ близь урочища, называемаго *Смядино*.

Между тѣмъ Предслава, сестра Ярослава, посылаетъ къ нему въ Новгородъ гонца съ вѣстiю, что Владимиръ умеръ; а Святополкъ домогается Кiевскаго престола братоубiйствомъ. Ярославъ совѣтуетъ Глѣбу, что бы онъ не ѣхалъ въ Кiевъ, и увѣдомляетъ, что братъ его Борисъ убитъ Святополкомъ. Возрыдалъ Глѣбъ о кончинѣ родительской, и еще болѣе о страданiи брата своего. Въ скорби душевной онъ прибѣгнулъ съ молитвою къ Богу. Внезапно являются убiйцы, посланные Святополкомъ; съ обнаженными мечами нападаютъ на судно, причаленное къ берегу. Служители Глѣбовы оторопѣли. *Горосѣръ*, вождь убiйцъ, повелѣваетъ совершить злодѣянiе; *Торчинъ*, Глѣбовъ поваръ, поражаетъ его ножемъ. Убiйцы спѣшатъ съ торжествомъ въ Кiевъ и возвѣщаютъ, что Глѣба уже нѣтъ въ живыхъ. Два брата, раздѣленные смертiю,

по опредѣленію Небесному соединены были по смерти. При Князѣ Ярославѣ тѣло Князя Глѣба отыскано между двухъ колодъ на берегу Днѣпра, перевезено въ *Вышгородъ* и положено подлѣ Князя Бориса въ церкви *Святаго Василія*.

Ожесточась часъ отъ часу болѣе въ злодѣяніяхъ, Святополкъ посылаетъ въ погоню за братомъ своимъ *Святославомъ*, который отъ кровожадной его ненависти хотѣлъ укрыться въ предѣлахъ *Венгріи*. У подошвы горы *Угорской* Святославъ пораженъ мечами убійцъ. Воскичась сими успѣхами и забывъ, что судьбы небесныя по волѣ своей даютъ власть, Святополкъ на трупахъ всѣхъ братій умыслилъ утвердить неограниченное владычество. Казалось, что все ему благопріятствовало; онъ присвоилъ себѣ Кіевъ, и Кіевляне приняли дары, раздаваемые имъ изъ казны отцовской.

Еще до полученія вѣсти о убіеніи Бориса, Ярославъ казнилъ нѣсколько знатныхъ Новогородцевъ за то, что они, не стерпя насилія и угнѣтенія Варягъ, посягнули на жизнь ихъ. Вѣсть о коварныхъ намѣреніяхъ Святополка пришла въ Новгородъ въ ту самую ночь, когда пролилась кровь Новогород-

цевъ. На разсвѣтѣ Ярославъ пригласилъ къ себѣ оставшихся ратниковъ изъ дружины Новогородской, и сказалъ имъ со слезами раскаянія: „Вчера убилъ я братій вашихъ; сегодни о нихъ проливаю слезы. Святополкъ похитилъ престолъ Кіевскій; онъ хочетъ истребить всѣхъ сыновъ Князя Владиміра.“ Новогородцы воскликнули: „Забываемъ обиду; ополчимся за тебя и за братьевъ твоихъ!“ Собравъ тысячу Варягъ и сорокъ тысячь различнаго войска, Ярославъ сталъ передъ ополченіемъ, и воздѣвъ руки къ небесамъ, воскликнулъ: „Боже! не я началъ умышлять погибель братьевъ, но Святополкъ. Отмсти за невинную ихъ кровь, помоги мнѣ наказать убійцу!“

Устрашенный вѣстію о походѣ Ярослава, Святополкъ собралъ многочисленное войско и призвалъ *Печенѣговъ*. Надѣясь предупредить брата своего, пошелъ онъ къ *Любечу* и остановился по ту сторону Днѣпра; Ярославъ расположился на другомъ берегѣ. Долгое время были они въ бездѣйствіи, не смѣя учинить нападеніе. По обычаю того времени, сопротивники вызывали другъ друга на бой язвительными словами и укорами. Воевода Святополковъ, ѣздя по берегу,

кричалъ Новогородцамъ: „Плотники! за чѣмъ вы пришли сюда съ хромымъ своимъ Княземъ? Бросьте оружіе, не ваше дѣло воевать; ступайте къ намъ плотничать!“ Раздраженные сею насмѣшкою, Новогородцы воскликнули: „Князь! завтра же переступимъ за Днѣпръ; а кто ослушается, того силою заставимъ идти.“

Развратъ и строптивость чужды благоразумія и осторожности. Ярославъ приготовилъ дружину свою къ бою; а Святополкъ, стоя между двумя озерами, проводилъ всю ночь въ буйственномъ пированіи. На разсвѣтѣ Ярославъ переправился черезъ Днѣпръ, выступилъ на берегъ и приказалъ отчалить лодки, показывая дружинѣ своей, что онъ рѣшился или побѣдить, или умереть. Вскорѣ сошлись оба войска; началась кровопролитная сѣча. Ночью была морозъ, озера покрылись тонкимъ льдомъ. Печенеги, стоявшіе за однимъ изъ сихъ озеръ, не отважились идти на помощь къ Святополку. Ярославъ притѣснилъ ополченіе его къ озеру; воины Святополковы, уклоняясь отъ мечей, не вольно устремлялись на озеро; ледъ подъ ними трещалъ и ломался, волны ихъ поглощали. Дружина Новогородская воскликнула

побѣду; Святополкъ побѣжалъ въ предѣлы Польскіе къ тестю своему Болеславу; Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и занялъ престолъ отцовскій. Битва сія происходила въ концѣ 1016 года; а въ началѣ 1017 года, какъ будто бы въ предвѣстіе новыхъ злоключеній, пожарное пламя разорило Кіевъ. Ярославъ заложилъ новый городъ.

1018 Года Болеславъ, вспомоществуя Святополку, ополчился съ нимъ на Ярослава. Собравъ войско, Ярославъ поспѣшилъ изъ Кіева, пришелъ въ Волынскую область и сталъ по ту сторону рѣки *Буга*. Воспитатель и Воевода Ярославовъ, называемый *Будомъ*, издѣваясь надъ Болеславомъ, который отъ непомѣрной дородливости едва могъ сидѣть на конѣ, подъѣхалъ къ берегу и вскричалъ: „Мы тростью пронзимъ чрево твое." При невыгодной наружности, *Болеславъ* былъ отваженъ и прозорливъ. Зная, что примѣръ Вождя всего сильнѣе дѣйствуетъ, Болеславъ пустился на конѣ чрезъ бродъ и возопилъ къ воинамъ своимъ: „Естьли вы не дорожите честію своего Князя, я одинъ погибну!" Воспылавъ гнѣвомъ и мщеніемъ, воины Болеславовы бросились за нимъ въ рѣку; Ярославъ не успѣлъ ополчиться. Все войско его раз-

сѣялось и онъ самъ едва спасся съ нѣсколькими Новогородцами. Воевода *Будъ* наказанъ былъ за дерзкое самохвальство: онъ палъ на мѣстѣ сраженія. Торжествующій Болеславъ вошелъ въ Кіевъ и приказалъ войско свое размѣстить по Кіевскимъ волостямъ, для прокормленія. Ярославъ, прибѣжавъ въ Новгородъ, хотѣлъ отплыть за море; Новогородскій Посадникъ *Снятинъ*, сынъ *Добрынинъ*, возбуждая Новогородцевъ къ защитѣ Князя, приказалъ разрубить лодки и сказалъ: „Князь! не ищи чужой помощи; мы сберемъ подать, наймемъ Варягъ и составимъ новое ополченіе; не дадимъ хвалиться врагамъ; не оставимъ Князя своего!" Съ помощію усерднаго посадника *Снятина*, Ярославъ устроиилъ новое войско. Между тѣмъ Святополкъ, обезумленный развратомъ, самъ изрылъ себѣ въ Кіевѣ ту пропасть, въ которую хотѣлъ низринуть всѣхъ братьевъ своихъ. Благодарность, есть добродѣтель великихъ душъ; Святополкъ не зналъ ее. За услуги Болеслава и Поляковъ, онъ отдалъ тайный приказъ убивать защитниковъ своихъ. Многіе были умерщвлены; Болеславъ отъ неблагодарнаго Святополка убѣжалъ въ свои области. Ярославъ приступилъ къ Кіеву; не смѣя про-

тивоборствовать, Святополкъ скрылся къ *Печенегамъ*.

Въ признательность за заслуги Новогородцевъ, Ярославъ возобновилъ для нихъ законы, издревле извѣстные подъ названіемъ *Руской Правды*. Полагаютъ, что возобновленіе сихъ законовъ, доставя особенное управленіе Новгороду, отдѣлило его отъ другихъ Рускихъ областей. Крѣпость и сила обществъ заключается въ *единодушіи* и *единомысліи*.

Неутомимый въ злобѣ и обольщаясь суетною надеждою, Святополкъ вступилъ въ предѣлы Рускіе съ сильнымъ Печенежскимъ ополченіемъ. Ярославъ, предупреждая Святополка, съ многочисленнымъ войскомъ встрѣтилъ его на берегахъ рѣки *Алты*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по повелѣнію Святополка, пролилась кровь Князя Бориса. Призывая Бога, Ярославъ воскликнулъ: „Владыко милосердый! Кровь брата моего вопіетъ къ Тебѣ! Мсти за невинную его кровь, какъ мстилъ Ты нѣкогда за кровь Авелеву. Да смятется и да вострепещетъ братоубійца!" Во мракѣ ночномъ Ярославъ двинулся; полками его покрылось все *Алтское поле*. Съ первыми солнечными лучами сошлись оба войска. Началась

битва, какой еще не было дотолѣ въ землѣ Руской. Сопротивники схватывались руками, рубили другъ друга; три раза расходились, и три раза возобновляли бой. Обагрилось поле и лощины наполнились кровію. Къ вечеру Ярославъ восторжествовалъ; Святополкъ обратился въ бѣгство.

Сколь неисповѣдимы судьбы небесныя! Съ того самаго мѣста, гдѣ подъ остріемъ убійцъ палъ невинный страдалецъ; съ того мѣста въ слѣдъ за Святополкомъ устремились страхъ и ужасъ. Трусущіеся его члены разслабли, онъ не могъ держаться на конѣ. Возложа на носилки, провожатые его пустились съ нимъ къ *Бресту*. Никѣмъ негонимый, кромѣ угрызеній совѣсти, Святополкъ непрестанно вопіялъ: „Бѣгите! бѣгите! несите меня далѣе; за нами гонятся; меня преслѣдуютъ! Вижу сверкающіе мечи; бѣгите!" Въ тоскѣ и отчаяніи метался онъ на носилкахъ, и на всѣ увѣренія служителей, что его никто не преслѣдуетъ, съ воплемъ отвѣчалъ: „Гонятъ! гонятъ!" На каждомъ шагу братоубійцѣ мечтались кровь и смерть. Возмущенный симъ неотступнымъ ужасомъ, прибѣжалъ онъ въ пустыню между Польшей и Богеміей, гдѣ въ лютыхъ страданіяхъ испустилъ духъ.

Такъ казнятся враги Бога и добродѣтели! Ни одинъ гонитель невинности не умиралъ спокойно.

ЯРОСЛАВЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Внукъ Князя Ярослава, Владимиръ *Мономахъ*, назвалъ дѣда своего: *Ярославомъ Благовластнымъ*. По одному сему наименованію Ярославъ долженъ жить въ лѣтописяхъ отечественныхъ и въ сердцахъ Рускихъ. Власть, употребляемая во благо людей, заключаетъ союзъ Вѣнценосца съ потомствомъ и безсмертіемъ. Владимиръ *Мономахъ* называетъ также Ярослава и *Славнымъ*. Передъ славою благодѣтеля народа всякая другая слава изчезаетъ.

Въ исходѣ 1019 года Ярославъ, нареченный въ Святомъ крещеніи *Георгіемъ*, вступилъ на Кіевскій Престолъ. Отъ шума гремящихъ побѣдъ, отъ трудовъ ратныхъ, рѣшился онъ съ дружиною своей отдохнуть подъ сѣнію мира и заняться внутреннимъ разпорядкомъ страны Кіевской, разоренной междоусобіями и войною.

И лучшія предпріятія человѣческія не рѣдко встрѣчаютъ преграду! 1020 Года Яро-

славъ вынужденъ былъ снова поднять оружіе. Племянникъ его, Князь *Брячеславъ* Полоцкій, дерзновенно ворвавшись въ Новгородъ, плѣнилъ Новгородцевъ, расхитилъ имущества ихъ и съ неправедною добычей спѣшилъ въ свой удѣлъ. Выступя изъ Кіева, Ярославъ настигъ *Брячеслава* въ седьмой день у рѣки *Судомѣри*, поразилъ его, освободилъ Новогородцевъ и отпустилъ ихъ въ Новгородъ. Побѣжденный *Брячеславъ* побѣжалъ къ Полоцку, и вмѣсто корысти, для которой забылъ родство и честь, принесъ съ собою стыдъ и раскаяніе.

1022 Года Ярославъ пошелъ къ Бресту. Въ то же самое время *Мстиславъ*, Князь *Тмутараканскій*, ополчился на *Косоговъ*, жившихъ около Азовскаго моря. Косожскій Князь *Редедя* не медленно устремился на встрѣчу, и когда сошлись оба войска, подъѣхавъ къ Мстиславовымъ полкамъ, сказалъ: „Князь! на что намъ губить дружины свои? Сразись со мною. Естьли одолѣешь; то возьми мое имѣніе, жену, дѣтей и область мою; естьли я буду побѣдителемъ; то все то у тебя возьму. Отложимъ оружіе; сразимся борьбою" — „Я согласенъ!" отвѣчалъ Мстиславъ; и съ симъ словомъ, схвативъ другъ

друга, долго сражались равною борьбою; наконецъ Руской Князь уступалъ исполинской крѣпости Князя Косожскаго. Въ изнеможеніи силъ Мстиславъ воскликнулъ: „Пресвятая Богородица! помоги мнѣ; даруй мнѣ побѣду не для меня, но для сохраненія моего семейства и подданныхъ, которыхъ люблю, какъ чадъ своихъ! Во имя Твое сооружу храмъ, и буду прославлять помощь Твою!" Молитва оживотворяетъ и силу мышцъ и душу. Снова укрѣпясь, Мстиславъ мгновенно повергъ сопротивника своего на землю и поразилъ его остріемъ ножа. По условію, овладѣлъ онъ *Косожскою* областью, и возвратясь въ *Тмутараканскій* свой удѣлъ, заложилъ церковь во имя Божіей Матери. Полагаютъ, что Тмутараканская область называлась симъ именемъ отъ города *Тмутаракани*, бывшаго на островѣ *Таманѣ*, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ существовала *Фанагорія*.

Слава побѣдъ утверждается умѣренностію и померкаетъ отъ неубузданности страстей. Увлеченный тщеславіемъ, Мстиславъ ополчился противъ Ярослава. Пользуясь отсутствіемъ его, вступилъ въ Кіевъ; но вѣрные Кіевляне, съ которыми неразлучна была любовь Ярославова, не приняли Тму-

тараканскаго Князя. Не смѣя сражаться съ вѣрою и вѣрностію, Мстиславъ удалился изъ Кіева и завладѣлъ Черниговскимъ престоломъ. Услыша въ Новгородѣ о покушеніи брата своего, Ярославъ послалъ за *Варягами*, которые пришли изъ-за моря съ Вождемъ своимъ *Якуномъ*, носившимъ на глазахъ золотую сѣтку по причинѣ слабаго зрѣнія. Ярославъ сошелся съ Мстиславомъ у *Листвена*, стариннаго Черниговскаго города, превратившагося въ село. Прозорливый Мстиславъ, наблюдая воинскую осторожность, съ вечера устроилъ свое ополченіе: Черниговцевъ поставилъ противъ *Варягъ*, а *Тмутараканскую* дружину разположилъ по крыльямъ. Наступила ночь мрачная, загремѣлъ громъ, засверкала молнія, зашумѣлъ проливной дождь. Смятеніе природы возпламеняетъ храбрыхъ новою отважностью. „Пойдемъ!“ вскричалъ Мстиславъ: „Пойдемъ, храбрые воины!“ Полетѣла на бой дружина Мстиславова; воинство Ярославово встрѣтило ее неустрашимо. *Варяги* сразились съ Черниговцами. Отъ сильнаго пораженія сопротивниковъ длани Варягъ ослабѣли, мечи падали изъ усталыхъ рукъ. Опытный Полководецъ пользуется рѣшительнымъ мгновеніемъ. Совокупя силы свои,

Мстиславъ ударилъ на *Варягъ*; возобновилась упорная сѣча. Подобно молніи, блиставшей во мракѣ ночи, сверкало и отсвѣчивалось ихъ оружіе. Страшно кипѣла битва кровопролитная; еще сильнѣе шумѣла гроза. Ярославъ обратился въ бѣгство съ Княземъ Варяжскимъ; съ горестію удалился онъ въ Новгородъ; *Якунъ* съ отчаяніемъ отплылъ за море. Славна была Мстиславова побѣда, но не завидна: Руской Князь сражался съ Рускимъ Княземъ; братъ вызвалъ на брань и поразилъ брата! Кровь человѣческая, проливаемая въ угодность страстей, вопіетъ отмщеніемъ къ Небесамъ.

Мстиславъ, радуясь, что съ ущербомъ Черниговцевъ сохранилъ Тмутараканскую свою дружину, немедленно отправилъ къ Ярославу гонца съ сими словами: „Возвратись, прими Кіевскій Престолъ, будь мнѣ другомъ и союзникомъ.“ Не довѣряя брату своему, Ярославъ не выѣхалъ изъ Новгорода; Мстиславъ остался въ Черниговѣ.

Пагубная междоусобная война и брата заставляетъ быть осторожнымъ противъ брата. Ярославъ пошелъ къ Кіеву съ многочисленнымъ войскомъ и встрѣтился съ Мстиславомъ въ Кіевской области близъ *Городца*,

или *Юрьева*, при устьѣ рѣки *Остра* на лѣвой сторонѣ *Десны*. Мѣсто сіе достопамятно примиреніемъ братьевъ. Ярославъ и Мстиславъ условились, чтобы первому владѣть по Днѣпръ, а другому княжить по ту сторону рѣки. Воцарились миръ и братолюбіе; междоусобіе прекратилось, спокойствіе оживотворило землю Рускую. 1026 Годъ ознаменовался сими происшествіями. 1028 Года было воздушное явленіе, видѣнное повсемѣстно. Спустя годъ, Ярославъ пошелъ на безпокойную *Чудь*, побѣдилъ ее и основалъ городъ *Юрьевъ*, гдѣ нынѣшній *Дерптъ*. Въ сіе время умеръ въ Польшѣ *Болеславъ*, Святополковъ тесть, прославившійся мужествомъ и превосходствомъ ума. Съ кончиною великаго человѣка не рѣдко сопряжено бѣдствіе общественное. Такъ случилось въ Польшѣ: народъ возмутился; буйство посягнуло на служителей олтарей и на Бояръ. *Мячеславъ* Второй, получа Болеславовъ Престолъ, но не наслѣдовавъ ни мужествомъ, ни добродѣтелями отца своего, предался праздности и роскоши. Пользуясь слабостію *Мячеслава*, Ярославъ и Мстиславъ соединенными силами пошли въ предѣлы Польскіе и возвратили *Червенскіе города*, отнятые Болеславомъ 1018 года. Нѣга и роскошь

клонятъ къ паденію общества и Царства. *Мячеславъ* утратилъ то въ короткое время, что *Болеславъ* пріобрѣлъ долголѣтними трудами. Ярославъ, разсѣляя плѣнныхъ Поляковъ 1031 года по рѣкѣ *Рси* или *Роси*, въ слѣдующемъ году вдоль сей рѣки началъ строить города. 1036 Года скончался Князь Мстиславъ, заболѣвъ на охотѣ. Мстиславъ былъ высокаго роста; лице его цвѣло румянцемъ; въ большихъ его глазахъ блистало мужество. На войнѣ являлъ отважность и рѣшительность, въ мирѣ кротость и безмятежіе; дружину свою любилъ и щедро награждалъ; къ подданнымъ былъ милостивъ. Есть-ли бъ онъ не ополчался неправедною войною на брата своего Ярослава; то имя и дѣла бы его сіяли безъ малѣйшаго помраченія.

По смерти Мстислава, Ярославъ учинился самодержцемъ земли Руской. Устроя порядокъ въ Кіевѣ, пошелъ онъ въ Новгородъ, гдѣ опредѣлилъ Намѣстникомъ старшаго своего сына Владиміра, родившагося 1020 года. Къ утвержденію Вѣры поручилъ Епископство *Лукѣ Жидятѣ*. Сей духовный Вождь Новогородской паствы именемъ и дѣлами оправдалъ званіе свое. Но жизнь человѣческая есть испытаніе! Добродѣтельный

Пастырь, оклеветанный неблагодарнымъ служителемъ своимъ и его сообщниками, призванъ былъ въ Кіевъ и претерпѣлъ трехлѣтнее заключеніе. Во мракѣ темничномъ возсіяла невинность терпѣливаго страдальца; клеветники его были общенародно наказаны, Лука снова отпущенъ въ Новгородъ. Забывая гоненія злобы и клеветы и желая блага человѣчеству, Лука оставилъ правила нравственности, укрѣплявшей душу его Вѣрою, надеждою и терпѣніемъ. „Вѣруйте во единаго Бога," говоритъ онъ въ духовномъ своемъ поученіи: „Исполняйте уставы церкви. Любите всѣхъ людей, а еще болѣе братій и родственниковъ. Сердцу своему не измѣняйте устами. Будьте справедливы въ дѣлахъ и словахъ своихъ. Зломъ за зло не воздавайте. Будьте милосерды къ страннымъ и убогимъ; посѣщайте темницы; не оставляйте сиротъ. Уважайте старость; чтите своихъ родителей." По сказанію лѣтописцевъ, Лука управлялъ Новгородскою паствою 23 года, и скончался въ Новѣгородѣ 1060 года.

Въ отсутствіе Ярослава, *Печенеги* съ сильнымъ войскомъ вошли въ Кіевскую область; извѣстясь о томъ, Ярославъ поспѣ-

шилъ изъ Новгорода въ Кіевъ, пробрался въ городъ, и не устрашась многочисленности враговъ, устремился на нихъ изъ стѣнъ Кіевскихъ, поразилъ и прогналъ. Разсѣясь въ ужасѣ и трепетѣ и не успѣвая устроивать переправъ, Печенеги за наглое свое нашествіе тонули въ рѣкахъ; малый остатокъ спасся бѣгствомъ.

Ярославъ, побѣдя внѣшнихъ враговъ, былъ и самъ побѣжденъ домашними злоумышленниками. И лучшіе изъ Государей не всегда избѣгаютъ сѣтей, разставляемыхъ клеветою и коварствомъ! Враги общей пользы, желая для личныхъ своихъ выгодъ возмутить спокойствіе земли Руской, оклеветали Ярославу брата его *Судислава.* Обманутый ложными доносами, Ярославъ заключилъ во Псковѣ невиннаго брата въ темницу. Чѣмъ ухищреннѣе коварствуетъ клевета, тѣмъ осторожнѣе должна быть добродѣтель; тѣмъ болѣе должно уклонять слухъ отъ злоумышленія клеветниковъ.

Въ теченіи 1037 года Ярославъ укрѣпилъ Кіевъ каменною стѣною и заложилъ многіе храмы. Желая утвердить подданныхъ своихъ въ благочестіи, собралъ онъ просвѣщенныхъ мужей, которымъ препоручилъ переложить

съ Греческаго языка на Славянскій духовныя книги. Не рѣдко цѣлыя ночи посвящалъ онъ чтенію. Усердіемъ его воздвигся и украсился храмъ *Святой Софіи.* Отъ 1038 до 1042 года Ярославъ предпринималъ нѣсколько походовъ. Для наказанія Грековъ за обиды, нанесенныя Рускимъ купцамъ, отправилъ онъ въ Грецію 1043 года сына своего Владимира, препоруча начальство Воеводѣ *Вышатѣ.* Буря разбила Рускія суда, приплывшія къ Царьграду; Княжскій корабль погибъ отъ порывовъ вѣтра. *Иванъ Творимовичь*, сдѣлавшійся извѣстнымъ тѣмъ, что извлекъ Князя изъ волнъ морскихъ, принялъ его на судно и съ нимъ Ярославова Воеводу *Вышату.* Шесть тысячь Новогородскихъ воиновъ выброшены были на берегъ. Терпя нужду, убѣждали они дружину Князя Владимира идти съ ними въ Отечество; дружина отвѣчала, что останется съ Княземъ своимъ. Воевода Вышата, видя страданіе и изнеможеніе Новогородскихъ воиновъ, сказалъ Владимиру: ,,Князь! кораблей у тебя осталось не много; воины, выброшенные на берегъ, не могутъ на судахъ помѣститься; вѣрная твоя дружина, соблюдая обычай праотцевъ, остается съ тобою: она исполняетъ свой долгъ, и я не измѣню

моей обязанности, пойду къ воинамъ, страждущимъ на Греческихъ берегахъ." Съ сими словами устремясь изъ корабля, *Вышата* воскликнулъ: „Воины Новогородскіе, съ вами пойду; съ вами живъ буду, или погибну!"

Уже они двинулись въ путь. Между тѣмъ, узнавъ о неудачѣ Рускихъ, Цареградскій Владѣлецъ *Мономахъ* послалъ за ними въ погоню четырнадцать большихъ судовъ, или *олядей*. Владиміръ возвратился, напалъ на Грековъ и разбилъ суда ихъ. *Вышату* съ Новогородскою дружиной взяли въ плѣнъ. Мстя за пораженіе свое, малодушные Греки ослѣпили его и послѣ трехлѣтняго заключенія отпустили въ Кіевъ. Не извѣстно, награжденъ ли былъ Вышата; но имя, блестящее подвигами Вѣры и мужества, награждается — уваженіемъ потомства.

1044 Года Ярославъ приказалъ вырыть прахъ Князей Ярополка и Олега, сопричастилъ крещенію и положилъ во храмѣ Божіей Матери.

Подражая въ благочестіи отцу своему, Владиміръ заложилъ въ Новгородѣ во имя *Святой Софіи* церковь, сооружавшуюся подъ надзираніемъ добродѣтельнаго Епископа *Луки Жидяти* и освященную симъ Пастыремъ.

1051 Годъ достопамятенъ созиданіемъ къ Кіевѣ *Печерскаго монастыря.* Антоній, за смиреніе и благочестіе нареченный великимъ, былъ основателенъ сей обители.

Подъ сѣнію Ярославова Престола находили убѣжище злополучные иностранные Владѣльцы. *Олофъ Геральдзонъ*, искавшій руки дочери Шведскаго Короля *Олофа Эриксона*, той самой *Ингіерди*, которая вышла за Ярослава: сей Король Норвежскій пользовался гостепріимствомъ Рускаго Князя до того времени, пока нужно ему было укрыться отъ гоненія и злобы внутреннихъ своихъ враговъ. Вовращаясь въ отечество, Король Норвежскій ввѣрилъ Ярославу сына своего *Магнуса*, который воспитываясь при Дворѣ Ярославовомъ, былъ потомъ Королемъ Норвежскимъ и заслужилъ названіе *Короля Добраго.* Пріятно мыслить, что любовь народная наградила *Магнуса* наименованіемъ *Добраго* за качества, украсившія его въ землѣ Руской. Братъ Олофовъ, *Геральдъ Гордроде*, въ юности своей находился въ службѣ Князя Ярослава, и вступя на Престолъ, показалъ, что онъ жилъ въ училищѣ великаго человѣка. Норвежцы назвали *Геральда* *Королемъ Славнымъ.*

Имя Князя Ярослава гремѣло въ предѣлахъ дальнихъ странъ. Дщерь его Елисавета была въ супружествѣ за Норвежскимъ Королемъ Гералдомъ, который въ бытность свою при Русскомъ Дворѣ старался заслужить руку ея дѣлами чести и славы. Россіянки всегда любили мужество, славу и добродѣтель. Сестры его: *Предслава* была за Андреемъ, Королемъ *Венгерскимъ*; Марья, названная *Доброгнѣвою*, за Казимиромъ Польскимъ; другая его дщерь *Анна Ярославовна* украшала собою престолъ Франціи. Повѣствуютъ, что около 1050 года, въ тотъ самой годъ, когда скончалась Ярославова супруга, прибылъ въ Россію Французскій посолъ, Епископъ *Москій* съ предложеніемъ, чтобы отпустили во Францію *Анну Ярославовну* въ супружество за Короля *Генриха I*. Въ предѣлахъ Франціи дщерь Ярославова извѣстна подъ именемъ *Агнесы*; она еще извѣстнѣе по добродѣтелямъ своимъ. Генрихъ умеръ 1060 года, не обезпеча жребія своей супруги. По существовавшимъ дотолѣ примѣрамъ, Королевѣ *Аннѣ* надлежало получить опеку и правленіе; но сего не сдѣлали, предполагая, что никто не вступится за Россіянку, находившуюся въ странѣ отдаленной. Остав-

ленная на произволъ судьбы, Анна Ярославовна нѣкоторое время жила въ *Санли*, неподалеку отъ *Парижа*, гдѣ и основала монастырь; потомъ сочеталась другимъ бракомъ съ Графомъ де *Валуа*, владѣльцемъ *Перонскимъ* и *Крепскимъ*, съ которымъ провела шесть лѣтъ. По сказаніямъ Историковъ, Анна Ярославовна послѣ втораго вдовства возвратилась въ родной край, хотя сынъ ея, отлученный отъ нее по смерти перваго ея супруга, былъ уже на престолѣ. Можетъ быть тоска по Отечеству и скорби, претерпѣнныя въ странѣ иноплеменной, заставили ее возвратиться въ Россію. Послѣ бурь мятежной жизни, для нѣжной дочери пріятно опочить подлѣ гробовъ отцевъ своихъ!

1052 Года умеръ въ Новгородѣ Владиміръ, старшій сынъ Ярослава, и погребенъ въ церкви *Святой Софіи*. 1054 Года, чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ отправилъ гонцовъ за сынами своими, и когда они прибыли къ одру его, онъ сказалъ имъ: „Сыны мои! храните взаимную любовь; вы дѣти одного отца и одной матери. Естьли будете жить въ любви и согласіи, то и Богъ будетъ съ вами. Сильною десницею Своей покоритъ Онъ вамъ сопротивниковъ; миръ и тишина

процвѣтутъ въ удѣлахъ вашихъ: естьли же возмутитесь ненавистію и раздорами, вы погибнете и погубите праотеческія области, пріобрѣтенныя потомъ и трудами. Умоляю васъ! живите мирно, слушайте братскихъ увѣщаній. Брату вашему Изяславу оставляю Кіевскій Престолъ; повинуйтесь ему, какъ мнѣ повиновались: онъ будетъ вамъ вторымъ отцемъ. Святославу даю *Черниговъ*, Всеволоду *Переяславль*, Игорю *Владиміръ*, Вячеславу *Смоленскъ*. Не преступайте братнихъ предѣловъ, не вооружейтесь другъ противъ друга. А ты, сынъ мой Изяславъ! Естьли кто изъ братьевъ обидитъ брата, ты вступись и помогай обиженному. Помните слова мои, помните Бога; я къ Нему отхожу!"

Получа отцовское завѣщаніе, сыны Ярославовы разъѣхались по разнымъ областямъ: Изяславъ въ Новгородъ, Святославъ во Владиміръ на *Волынь;* Всеволодъ, любимый сынъ Ярослава, остался при отцѣ, находясь и прежде при немъ неотлучно. Страждущій Ярославъ переѣхалъ изъ Кіева въ *Вышгородъ*, гдѣ и послѣдовала кончина его въ Субботу на первой недѣлѣ поста, Февраля двадцатаго. Всеволодъ препроводилъ тѣло отца сво-

его въ Кіевъ и положилъ въ мраморномъ гробѣ въ церкви Святой Софіи.

Ярославъ жилъ 76, и что онъ княжилъ 38 лѣтъ для благоденствія земли Руской, въ томъ свидѣтельствуютъ скорбь и слезы, сопровождавшія его за предѣлъ міра сего. Слезы и скорбь подданныхъ суть лучшая похвала праху и памяти Вѣнценосцевъ.

ИЗЯСЛАВЪ ЯРОСЛАВОВИЧЬ.

По завѣщанію отца своего Ярослава, Изяславъ безпрепятственно вступилъ на Кіевскій Престолъ 1054 года; братья его заняли свои удѣлы. Того же года Изяславъ посѣтилъ Новгородъ и перемѣнилъ въ ономъ Посадника. *Всеволодъ Черниговскій*, не смотря на позднее зимнее время, ходилъ въ походъ противъ *Торокъ*, и побѣдилъ ихъ. Великодушные воины умѣютъ преодолѣвать холодъ, труды и враговъ строптивыхъ. 1057 Года умеръ Вячеславъ Смоленскій; по согласію братьевъ своихъ Игорь перешелъ въ Смоленскъ изъ Владиміра.

1059 Годъ достопамятенъ освобожденіемъ Князя *Судислава*, заключеннаго Ярославомъ въ темницу во Псковѣ по наговорамъ

злобныхъ клеветниковъ. Когда враги нещастнаго Князя перешли туда, гдѣ Богъ любви и защитникъ невинности требуетъ отчета за слезы и страданіе, племянники вспомнили о дядѣ своемъ; они успокоили прахъ отцовскій: Судиславъ былъ освобожденъ послѣ двадцати осмилѣтняго заточенія. По недовѣрію, нераздѣльному съ домашними мятежами, Судислава заставили присягнуть, что онъ не будетъ мстить; постригли и перевели изъ Пскова въ Кіевъ. Сердце долголѣтняго страдальца, животворимое Вѣрой и надеждой, само собою отдѣляется отъ земли — къ Небесамъ.

Половцы, народъ дотолѣ неизвѣстный и занявшій прежнія Козарскія селенія, подъ начальствомъ Князя своего *Блюша* въ первой разъ появились въ Рускихъ областяхъ 1054 года при вступленіи на Престолъ Князя Изяслава; заключили миръ, не поднимая оружія, и удалились. Полагаютъ, что *Половцы*, или *Команы*, суть остатки тѣхъ *Угровъ*, которые въ Олегово правленіе 889 года проходили мимо Кіева въ предѣлы *Венгріи*. Жилища Половцевъ простирались по рѣкамъ *Кумѣ*, *Дону* и *Донцу*. Князь Всеволодъ поразилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство.

1063 Года смерть прекратила жизнь и страданія Князя Судислава. Многолѣтній страдалецъ погребенъ въ церкви Святаго *Георгія.* Того же года въ Новгородѣ рѣка *Волховъ* пять дней текла въ противную сторону. Новогородцы сочли необычайное сіе происшествіе бѣдственнымъ предзнаменованіемъ: и дѣйствительно, *Всеславъ,* Князь *Полоцкій,* спустя три года, выжегъ Новгородъ.

Вскорѣ возгорѣлись новыя распри и междоусобія. *Ростиславъ,* сынъ Владимира и внукъ Ярославовъ, не довольствуясь назначеннымъ ему удѣломъ и вновь прибавленными областями по смерти дяди его Игоря, устремился въ Тмутаракань. Глѣбъ, избѣгая войны съ родственникомъ, удалился изъ удѣла своего. Святославъ, отецъ Глѣбовъ, приспѣлъ съ войскомъ и возвратилъ ему его владѣніе. Безпокойный Ростиславъ вторично пришелъ въ Тмутаракань и опять выгналъ Глѣба. Изгнанникъ отправился къ отцу своему въ Черниговъ.

Въ исходѣ 1063 года, возмутившаго миръ и тишину въ землѣ Руской, показалась большая звѣзда, испускавшая кровавые лучи и восходившая на Западѣ по закатѣ солнца. Звѣзда сія являлась въ теченіи семи дней и

кровавымъ своимъ цвѣтомъ какъ будто бы предвѣстила кровопролитныя брани, междоусобія и нашествіе иноплеменниковъ.

Алчность и корысть не раздѣльны съ завистію и хищничествомъ. Похитивъ Тмутараканскую область, Ростиславъ началъ собирать дани съ *Косоговъ* и съ другихъ сосѣднихъ народовъ. Устрашенные Греки отправили къ нему *Котопана* въ видѣ мнимаго посла. Котопанъ, искусный въ проискахъ и коварствахъ, которыя подъ личиною мнимаго доброжелательства уловляютъ сердца; Котопанъ обольстилъ Ростислава: нещастный Князь ввѣрился врагу, какъ другу. Однажды, когда Ростиславъ пировалъ съ дружиною, мнимый посолъ сказалъ: „Князь! хочу пить за твое здоровье.“ Легковѣрный Ростиславъ отвѣчалъ: *Пей!* Отпивъ изъ кубка, Котопанъ быстро всунулъ въ него палецъ, изъ подъ ногтя испустилъ приготовленный ядъ и сей смертоносный кубокъ поднесъ Ростиславу. Вмѣстѣ съ виномъ Ростиславъ испилъ отраву и смерть. Восхищаясь успѣхомъ злодѣянія, Котопанъ предсказалъ, что Князь умретъ черезъ семь дней, что и сбылось; самъ же поспѣшилъ въ нынѣшнюю Херсонскую область. Корсунскіе жители,

цли Херсонцы, опасаясь мщенія Рускихъ Князей и любя Ростислава, убили Котопана каменьями.

По свидѣтельству лѣтописей, Ростиславъ отличался мужествомъ, величественнымъ станомъ и красотою лица. Сердце его сближалось со страдальцами: бѣдные находили въ немъ помощника и друга. Къ нещастію, добродѣтели, украшавшія Ростислава, не успѣли утвердиться лѣтами и опытомъ: онъ лишился отца своего Владимира Ярославовича въ томъ возрастѣ, когда сердце внемлетъ страстямъ, а не разсудку. Въ порывѣ страстей, онъ первый, по кончинѣ дѣда своего Ярослава, поднялъ знамя раздора и мятежа. Щастливъ тотъ сынъ, который подъ надзоромъ попечительнаго отца утверждается на пути опыта и добродѣтели!

1066 Года *Всеславъ Полоцкій*, по примѣру отца своего *Брячислава*, овладѣлъ Новгородомъ. Сыны Ярославовы, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, къ укрощенію Всеслава, совокупили войска свои; въ жестокую зиму пришли къ *Минску*, взяли городъ и съ защищавшимися жителями поступая немилосердо, не щадили женъ и дѣтей. Оттуда двинулись они къ рѣкѣ *Неману*, куда и Все-

славъ устремился. Въ третій день Марта сошлись сопротивники. Подъ снѣжною тучею началась кровопролитная сѣча. Сыны Ярославовы побѣдили; Всеславъ убѣжалъ. Іюля въ десятый день къ стыду своему и къ пагубѣ земли Руской, умышляя вѣроломство, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ отправили къ Всеславу пословъ сказать: „Мы клянемся жить съ тобою въ мирѣ; зовемъ къ себѣ какъ друга: приди; ничего не опасайся.“ Повѣря клятвѣ, Всеславъ переправился черезъ Днѣпръ у *Орщи*. Дяди его, забывъ Бога и совѣсть, задержали племянника, привезли въ Кіевъ и повергли въ темницу.

Немедленно постигло бѣдствіе области клятвопреступниковъ. Половцы во второй разъ ополчились на землю Рускую. Сыны Ярославовы встрѣтили ихъ на *Алтѣ*, сразились и разсѣялись. Возмущенная совѣсть раждаетъ боязнь и малодушіе. Изяславъ и Всеволодъ бѣжали въ Кіевъ, Святославъ въ Черниговъ. Составя шумную *Вече*, Кіевляне вопіяли: „Князья! Половцы разсѣялись по землѣ Руской; дайте намъ оружіе и коней, мы изгонимъ разорителей.“ Преступникъ всего страшится: опасаясь и враговъ и Кіевлянъ, Изяславъ отказалъ. Раздраженные Кіев-

ляне возопили противъ Воеводы *Коснячки*, обвиняя его въ пораженіи, претерпѣнномъ отъ Половцевъ. Съ площади устремились они на гору къ дому *Коснячки*, не нашли его, и остановясь подлѣ двора Брячеславова, воскликнули: „Пойдемъ! освободимъ изъ заключенія дружину; пойдемъ, освободимъ изъ темницы Всеслава, Брячеславова сына. Онъ храбръ, онъ отваженъ, онъ поведетъ насъ противъ Половцевъ!" Одна толпа Кіевлянъ пошла къ темницѣ, а другая къ мосту. Послѣдняя вступила во дворъ Княжескій, и начала спорить съ Изяславомъ, стоявшимъ у окна. „Князь!" сказалъ ему одинъ изъ приближенныхъ его: „Кіевляне взволновались; пошли новую стражу охранять Всеслава." Уже Кіевляне ворвались въ темницу для освобожденія Всеслава. Дружина Изяславова совѣтовала ему пригласить Всеслава съ притворнымъ дружествомъ и умертвить. „Не хочу!" отвѣчалъ Изяславъ: „Я вызвалъ Всеслава обманомъ, я задержалъ его и повергъ въ темницу; Богъ наказываетъ меня за клятвопреступленіе мое: да будетъ Его воля!" Съ буйственнымъ шумомъ привели Кіевляне освобожденнаго Всеслава на Княжескій дворъ: неистово бросились гра-

бить терема и казну Изяславову. Изяславъ, разкаиваясь, что подалъ Кіевлянамъ примѣръ клятвопреступленія, изъ града отеческаго со скорбію побѣжалъ въ Польшу. Въ отсутствіе Изяславово, Святославъ Черниговскій собравъ наскоро малую дружину, ополчился противъ Половцевъ, снова пришедшихъ разорять Рускія области. Увидя сильное Половецкое войско, Святославъ сказалъ: „Насъ не много, но отступать поздно: сразимся!" Три тысячи Рускихъ поразили двѣнадцать тысячь Половцевъ. Сею побѣдой Руские прославились у стариннаго города *Сіовска*, бывшаго на рѣкѣ *Сіовѣ*, впадающей съ правой стороны въ *Десну*.

1068 Года Изяславъ съ Болеславомъ *Смѣлымъ*, Королемъ Польскимъ, вооружились на Всеслава, который выступя изъ Кіева, пришелъ къ *Бѣлгороду* и ночью убѣжалъ въ Полоцкій свой удѣлъ. Узнавъ о томъ, Кіевляне поспѣшили въ Кіевъ, составили Вече и послали къ Святославу и Всеволоду гонцовъ съ сими словами: „Мы преступники, мы изгнали нашего Князя, а вашего брата! Изяславъ ведетъ на насъ силу Польскую; поспѣшите въ отеческій свой городъ; естьли откажетесь, мы сожжемъ Кіевъ и удалимся

въ страну Греческую." Святославъ отвѣчалъ: „Мы отправимъ къ брату гонцовъ, и естьли онъ не отпуститъ Поляковъ, мы на него возстанемъ." Гонцы, прибывъ къ Изяславу, сказали: „Наши Князья, а твои братья, приказали тебѣ возвѣстить, что Всеславъ бѣжалъ; они просятъ не водить Поляковъ къ Кіеву; имъ жаль града отеческаго; они не допустятъ его разорить." Въ сердцѣ Изяславовомѣ любовь къ родинѣ вступилась за градъ отеческій и побѣдила мщеніе. Отпустя Польское войско, онъ отправился въ путь съ малою дружиной и *Болеславомъ*. Впередъ себя Изялавъ послалъ въ Кіевъ сына своего Мстислава, который казнилъ не только мятежниковъ, выручившихъ изъ темницы Всеслава, но увлекаясь гнѣвомъ, погубилъ и невинныхъ. Самъ ли собою поступилъ Мстиславъ такимъ образомъ, или по отцовскому препорученію, лѣтописи о семъ не повѣствуютъ. Зло, наносимое людямъ, должно означать ясно, или потомство укоритъ невиннаго. Изяславъ не могъ требовать казни мятежниковъ; онъ бѣжалъ изъ Кіева какъ преступникъ, гонимый гнѣвомъ небеснымъ.

Кіевляне вышли на встрѣчу къ Изяславу, винились въ преступленіи своемъ и про-

сили его принять отеческій престолъ. Изъ предосторожности и чтобы предпріятія народа были виднѣе, Изяславъ перевелъ торговые ряды на гору. *Болеславъ* сопутствовалъ Изяславу въ Кіевъ; но видя неприязнь жителей къ Полякамъ, удалился съ ними въ Польшу. Всеславъ изгнанъ былъ изъ Полоцка; Изяславъ отдалъ сей удѣлъ сыну своему Мстиславу, который вскорѣ умеръ. Мѣсто его занялъ Святополкъ. Въ томъ же году Всеславъ выгналъ Святополка изъ Полоцка и самъ былъ побѣжденъ Ярополкомъ.

Разсвирепѣвшія страсти часъ отъ часу умножали мятежи и распри. 1073 Года Святославъ, наруша завѣщаніе отца своего Ярослава, возсталъ на Изяслава и принудилъ его бѣжать изъ Кіева. Домогаясь обладанія, властолюбивый Святославъ обольстилъ и брата своего Всеволода. „Изяславъ," сказалъ онъ: „условился къ пагубѣ нашей со Всеславомъ; предупредимъ коварный ихъ умыселъ, оградимъ себя безопасностію." Всеволодъ впалъ въ сѣти, разставленныя злоумышленіемъ. Нещастный Изяславъ, вторично удалясь въ Польшу съ большою казною, надѣялся приманкою корысти преклонить Поляковъ на свою сторону; но они его ограбили и изгнали.

Святославъ Ярославовичъ.

На престолѣ изгнаннаго брата возсѣлъ Святославъ. 1075 Года приходили въ Кіевъ иностранные послы. Надмѣнный богатствомъ, Святославъ повелѣлъ взорамъ ихъ представить сокровища свои. Благоразумные послы отвѣчали: „Князь! ты хвалишься прахомъ; Государей прославляютъ дѣла, а не мертвыя сокровища.“ Не долго обладалъ Святославъ похищеннымъ престоломъ и прелестями богатствъ; вскорѣ отверзся предъ нимъ мрачный гробъ. Кратковременное Святославово правленіе убѣждаетъ въ томъ, что всѣ замыслы человѣческіе ни что предъ Небесными судьбами, награждающими добродѣтель и наказывающими властолюбіе и алчбу къ корысти.

Возвращеніе въ Отечество и смерть Князя Изяслава.

Еще при жизни брата своего Святослава, Изяславъ изъ Польши принужденъ былъ удалиться въ предѣлы Германскіе къ Императору *Генриху* IV, въ супружествѣ за которымъ была дщерь его *Прасковія*. Пышности

Двора иноземнаго не отвлекли Изяславова сердца отъ родины; мыслями и душею устремлялся онъ къ граду отеческому: опять возвратился въ Польшу и съ ополченіевъ Поляковъ пошелъ къ Кіеву. Всеволодъ на встрѣчу брата отправился на *Волынь*; братья примирились; Изяславъ въ третій разъ занялъ престолъ Кіевскій.

Сыны Святославовы, негодуя на распредѣленіе удѣловъ, пригласили Половцевъ и пришли къ Чернигову. Всеволодъ по причинѣ малаго войска принужденъ былъ бѣжать. Многіе его Воеводы пали на мѣстѣ сраженія; они кровію запечатлѣли службу свою и вѣрность. Борисъ и Олегъ Святославовичи уже мечтали въ упоеніи тщеславія, что вся земля Руская будетъ въ ихъ обладаніи; буйные властолюбцы позабывъ, что есть въ небесахъ праведный Судія, Который потребуетъ отчета въ дѣлахъ, распространили повсемѣстно грабежъ и убійство. Всеволодъ, изгнанный изъ Чернигова племянниками своими, удалился въ Кіевъ, гдѣ узналъ, что у него есть братъ и другъ. Со слезами раскаянія Всеволодъ устремился въ объятія Изяслава, которому наносилъ обиды и скорби; изгнанникъ искалъ утѣшенія у сердца брата, имъ нѣкогда из-

гнаннаго. „Милый брашъ!" сказалъ Всеволодъ Изяславу: „Я оскорблялъ тебя; повѣря Святославу, я былъ твоимъ врагомъ; я наказанъ — и я странствую безъ пристанища, и я лишился престола; все у меня отнято: со мною осталось одно раскаяніе!" Великодушный Изяславъ, испытанный бѣдствіями мятежной жизни, принялъ къ сердцу скорбь и страданіе нещастнаго Всеволода. „Братъ!" сказалъ онъ: „Не тужи; вспомни, что я претерпѣлъ. Расхитили мои сокровища, изгнали меня изъ града отеческаго; невѣрные союзники отняли у меня все на чужой сторонѣ; я спѣшилъ къ братьямъ, и они снова меня изгнали. Въ нищетѣ и скорби скитался я по областямъ иноплеменнымъ; страдалъ, проливалъ слезы и вездѣ желалъ добра землѣ Руской; вездѣ подкрѣплялся моею невинностію. . . . Не тужи и ты: мы вмѣстѣ будемъ щастливы, или вмѣстѣ всего лишимся; не пощажу за тебя жизни!"

Голосъ братской любви отозвался въ сердцѣ страдальца: Всеволодъ утѣшился. Изяславъ рѣшился или умереть, или защитить брата. Въ походъ съ собою взялъ онъ сына своего Ярополка; Всеволода сопровождалъ Владиміръ. Олегъ и Борисъ отъ гроз-

ной тучи удалились въ Тмутаракань, приказавъ Черниговцамъ отстаивать городъ. Видя упорность ихъ, Изяславъ выжегъ предмѣстіе; дружина Черниговская засѣла въ крѣпости. Между тѣмъ пришла вѣсть, что Олегъ и Борисъ идутъ съ малыми войсками; Изяславъ и Всеволодъ, оставя осаду, поспѣшили къ нимъ на встрѣчу, предупреждая соединеніе ихъ съ Половцами. Устрашенный Олегъ совѣтовалъ Борису примириться съ дядями; Борисъ, ослѣпленный презорствомъ, отвѣчалъ: „Мирись, естьли хочешь, унижайся предъ дядями, ищи ихъ милостей; я не покорюсь — одинъ пойду противъ всѣхъ.“ Нещастный Борисъ не помнилъ, что Богъ уничтожаетъ гордость и возноситъ смиреніе! У села *Ненажитина Нивы* сошлись сопротивники; Борисъ въ первомъ бою палъ, и съ нимъ пали всѣ высокомѣрныя надежды. Мужественный Изяславъ стоялъ съ пѣхотою, ободряя воиновъ примѣромъ своимъ. Внезапно изъ полковъ сопротивныхъ наскакалъ всадникъ и поразилъ его копьемъ между плечь. Великодушный братъ погибъ, защищая брата; онъ не измѣнилъ своему слову, онъ не пощадилъ для него жизни! Смерть постигла Изяслава 1078 года въ третій день Октя-

бря; въ тотъ же день послѣ упорной и кровопролитной битвы Олегъ съ разстроенными своими полками бѣжалъ въ Тмутараканскую область.

Претерпѣвая различныя превратности, Изяславъ княжилъ 34, а жилъ 53 года; тѣло его привезено было въ лодкѣ и поставлено противъ *Городца* или *Юрьева*, находившагося при устьѣ рѣки *Остра* на лѣвой сторорѣ Десны. Весь сѣтующій Кіевъ двинулся на встрѣчу убіеннаго Изяслава. По обыкновенію того времени, тѣло его возложили на сани. Раздалось священное пѣніе, заглушаемое воплями и рыданіемъ. Ярополкъ, Изяславовъ сынъ, предводя дружину, шелъ съ поникшею головою и проливалъ слезы. Изяславъ положенъ въ мраморномъ гробѣ въ храмѣ Божіей Матери. Долго помнили Кіевляне своего Князя, который блистая величествомъ и красотою, былъ другомъ правды и врагомъ лукавства. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Изяславъ *никогда не платилъ зломъ за зло.*

Всеволодъ Ярославовичъ.

На отцовскій и братній престолъ вступилъ Всеволодъ 1078 года. Сыну своему Владиміру далъ Черниговскій удѣлъ, Ярополку назначилъ Владиміръ, присовокупя *Туровъ*.

Въ слѣдующій годъ Князь Романъ Ольговичь, подражая властолюбію отца своего и обольстя Половцевъ надеждою корысти, устремился съ ними къ Кіеву. Всеволодъ на стражу Кіевскихъ предѣловъ сталъ у Переяславля; буйный Романъ устрашился и пошелъ въ обратный путь. Обманутые Половцы убили Романа. Такъ гибнутъ измѣнники родству и Отечеству! Не миновалъ наказанія и Олегъ, воевавшій съ дядею своимъ Изяславомъ. Козары увезли его за море къ Царьграду. Вмѣсто престола получилъ онъ оковы.

1080 Года *Торки* ополчились на Рускую землю. Всеволодъ приказалъ Владиміру отразить враговъ; послушный сынъ увѣнчался побѣдой.

1081 Года посаженный Всеволодомъ Посадникъ, изгнанъ былъ изъ Тмутаракани Князьями Давидомъ и Володаремъ Ростиславичами; они не долго торжествовали. Воз-

вратясь изъ Греціи, Олегъ принудилъ ихъ удалиться и въ то же время предалъ казни нѣсколькихъ *Козаръ*, поощрявшихъ къ мятежамъ брата его Бориса и его самаго.

Предлагая дѣянія, Несторъ въ Лѣтописцѣ своемъ не упускаетъ важнѣйшей исторической цѣли; онъ показываетъ причину происшествій. Мятежи Рускихъ удѣльныхъ Князей происходили отъ того, что они обольщались совѣтами развратныхъ временщиковъ: они не могли имѣть вѣрныхъ служителей; они пренебрегали отцовскія дружины, собирали новыя, и опытную старость мѣняли на легкомысленную юность.

Ярополкъ, сынъ Изяславовъ, по наущенію коварныхъ совѣтниковъ, 1085 года дерзнулъ возстать на дядю своего Всеволода, за котораго отецъ его не пощадилъ жизни. Всеволодъ отправилъ Владимира къ укрощенію мятежнаго племянника. Устрашенный Ярополкъ оставилъ въ *Луцкѣ* дружину, мать, супругу и въ трепетѣ побѣжалъ въ Польшу. Владимиръ препроводилъ семейство его къ Кіевъ. Почувствовавъ расканіе, Ярополкъ возвратился въ родной край и заключилъ миръ съ Владимиромъ, который и отошелъ въ Черниговскій свой удѣлъ. Вскорѣ отправил-

ся Ярополкъ къ *Звенигороду*, находившемуся близъ Кіева на рѣкѣ *Ветѣ*, гдѣ и теперь видѣнъ валъ влѣво отъ дороги. Ярополкъ, услаждаясь воспоминаніями о свиданіи съ матерью и супругой, безпечно лежалъ въ колесницѣ своей; вѣроломный его служитель *Нерядецъ* подъѣхалъ къ нему и вонзилъ въ него мечь. Вырвавъ смертоносное остріе изъ раны, Ярополкъ воскликнулъ: „Злой врагъ меня погубилъ!" Злодѣй убѣжалъ къ Рурику, сыну Ростиславову. Покровительствомъ своимъ убійцѣ, Рурикъ возбудилъ подозрѣніе, что онъ виновникъ убіенія Ярополка. Нещастный Ярополкъ привезенъ былъ въ Кіевъ и съ честію погребенъ въ церкви *Апостола Петра*, которую при жизни своей началъ созидать. Сей Князь украшался кротостію, смиреніемъ, братолюбіемъ и благочестіемъ. Многіе изъ Русскихъ удѣльныхъ Князей отличались таками же добродѣтелями. Въ спокойное время они были блюстителями правосудія, подданныхъ искренно любили; но вооружаясь на родственниковъ, алкали крови и разоренія. Сія противоположность происходила отъ слѣпой довѣренности къ развратнымъ временщикамъ и отъ пренебреженія мужей, служившихъ отцамъ ихъ вѣрой и правдой. Не-

постоянство въ жизни семейственной и въ управленіи общественномъ лишаетъ безопасности и довѣренности, цвѣтущихъ подъ сѣнію опытности и благоразумія.

1088 Года *Болгары*, называвшіе себя *Билярами* и жившіе по Волгѣ отъ устья Оки внизъ до *Хвалисовъ* или *Нижнихъ Болгаръ*, ополчились на Муромъ и овладѣли имъ. Думаютъ, что названіе *Болгаръ* произошло отъ собственнаго имени *Билляръ*, или отъ столичнаго ихъ города *Болгарда*. Вѣроятно, что отъ жительства ихъ по берегамъ *Волги*, и сія рѣка, называвшаяся издревле рѣкою *Идель* или *Ра*, прoименована *Волгою*.

1090 Годъ достопамятенъ обрѣтеніемъ мощей *Өеодосія Печерскаго*, перваго установителя въ Россіи общежительнаго порядка въ обителяхъ. Лѣтописи говорятъ, что сей праведный мужъ пріучался къ подвигамъ добродѣтели подъ руководствомъ благочестивыхъ родителей, и лишась ихъ, *усыновилъ себя Богу*. Преподобный Несторъ собственными руками трудился при открытіи его мощей. Тогдашній Игуменъ *Іоаннъ*, усердствуя къ памяти праведника, сказалъ: „Отецъ нашъ Өеодосій долженъ лежать въ обители и въ церкви, имъ основанной." Воспоминаніе о под-

вигахъ друзей Вѣры и добродѣтели есть надежнѣйшая подпора на скользкихъ путяхъ жизни.

Въ томъ же году было солнечное затмѣніе и многіе слышали стукъ поколебавшейся земли. Вскорѣ потомъ посреди неба явился обширный кругъ. Отъ сильнаго лѣтняго зноя горѣли нивы, боръ и болота. За сими небесными знаменіями зашумѣли въ землѣ Руской раздоры и брани. Половцы овладѣли многими городами и селеніями по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Къ бѣдствіямъ войны присовокупился моръ. Отъ различныхъ недуговъ умирало множество людей; для означенія могилъ едва успѣвали дѣлать кресты. Жертвою мора былъ и Рурикъ, сынъ Князя Ростислава. Между тѣмъ подъ грозною тучей злоключеній, неустрашимый его братъ Князь *Василько Ростиславичь*, съ воинствомъ Половцевъ ворвался въ Польскіе предѣлы. Отважность Князя Васильки возбудила боязнь и зависть.

1093 Года Апрѣля тринадцатаго умеръ Великій Князь *Всеволодъ Ярославичь.* Тѣло его погребено въ Софійской церквѣ. Отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ онъ шелъ путями Вѣры и правды, былъ *кормителемъ* бѣдныхъ и отрадою страдальцевъ. Въ зрѣломъ воз-

растѣ никогда не предавался разврату страстей и шумнымъ пиршествамъ; за такія добродѣтели прилѣпилось къ нему сердце отца его Ярослава. „Сынъ мой!“ сказалъ онъ ему однажды: „за кротость, за добродѣтели ты будешь щастливъ; ты будешь награжденъ Небесами за успокоеніе старости твоего отца. Послѣ братьевъ своихъ ты достигнешь престола правдою, а не насильствомъ; и когда Богъ отведетъ тебя отъ міра сего во гробъ, прахъ твой ляжетъ тамъ, гдѣ будетъ лежать мой прахъ. Ты не оставлялъ меня при жизни; и по смерти хочу быть съ тобою неразлученъ.“ Сбылось предреченіе нѣжнаго родителя.

Добродѣтель испытуется бѣдствіями. На престолѣ Кіевскомъ Всеволодъ узналъ, что величіе и власть сулятъ, а не доставляютъ спокойствія. Племянники его, возбуждаемые завистью и властолюбіемъ, требовали непрестанно то одного, то другаго удѣла. Отдавшись на произволъ юныхъ временщиковъ и подлыхъ ласкателей, пренебрегая отцовскихъ совѣтниковъ, посѣдѣвшихъ въ подвигахъ ратныхъ и дѣлахъ гражданскихъ, они истребили судъ и правду. Новые ихъ Намѣстники не исполняли законовъ, но торго-

вали ими. Скорбя о разврате племянников своихъ, сѣтуя о бѣдствіяхъ земли Руской, Всеволодъ ощутилъ ослабленіе тѣлесныхъ силъ; съ умноженіемъ народнаго злополучія умножались его скорби и болѣзни; душа его изнемогала съ изнеможеніемъ родной страны. Страдая скорбію по Отечествѣ и почувствовавъ приближеніе смерти, Всеволодъ послалъ въ Черниговъ за сыномъ своимъ Владиміромъ, который всегда радовалъ и никогда не огорчалъ отцовскаго сердца. Въ присудствіи Владиміра и брата его Ростислава, Всеволодъ успокоился отъ тревbooлненій жизни и отошелъ въ жилище предковъ съ тѣмъ безмятежіемъ, съ какимъ отходятъ отсюда друзья Вѣры и добродѣтели. Оплакавъ отца своего, Владиміръ сказалъ: „Я не займу Кіевскаго престола, не нарушу старшинства; уступлю его Святополку отецъ его Изяславъ прежде отца моего владѣлъ въ Кіевѣ. Изяславъ пожертвовалъ жизнію за родителя моего; не оскорблю его сына. Пусть онъ увидитъ, что сынъ Всеволодовъ уважаетъ память великодушнаго отца его.“ Такъ отвѣчалъ Владиміръ Кіевлянамъ, убѣждавшимъ его княжить надъ ними. Немедленно отправя нарочнаго къ Святополку Изяславичу, чтo-

бы онъ поспѣшилъ въ Кіевъ, самъ удалился въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ въ Переяславль. Сыны Всеволодовы не возмутили спокойствія земли Руской: у смертнаго его одра узнали они цѣну жизни добродѣтельной. Смерть добродѣтельнаго отца есть лучшее поученіе для сыновъ, достойныхъ сего имени.

Святополкъ Изяславичъ.

1093 Года 24 Апрѣля *Святополкъ Изяславичь* изъ Туровскаго своего удѣла прибылъ къ Кіеву. Желая узнать расположеніе Кіевлянъ и увлекаясь склонностію къ подозрѣнію, онъ остановился неподалеку отъ города. Извѣстясь, что Кіевляне не скорбятъ уже о томъ, что Владиміръ отвергъ ихъ просьбу, восхищенный Святополкъ поспѣшилъ принять Великокняжескій престолъ. Безпокойные Половцы, думая, что Всеволодъ еще живъ и по причинѣ болѣзни своей не можетъ ополчиться, снова устремились въ области Рускія; но услыша, что въ Кіевѣ княжитъ Святополкъ, отправили къ нему пословъ съ предложеніемъ мира. Святополкъ, присовокупляя къ недовѣрчивости высокомѣ-

ріе, не хотѣлъ призвать на совѣтъ опытныхъ мужей, служившихъ при отцѣ и дядѣ его; по наущенію легкомысленной своей дружины приказалъ захватить Половецкихъ пословъ и содержать ихъ подъ стражей. Раздраженные Половцы съ многочисленными полками окружили Кіевскій городъ *Торческъ*, бывшій на рѣкѣ *Рси* или *Роси*. Видя опасность, происшедшую отъ недовѣрія къ совѣтникамъ опытнымъ и благоразумнымъ, Святополкъ убѣждалъ Половцевъ къ миру; они отвергли его предложеніе и грозно разсѣялись по предѣламъ земли Руской. Святополкъ собрался въ походъ. „Не ходи," говорили ему опытные Полководцы: „У тебя мало войска; неустрашимость должна сопровождаться благоразуміемъ." Кичливый Святополкъ отвѣчалъ: „У меня восемь сотъ воиновъ; съ ними ударю на Половцевъ." Началось преніе. Легкомысленные говорили: „Иди, Князь! ты побѣдишь, ты прославишься!" Опытные возражали: „Не ходи, Князь! не довольно и осми тысячь воиновъ. Кіевская страна оскудѣла отъ мора и разоренія; отправь гонцовъ къ Владиміру *Мономаху;* совокупись съ его дружиной, и тогда ты можешь увѣнчаться побѣдой." Принявъ наконецъ совѣтъ благоразум-

ныхъ, Святополкъ отправилъ гонцовъ къ Владимиру; который непоколебимо усердствуя къ Отечеству, упросилъ и брата своего Ростислава выступить въ поле изъ Переяславля. Подъ стѣнами Кіева, у обители *Святаго Михаила*, соединились Черниговскіе полки съ полками Кіевскими. Отъ высокомѣрія Святополкова произошла вражда между Князьями. Вѣрные служители отцовъ ихъ, ревностно исполняя свой долгъ, сказали имъ: „Князья! Половцы разоряютъ землю Рускую, враги грозятъ намъ погибелью; прекратите вражду. Опасны враги внѣшніе, еще бѣдственнѣе раздоры домашніе; пожалѣйте о землѣ Руской, совокупитесь оружіемъ и душами, ополчитесь на враговъ, или заключите съ ними миръ." Вѣрность восторжествовала, вражда братьевъ прекратилась; не соглашались только: миръ ли заключить, или начать войну. Святополкъ желалъ войны; Владимиръ мира. Святополкъ превозмогъ; Владимиръ выступилъ въ походъ съ Кіевскимъ Княземъ, и у города *Триполя* соединясь съ Ростиславомъ, пошли къ рѣкѣ *Стугнѣ*. Тамъ собрались на совѣтъ Княжескія дружины; Владимиръ сказалъ: „Въ боевомъ порядкѣ останемся за рѣкою; Половцы со-

гласятся на миръ: рѣка въ сильномъ половодьѣ, они не отважутся ее перейти." Всѣ опытные Полководцы то же утверждали. Воины Святополковой дружины возразили: „Не останемся за рѣкою; хотимъ сражаться; ведите насъ." Избѣгая междоусобной вражды, Владимиръ согласился. Святополкъ повелъ правое крыло, Владимиръ лѣвое, Ростиславъ средину. По причинѣ трудной переправы черезъ рѣку, Руския войска растянулись.

Миновавъ *Триполь*, они перешли валъ и расположились между двумя валами, изъ которыхъ одинъ окружалъ городъ, а другой служилъ для стражи, наблюдавшей непріятеля. Предупреждая соединеніе Рускихъ полковъ, Половцы стѣснили войска свои, пустили впередъ стрѣлковъ и всѣми силами ударили на Святополка. Хотя Кіевское войско разстроилось, но долго и упорно сражалось. Между тѣмъ Святополкова дружина, хвалившаяся по ту сторону рѣки, первая уныла въ часъ опасности, побѣжала и увлекла съ собою Святополка. Разбивъ правое крыло, Половцы ударили на Владимира. Мужественно сражался Владимиръ; но наконецъ вмѣстѣ съ Ростиславомъ уступилъ

сильному напору и многочисленности Половцевъ. Прибѣжавъ къ рѣкѣ *Стугнѣ*, Владимиръ и Ростиславъ пустились вплавь. Вскорѣ Ростиславъ сталъ тонуть; Владимиръ бросился къ нему на помощь, хотѣлъ извлечь изъ воды, и едва самъ не погибъ. Скорбя о бѣдственной кончинѣ брата, скорбя о томъ, что пренебрегли совѣты его, полезные Отечеству, и оплакивая смерть многихъ знаменитыхъ Полководцевъ, павшихъ на мѣстѣ сраженія, Владимиръ отправился къ Чернигову. Тѣло Ростислава отыскали въ рѣкѣ и принесли въ Кіевъ. Ростиславъ былъ еще въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Возрыдала мать его и съ нею возрыдали всѣ матери при видѣ юноши, пораженнаго безвременною смертію. Ростиславъ погребенъ въ Софійской церкви подлѣ отца своего Всеволода.

Между тѣмъ Половцы разоряли Кіевскія области и осаждали городъ *Торческъ*, гдѣ защищались *Торки*, помогавшіе Святополку. Святополкъ вторично ополчился на Половцевъ, и претерпѣвъ у *Триполя* сильное пораженіе, едва спасся съ тремя воинами дружины своей. Половцы возвратились къ *Торческу*; изнемогая отъ голода, ратные люди сдались на условіе. Не уважая договора, По-

ловцы выжгли городъ. „Сія казнь," говоритъ Несторъ: „постигла Рускихъ за развратъ и неустройство."

1094 Года, терпя сильное утѣсненіе отъ Половцевъ, Святополкъ заключилъ съ ними миръ и взялъ въ супружество дщерь *Тугоркана*, Князя Половецкаго.

Безпокойный Олегъ Святославичь, какъ будто бы радуясь злоключеніямъ земли Руской, согласясь съ Половцами, пришелъ изъ Тмутаракани къ Чернигову. Владимиръ затворился въ городѣ; Олегъ выжегъ предмѣстіе и въ буйствѣ своемъ не пощадилъ святыхъ обителей.

Примирясь съ Олегомъ, Владимиръ пошелъ въ Переяславль, гдѣ княжилъ нѣкогда отецъ его Всеволодъ; Олегъ занялъ Черниговъ, принадлежавшій отцу его Святославу. Ожесточенный развратомъ и буйствомъ, Олегъ самъ отдалъ Черниговъ на разореніе Половцамъ. Въ теченіи сего года въ первой разъ налетѣла саранча на землю Рускую и истребила множество нивъ и луговъ.

1095 Года Половцы устремились на Грековъ, но безъ успѣха. Вождь ихъ *Девгеневичь* взятъ былъ въ плѣнъ и лишенъ зрѣнія. Тогожъ года Вельможи Половѣцкіе *Итларь* и

Китанъ отправлены были къ Владимиру съ предложенiемъ мира. *Итларь* съ отборною дружиною вошелъ въ Переяславль; *Китанъ* остановился между валами, которыми окапывали города, смежные съ Половецкими областями. Въ залогъ безопасности Владимiръ отдалъ Китану сына своего Святослава.

Въ сiе самое время для переговоровъ пришелъ къ Владимиру изъ Кiева Святополковъ Вельможа *Славята*, и преклоня на свою сторону Переяславскую *Ратиборову* дружину, поощрялъ Владимира истребить *Итлара* и воиновъ его. „Не посягну на жизнь ихъ,“ сказалъ Владимиръ: „Я поклялся, что они будутъ безопасны: я отдалъ имъ въ залогъ сына моего.“ — „Князь!“ возразилъ *Ратиборъ*: „сколько разъ клялись Половцы не губить земли Руской, и не всегда ли нарушали клятву? Не всегда ли, заключа притворный миръ, снова упивались кровiю людей Рускихъ? Князь ихъ *Соколъ* не выжегъ ли въ окрестностяхъ Переяславля всѣ селенiя, не отвелъ ли въ плѣнъ отцевъ и женъ нашихъ? Мы и теперь не безопасны: *Итларь* съ отборною дружиной внутри города; *Китанъ* разположился между валами. Можетъ быть они уже условились избрать способный часъ

и умертвить насъ за то, что мы щадимъ враговъ и разорителей Отечества. Сына твоего клянемся выручить изъ рукъ Половцевъ.“ Владимиръ невольно согласился. Святополковъ Вельможа Славята именемъ Князя своего требовалъ истребленія Половцевъ; удѣльные Князья обязаны были повиноваться Владѣтельному Князю. — Дружины Половецкія были истреблены, а сынъ Владимировъ выручен изъ подъ залога. Въ сихъ обстоятельствахъ, Олегъ Тмутараканскій возбудилъ противъ себя Святополково негодованіе за то, что вмѣстѣ съ нимъ и съ Владимиромъ не ополчился на Половцевъ и принялъ къ себѣ сына *Итларова.* — Половцы учинили нѣсколько набѣговъ и сожгли Кіевскій городъ *Юрьевъ*, откуда Святополкъ заблаговременно перевелъ жителей въ городъ, имъ основанный и названный *Святополковымъ городомъ*.

Изыскивая всѣ средства къ обузданію буйнаго Олега, Святополкъ и Владимиръ отправили къ нему 1096 года пословъ съ сими словами: „Пріѣзжай въ Кіевъ; мы намѣрены предъ лицемъ духовныхъ, въ присутствіи мужей, служившихъ отцамъ нашимъ и при собраніи градскихъ Старшинъ учинить разпорядокъ и принять нужныя мѣры къ оборонѣ

земли Руской отъ нашествія иноплеменниковъ." Ласкатели Олеговы, стараясь удержать его въ сѣтяхъ своихъ, говорили ему; „Князь! не уничижай себя; ни духовные, ни служители отцовскіе не могутъ тебѣ ничего предписывать; ты самъ себѣ судья." Уловленный коварствомъ ласкателей, Олегъ отвѣчалъ: „Не пойду ни на судъ духовныхъ, ни на судъ простолюдимовъ." На сей отвѣтъ Князья возразили: „Олегъ! ты не ополчаешься съ нами на иноплеменниковъ, и ты нейдешь на совѣтъ соотечественниковъ; ты помогаешь врагамъ: Богъ тебѣ Судья; Онъ видитъ, что мы принуждены на тебя вооружиться." Вскорѣ соединенное войско Князей приспѣло къ Чернигову; Олегъ скрылся въ *Стародубъ*, и затворясь въ немъ, просилъ мира. Князья отвѣчали ему: „Иди въ престольный градъ отцевъ нашихъ; Кіевъ есть старшій городъ: въ немъ должны мы съѣхаться и учредить распорядокъ." Долго упорствовалъ Олегъ, долго возмущалъ онъ спокойствіе земли Руской; наконецъ 1097 года учредилось совѣщаніе, на которое съѣхались къ Черниговскому городу *Любечу* Святополкъ, Владиміръ, Давидъ Игоревичь, Василько Ростиславичь, Давидъ Святославовичь и братъ

его Олегъ. „Почто," сказали Князья: „Почто губимъ мы землю Рускую; почто свирѣпствуемъ другъ противъ друга въ мятежахъ и браняхъ? Мы воспаляемся ненавистію, а враги наши торжествуютъ; мы ссоримся за удѣлы, а Половцы расхищаютъ области наши. Къ соблюденію земли Руской, къ охраненію удѣловъ нашихъ соединимся однимъ сердцемъ и душею; будемъ довольствоваться наслѣдствомъ отцовскимъ; облобызаемъ въ томъ крестъ, что естьли кто на кого возстанетъ, на того воздвигнется и крестъ Господній, и мы всѣ, и вся земля Руская."

Воцарилась тишина въ землѣ Руской, но не надолго. Три коварные совѣтника, *ТирякЪ*, *Лазарь* и *Василій*, устрашась общаго согласія, которое оковало имъ руки на грабительство и пагубу соотечественниковъ, начали поощрять къ раздору Князя своего Давида Игоревича. „Тебѣ извѣстенъ," вѣщали сіи злодѣи: „подозрительный правъ Святополка; скажи ему, будто бы *Князь Василько Ростиславичь* и Владиміръ Мономахъ умыслили васъ погубить. Увѣрь Князя Кіевскаго, будто бы Василько причиной убіенія брата его Ярополка. Разсоря Святополка съ Владиміромъ, погубя Васильку, ты откроешь

себѣ свободный путь къ обладанію. Не медли, возпульзуйся примиреніемъ Князей; предпріимчивость и отважность во всемъ успѣютъ. Ты рожденъ къ великимъ дѣламъ; ты не долженъ быть владѣльцемъ ничтожнаго удѣла.“

Обольщенный лестію развратныхъ временщиковъ, упоенный надеждою обладанія, Давидъ Игоревичь изъ Владимирскаго своего удѣла поспѣшилъ въ Кіевъ. „Святополкъ!“ сказалъ онъ: „Новые ковы противъ тебя сплетаются: Владимиръ Мономахъ обольщаетъ тебя мнимою дружбою; онъ твой первый врагъ. Надѣясь на Кіевлянъ, которые предлагали ему Кіевскій престолъ по смерти отца твоего Изяслава, онъ преклонилъ на свою сторону дерзскаго и предпріимчиваго Князя Васильку Ростиславича. Въ тѣ бѣдственные дни, когда Половцы разоряли Кіевскія области, когда моровое повѣтріе поражало Кіевъ, властолюбивый Василько, приглася Половцевъ, неукротимыхъ враговъ земли Руской, устремился съ ними нъ предѣлы Польскіе. Отечество страдало, а онъ мыслилъ о личныхъ своихъ выгодахъ, о личной своей славѣ. Припомни смерть брата своего Ярополка

убійца его убѣжалъ къ Рурику, брату Васильки. Но Рурика не справедливо обвиняли; онъ не способенъ къ великимъ злодѣяніямъ: высокомѣрный Василько, убійца брата твоего; предупреди угрожающую тебѣ пагубу; престолъ твой колеблется." Возмутясь въ мысляхъ своихъ, Святополкъ отвѣчалъ: ,,Естьли ты правду говоришь; то Богъ да будетъ свидѣтелемъ твоихъ словъ: естьли ты клевещешь по зависти; то Богъ да будетъ тебѣ Судіей!' Видя Святополкову нерѣшимость, Давидъ воскликнулъ: ,,Кровь, кровь брата твоего вопіетъ отмщеніемъ!" Святополкъ прослезился. Пользуясь симъ мгновеніемъ, Давидъ прибавилъ: ,,Не медли, сохраняй свою жизнь, погуби Васильку; или ни мнѣ, ни тебѣ не владѣть. Василько и Владиміръ условились убить родственниковъ своихъ и воцариться въ землѣ Руской."

Лесть и коварство всегда гнали невинность и добродѣтель. Давидъ клеветалъ на двухъ лучшихъ Рускихъ Князей; ни Владиміръ, ни Василько ничего о томъ не знали. Великія души гнушаются происками злодѣевъ. *Ноября* четвертаго 1097 года Князь Василько Ростиславичь, переправясь черезъ Днѣпръ у *Выдобичскаго* урочища, гдѣ при Владимірѣ

Первомъ поверженъ былъ Перунъ, пошелъ посѣтить обитель Святаго Михаила. Къ вечеру возвратился онъ къ обозамъ своимъ. Святополкъ посылаетъ звать его на имянины. Василько отвѣчалъ: „Не могу остаться; военныя обстоятельства отзываютъ меня въ *Теребовльской* мой удѣлъ. Коварный Давидъ, какъ будто бы отъ доброжелательства, отправляетъ къ нему служителя съ сими словами: „Повинуйся старшему родственнику; пойдемъ оба къ Святополку.“ Василько то же отвѣчаетъ Давиду, что и Святополку. Злоумышленіе изливаетъ ядъ и на самые невинные поступки. „Ты видишь,“ говоритъ Давидъ Святополку: „Ты видишь, какъ Василько презираетъ старшинство твое въ землѣ Руской. Онъ уважаетъ одного Владимира Мономаха; тебя не хочетъ навѣстить въ день имянинъ твоихъ; для него — подниметъ противъ тебя оружіе. Не упускай изъ рукъ своихъ Васильки, или ты самъ отъ него погибнешь. Убѣди его придти сюда, поручи его мнѣ; я стражемъ буду общаго нашего врага.“ Святополкъ немедленно посылаетъ къ Василькѣ третьяго гонца съ вѣстію, будто бы Князья зовутъ его для

важныхъ переговоровъ. Василько отправился. Жители Кіевскіе любили Васильку; одинъ изъ нихъ увѣдомляетъ его, что Святополкъ готовитъ ему пагубу, и убѣждаетъ, чтобы онъ не ѣхалъ въ Кіевъ. „Я поѣду!" восклицаетъ великодушный Василько. „Не всѣ ли Руские Князья на общемъ съѣздѣ цѣловали крестъ въ залогъ мира и любви? Противъ нарушителей клятвы Богъ и мы всѣ; во всемъ поручаю себя Богу: да будетъ Его воля!" Ознаменовавшись крестомъ, Василько, въ сопровожденіи малой дружины, спѣшитъ къ Княжескому дому. Святополкъ встрѣчаетъ его на дворѣ, вводитъ въ покой и проситъ остаться у него до дня имянинъ его. Василько тѣ же повторяетъ извиненія. Святополкъ выходитъ, будто бы для приказанія, чтобы готовили завтракъ. Василько спокойно продолжаетъ разговоръ съ Давидомъ, которой невольно смущаясь въ совѣсти своей, не могъ промолвить ни слова. Присутствіе невинности оковало уста и слухъ; сердце его волновалось страхомъ и коварствомъ. Боясь обнаружить злоумышленіе свое, Давидъ выходитъ: стража вбѣгаетъ и налагаетъ на Васильку *двойныя оковы.*

На другой день Святополкъ созвалъ Вельможъ Кіевскихъ и сказалъ: „Князь Давидъ Игоревичь объявилъ, что Василько, убійца брата моего Ярополка, а теперь вмѣстѣ съ Владимиромъ условился лишить меня престола и жизни.“ Вѣрные Кіевскіе Вельможи отвѣчали: „Князь! ты долженъ соблюдать честь и жизнь свою; но прежде разсмотри и изслѣдуй истину. Естьли Давидъ правду говоритъ, то да накажется Василько; естьли же онъ клевещетъ на невиннаго, то да понесетъ казнь за клевету. Задержи Давида и Васильку; пригласи Князей на судъ; разбери съ ними, кто правъ и кто виноватъ.“ Духовные съ такою же неустрашимостію предстательствовали за Васильку. „Богъ,“ говорили они: „Богъ вступится за невиннаго страдальца; Онъ взыщетъ съ тебя кровь его.“ Нещастный Святополкъ, смущаемый подозрѣніемъ, *не вѣрилъ ни себѣ, ни совѣсти своей;* сердце его омертвѣло къ вѣщаніямъ истины: онъ внималъ однимъ наущеніямъ злобы и клеветы. По словамъ Лѣтописи, Давидъ *смялъ умъ* Святополковъ. Владѣтельный Князь земли Руской сталъ рабомъ коварнаго клеветника; въ разстройствѣ душевномъ, въ ослѣпленіи разсудка, онъ опі-

далъ Васильку въ руки изверга. Давидъ немедленно отправилъ его къ *Бѣлгороду*, находившемуся отъ Кіева въ сорока верстахъ, и далъ приказъ лишить зрѣнія. Немилосердые приставы невиннаго страдальца, встрѣтя на дорогѣ баню, повергли его въ оную. *Турчинъ Берендей*, Святополковъ служитель, началъ острить ножъ и растилать коверъ. Видя сіи приготовленія, Василько узналъ, какой жребій ему готовятъ. „Боже!" возопилъ онъ: „Ты свидѣтель моей невинности, Тебѣ поручаю мое семейство, — Ты Богъ правды и милосердія!" Князь Василько былъ исполинъ душею и крѣпостію тѣлесной. Обремененный оковами, онъ долго боролся съ тремя палачами своими; ни звукъ оковъ, ни вопли страдальца, ничто не потрясло душъ свирѣпыхъ убійцъ. *Турчинъ Берендей* остріемъ ножа поразилъ очи изнеможенной жертвы. Отъ продолжительной борьбы, отъ жестокой боли, Василько омертвѣлъ. Безжалостно повергли его на сани и помчали по замерзшей и безснѣжной землѣ въ удѣлъ Князя Давида, во Владимиръ *на Волыни*. Проѣхавъ *Вздвиженскій мостъ*, злодѣи остановились у жены церковнаго служителя и приказали ей вымыть окровавленную ру-

башку Князя Васильки. Взглянувъ на страдальца, жена церковника заплакала и зарыдала. Вопль ея возбудилъ Васильку отъ безпамятства. „Куда меня везутъ?" сказалъ онъ: „Я слышу, надо мною плачутъ; сжальтесь, дайте мнѣ хотя каплю воды: изнемогаю отъ жажды." Съ освѣженіемъ запекшихся устъ оживилась душа страдальца, слезы потекли изъ померкшихъ его очей. „Никогда уже," продолжалъ онъ: „Никогда не увижу ни милой жены, ни милыхъ чадъ моихъ." И вдругъ, ощупавъ рубашку, воскликнулъ: „Почто сняли съ меня *кровавую рубашку?* Въ ней хочу умереть; въ ней хочу предстать предъ Богомъ!"

Въ шестой день Декабря привезли Васильку во Владиміръ на *Волынь;* въ то же самое время пріѣхалъ и Давидъ, торжествуя, что жертва его ненависти въ рукахъ его. Васильку заключили во *дворѣ Вакіевомъ* и приставили тридцать стражей, подъ начальствомъ *Улана* и *Кончу.*

Разнеслась плачевная вѣсть по всей землѣ Руской о Князѣ Василькѣ. Ужаснулся Владиміръ Мономахъ, горько возстеналъ и воскликнулъ: „Ни при прадѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ не было въ землѣ Руской

такого зла!" Немедленно разослалъ онъ гонцевъ къ удѣльнымъ Князьямъ съ симъ приглашенiемъ: „Вооружитесь! совершилось злодѣйство, неслыханное въ землѣ Руской. Горе намъ будетъ, естьли оставимъ *ножъ поверженный между братiй!* Зашумятъ распри и мятежи, возрадуются о несогласiи нашемъ иноплеменники; они вторгнутся въ предѣлы нашего Отечества; погибнетъ земля Руская. Святополкъ и Давидъ нарушили клятву; нещастный Василько ослѣпленъ; онъ въ оковахъ, онъ въ темницѣ. . . Не медлите! вооружайтеся! вступитесь за брата, за родственника, за невиннаго страдальца!"

При сей вѣсти Князья возопили въ слезахъ: „Не было такого зла въ землѣ Руской!" и пошли соединиться съ Владимиромъ, которой съ войскомъ стоялъ на бору у Кiевскаго *Городца.* По прибытiи Князей отправили пословъ сказать Святополку: „За что повергъ ты ножъ между братьями? За что ослѣпилъ родственника своего? Естьли онъ виновенъ, то надлежало обличить его предъ нами. Ты владѣтельный Князь земли Руской, ты долженъ быть блюстителемъ правды и защитникомъ невинности; и ты первый нарушилъ условiе, ты первый

измѣнилъ и намъ и Богу! „Святополкъ отвѣчалъ: „Давидъ Игоревичь возвѣстилъ мнѣ, что Василько убилъ брата моего Ярополка, и сговорился съ Владиміромъ отнять у насъ удѣлы и выгнать изъ страны отцовской. Я обязанъ оберегать и себя и престолъ мой.“ Послы Князей возразили: „Василько ослѣпленъ въ твоемъ городѣ, а не въ областяхъ Давида.“ На другой день Князья приготовлялись переправиться черезъ Днѣпръ и идти въ Кіеву. Святополкъ хотѣлъ уже бѣжать; но вторая супруга Всеволода Ярославича, Княгиня *Анна*, и Митрополитъ *Николай*, вышедъ на встрѣчу къ Князьямъ, сказали Владимиру: „Умоляемъ тебя и братьевъ твоихъ! не губите земли Руской. Вражда ваша обрадуетъ иноплеменниковъ; они вторгнутся въ предѣлы наши и разорятъ области, пріобрѣтенныя трудами вашихъ предковъ. Они охраняли землю Рускую; а вы разорять ее хотите. Князь Владиміръ! умоляемъ тебя прахомъ отца твоего Всеволода, отложи оружіе, не губи Отечества!“ Добродѣтельный сынъ неразлученъ сердцемъ и съ умершимъ отцемъ. При имени отца, при воспоминаніи предковъ, Владиміръ проговорилъ въ слезахъ: „Такъ! дѣды и отцы наши

соблюдали Отечество, а мы хотимъ его разорить; нѣтъ! Мы не погубимъ земли Руской; покоряемся Вѣрѣ и добродѣтели; отлагаемъ оружіе; заключаемъ миръ.“

Вѣра и добродѣтель погасили воспылавшее междоусобіе. Обрадованные Кіевляне убѣждали Святополка соединиться съ Князьями и наказать вѣроломство. Святополкъ далъ клятву, что будетъ врагомъ клеветника и защитникомъ невинности.

Вскорѣ послѣ сихъ произшествій, Лѣтописатель Несторъ отправился во *Владимиръ* на Волынь для обозрѣнія училищъ и для наставленія учителей. Къ сему подвигу избирали тогда мужей, извѣстныхъ добродѣтелію и благочестіемъ. Въ одну ночь Князь Давидъ Игоревичь послалъ за Несторомъ. Онъ сидѣлъ съ дружиною, и при входѣ Нестора, тотчасъ обратилъ къ нему сію рѣчь: *Василько извѣстилъ служителей моихъ, что Святополкъ и Владимиръ идутъ на меня, и что онъ можетъ удержать ихъ отъ сего похода. Ступай къ Васильке и скажи ему, что естьли по просьбѣ его удалится Владимиръ, то дамъ ему городъ, какой захочетъ взять: Всеволожъ, Теребовль, или Перемышль.*

Услыша сіи слова отъ Нестора, Василько отвѣчалъ: *Я ничего не говорилъ; но надѣясь на Бога, пошлю къ Князю Владиміру, что бы онъ за меня не проливалъ крови Христіянской. Дивлюсь однако, какъ Давидъ предлагаетъ мнѣ Теребовль, собственный мой городъ!* . . . Помолчавъ не долго, Василько примолвилъ: *Возвратись къ Давиду и проси его, чтобы прислалъ ко мнѣ Кулмея, котораго отправлю къ Владиміру.*

Не уважа требованія Васильки, Давидъ вторично отправилъ къ нему Нестора. *Посиди со мною,* сказалъ Василько. Потомъ, выславъ служителей, продолжалъ: „Я слышу, что Давидъ хочетъ отдать меня Полякамъ; видно онъ еще не довольно кровію моею насытился! . . . Я много причинилъ Полякамъ зла, отмщая за землю Рускую. Не боюся смерти: пріятно умереть за Отечество. . . Да будетъ воля Божія! . . . Узнай, за что караетъ меня Его рука. Получа вѣсть, что Берендеи, Торки и Печенеги идутъ ко мнѣ служить добровольно, я намѣренъ былъ просить Владиміра и Давида, что бы они отпустили ко мнѣ юныхъ воиновъ своихъ, а сами бы веселились въ покоѣ. Съ сею дружиною и съ ополченіемъ Берендеевъ, Торокъ и Пе-

ченеговъ намѣренъ я былъ отомстить Польшѣ за обиды ея *Руской землѣ*. Оттуда хотѣлъ идти за славою на берега Дуная, хотѣлъ усмирить Болгаръ и Половцевъ, прославить имя мое, или положить голову мою за Отечество. Клянусь, что въ умѣ моемъ не имѣлъ никакого другаго помышленія на братій. Я возносился мыслію; Богъ смирилъ меня."

По настоятельству Князей, Василько былъ освобожденъ; но увлекаясь мщеніемъ, онъ уговорилъ брата своего *Володаря* и вмѣстѣ съ нимъ ополчился на Давида; мечь и огнь на пути его свирѣпствовали. Приступя къ стѣнамъ Владимира *Волынскаго*, приказалъ возвѣстить жителямъ: „Мы пришли не на городъ вашъ и не на васъ; мы вооружились на клеветниковъ, обольстившихъ Давида. Выдайте намъ *Туряка*, *Лазаря* и *Василья*; они губители невинныхъ, они заслужили казнь." Граждане Владимирскіе сказали Князю своему Давиду: „Выдай злодѣевъ, мы не станемъ за нихъ сражаться; естьли же воспротивишься, то отворимъ ворота, и тогда не пѣняй на насъ, — тогда спасайся, какъ можешь." Укрывая сообщниковъ своихъ, Давидъ повѣстилъ, будто бы ихъ нѣтъ въ городѣ. Наконецъ видя негодованіе гражданъ,

принужденъ былъ ихъ выдать. Соверша надъ ними казнь, заключили перемиріе, снова прервавшееся междоусобіями, во время которыхъ убитъ былъ сынъ Святополка, *Мстиславъ Святополковичъ*. Сіи неустройства продолжались до 1100 года.

1103 Года, призвавъ въ помощь Бога, Подателя благихъ совѣтовъ, Святополкъ и Владиміръ рѣшились идти на Половцевъ. Остановясь на *Долебскомъ* урочищѣ, раскинули два открытые шатра; въ одинъ вошелъ Святополкъ съ дружиной, въ другой Владиміръ въ сопровожденіи приближенныхъ своихъ. Князья съ дружинами возсѣли на коврахъ и начали совѣтоваться. Святополкова дружина первая подала голосъ: „Теперь время весеннее, въ походъ идти не способно; мы изнуримъ коней, разоримъ земледѣльцевъ и пашни.“ „Дивлюсь,“ отвѣчалъ Владиміръ: „Вы жалѣете коней и поля земледѣльческія, а не хотите размыслить о горестномъ состояніи земледѣльцевъ, которые ни въ домахъ, ни въ полѣ и ни гдѣ не безопасны отъ наглости Половцевъ. Едва покажется земледѣлецъ, Половецъ быстро налетаетъ, разитъ его стрѣлою, отнимаетъ коня, и ворвавшись въ селеніе, похищаетъ жену, дѣтей и все иму-

щество. Вы о коняхъ жалѣете, а развѣ людей не жаль?" Дружина Святополкова согласилась, и Святополкъ воскликнулъ: „Я готовъ!" Владиміръ отвѣчалъ: „Братъ! ты великое добро сдѣлаешь землѣ Руской!" Немедленно отправили нарочныхъ сказать Олегу и Давиду Святославичамъ: „Пойдемъ съ нами на Половцевъ; побѣдимъ, или умремъ за землю Рускую!" Давидъ послушался; Олегъ отговорился нездоровьемъ.

Собираясь въ походъ, Владиміръ обнялъ Святополка и пошелъ съ передовыми полками; за нимъ Святополкъ и прочія Княжескія дружины. Одни вели подъ повода коней вдоль берега, а другіе плыли въ лодкахъ. У *Хортичемскаго* урочища пѣхота вышла изъ лодокъ, а всадники сѣли на коней, и по четырехдневномъ пути прибыли на рѣку *Сутень*. Услыша о приближеніи Руских, безчисленные сонмы Половцевъ стеклись на совѣщаніе. Старой ихъ вождь *Урусоба* сказалъ: „Предложимъ Рускимъ миръ; мы много причинили имъ зла, они сильно будутъ биться за безопасность земли своей." Молодые возразили Урусобѣ: „Старость охолодила кровь твою, — ты боишься Рускихъ; мы молоды, мы пылаемъ неустрашимостію. Рускіе во-

трепещутъ предъ нами; мы покоримъ ихъ области: кто защититъ ихъ отъ оружія нашего?" Внезапно раздались клики въ полкахъ Рускихъ: *Съ нами Богъ! Богъ намъ помощникъ!* Половцы въ передовомъ отрядѣ пустили *Алтунопу*, славившагося мужествомъ; Руская передовая стража, неусыпно наблюдавшая Половцевъ, напала на *Алтунопу* и окружила со всѣхъ сторонъ; всѣ Алтуноповы воины легли на мѣстѣ сраженія. Между тѣмъ Половцы тянулись необозримыми толпами; Рускіе пошли на встрѣчу. Богъ, располагающій жребіемъ народовъ, нагналъ на Половцевъ страхъ и ужасъ. Вострепетали Половцы; вздремали въ унынія; притупилась быстрота ихъ коней. Всадники и пѣшіе Рускіе быстро и радостно шли на брань: они призвали Бога на помущь: Богъ одушевилъ ихъ мужествомъ; Богъ предводительствовалъ ими. Высокомѣрные Половцы были разсѣяны и поражены.

Сочинители лѣтописей всемірныхъ, возвѣщая громкія побѣды, часто влекущія за собою скорбь и разореніе, рѣдко упоминаютъ о мирныхъ добродѣтеляхъ, утѣшающихъ человѣчество. Несторъ, уважая Вѣру и добродѣтель, упоминаетъ о добродѣтельномъ стар-

цѣ *Янѣ*, который девяносто лѣтъ служилъ Богу и человѣчеству. „Отъ сего добродѣтельнаго мужа," говоритъ Несторъ: „слышалъ я многія повѣствованія о перемѣнахъ прошедшихъ и помѣстилъ оныя въ лѣтописи моей. Тѣло его погребено въ притворѣ Печерскаго монастыря." Для друзей Вѣры и добродѣтели священны тѣ мѣста, гдѣ покоится прахъ добродѣтельныхъ.

1113 Года 16 Апрѣля скончался Князь Святополкъ. Хотя сей Князь склоненъ былъ къ подозрѣнію; но онъ имѣлъ и добрыя качества, за которыя искренно былъ любимъ безсмертнымъ Рускимъ Княземъ, Владимиромъ Мономахомъ.

КНЯЖЕНІЕ ВЛАДИМИРА ВСЕВОЛОДОВИЧА МОНОМАХА.

Владимиръ Всеволодовичь названъ *Мономахомъ*, или единоборцемъ, не отъ того, будто бы имѣлъ *единоборство* или поединокъ въ городѣ *Кафѣ* съ *Генуэзскимъ* Княземъ; но сіе наименованіе перешло къ нему отъ матери его, дочери Греческаго Императора Константина *Мономаха*, или *единоборца*. Къ прославленію Владимира Мономаха не нужно

вымышлять никакихъ чрезвычайныхъ происшествій; онъ великъ своими добродѣтелями.

По смерти Святополка, Кіевляне снова убѣдительно приглашали Владимира на престолъ Кіевскій. Предпочитая спокойствіе земли Руской власти и престолу, Владимиръ долго не соглашался. „Святославъ,“ говорилъ онъ: „Отецъ Олега Святославича, прежде отца моего Всеволода владѣлъ въ Кіевѣ; Олегъ старѣе меня: по сему праву призовите Олега. Обошедъ его престоломъ, вы дадите поводъ къ новымъ распрямъ. Не престола ищу, желаю блага Отечества; не хочу причинить новыхъ бѣдствій: жизнь людей Рускихъ дороже мнѣ власти Великокняжеской.“ Кіевляне возразили: „Князь! естьли не примешь Кіевскаго престола; мы предадимся самоволію, и тогда за всѣ наши преступленія отвѣчай Богу!“ Увѣдомя сыновъ Святослава, что онъ по неотступному убѣжденію Кіевлянъ принимаетъ престолъ, Владимиръ изъ Переяславля пошелъ въ Кіевъ. Весь городъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу; воздухъ оглашался восклицаніями: „Приди Князь! Владѣй Кіевскимъ престоломъ! Ты другъ земли Руской!“

При началѣ княженія Владимира Мономаха, съ общаго согласія удѣльныхъ Князей, воспослѣдовало изгнаніе Жидовъ изъ земли Руской. Причиною тому было то, что они присвоили себѣ всѣ торговые промыслы и утѣсняли природныхъ Рускихъ промышленниковъ и купцовъ.

Неукротимые Половцы, подъ предлогомъ требованія даровъ, устремились къ Переяславлю; но услыша о походѣ Князя Владимира, обратились въ бѣгство.

Олегъ Святославичь, негодуя, что Кіевляне обошли его престоломъ, рѣшился отыскивать право свое вооруженною рукою. Мстиславъ Владимировичь, достойный сынъ великаго отца, съ Новогородскими и Ростовскими войсками выступилъ въ походъ. Видя многочисленныя Олеговы силы, Мстиславъ предложилъ перемиріе; кичливый Олегъ не согласился. Съ малымъ войскомъ, но съ пламеннымъ усердіемъ и мужествомъ, ревностный сынъ ополчился въ защиту отца; буйство и гордость были низложены.

1116 Года къ огражденію безопасности земли Руской, Владимиръ *Мономахъ* отправилъ сына своего Ярополка на Донъ противъ Половцевъ. Оправдывая отцовскую довѣрен-

ность, Ярополкъ мужественно ополчился, вездѣ разилъ непріятелей и отважными приступами взялъ три Половецкіе города. Не обольщаясь успѣхами и не засыпая подъ сѣнію щастія, осторожный Владимиръ и на другой годъ отправилъ Ярополка противъ *Половцевъ*. Ярополкъ перешелъ за Донъ, внесъ оружіе во внутренность Половецкихъ селеній; но не встрѣтя никого, возвратился. Половцы, лишась 1116 года трехъ городовъ, не только не безпокоили Руской земли, но и въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ не смѣли появляться: вмѣстѣ съ семействами и стадами своими устремились они въ дальнѣйшія степи. Въ то же время другой сынъ Мономаховъ, Князь *Георгій* или *Юрій*, извѣстный подъ названіемъ *Долгорукова*, воевалъ съ Болгарами, увѣнчался побѣдой и возвратился съ многочисленнымъ плѣномъ. Сіи два удачные похода, совершившіеся подъ руководствомъ дальновиднаго Владимира *Мономаха*, разсѣя повсюду страхъ и опасность, заставили два враждебные народа: *Торокъ* и *Берендеевъ*, жившихъ въ предѣлахъ Южной Россіи, бѣжать изъ нее, хотя не видѣли ни оружія, ни войскъ Рускихъ. Они гибли въ безпорядочномъ бѣгствѣ своемъ и истребляли другъ

друга. Прозорливый и осторожный Полководецъ въ одномъ мѣстѣ разитъ оружіемъ, а въ другомъ побѣждаетъ страхомъ имени своего; такъ торжествовалъ Владимиръ *Мономахъ*.

Отнятіе у *Половцевъ* трехъ ихъ городовъ, побѣда надъ *Болгарами*, бѣгство *Торокъ* и *Берендеевъ*: сіи три важныя произшествія доставили землѣ Руской отдыхъ и успокоеніе. Отъ непрерывныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ распрей земледѣльцы превращались въ воиновъ. Поля и нивы заростали терніемъ; голодъ и болѣзни, не разлучно сопутствующія кровопролитію, поражали жителей и губили Рускія области. *Половцы, Торки* и *Берендеи* заставляли Рускихъ быть на непрестанной стражѣ и преграждали въѣздъ въ Россію иноземнымъ купцамъ. По укрощеніи сихъ буйныхъ скопищъ процвѣло земледѣліе; поля, сперва усѣяваемыя костями человѣческими и орошаемыя кровью, озлатились обильными жатвами. Миръ и тишина привлекли иноземцевъ съ избытками и издѣльями ихъ странъ; ремесла и искуства оживотворились. —

Завидуя щастію Руской земли, удѣльный Князь Владимира *Волынскаго*, Святополковъ

сынъ *Ярославецъ*, уже въ 1102 году оказавшій безпокойный и коварный свой нравъ, дерзнулъ возстать на Владимира *Мономаха* 1118 года. Предвидя его замыслы, Владиміръ заблаговременно ополчился и выступилъ къ отраженію своевольнаго Князя. Ярославецъ, спѣша изъ удѣльнаго своего города, мечталъ уже о Кіевскомъ престолѣ, и внезапно увидѣвъ знамена Князя Кіевскаго, не успѣлъ ни устроиться, ни приготовиться къ бою. Великодушный Владиміръ отправилъ къ нему Бояръ своихъ съ препорученіемъ, что бы онъ безбоязненно явился въ станъ его. *Ярославецъ*, обманувшійся при первомъ шагѣ дерзновеннаго своего предпріятія, и зная, что Владиміръ *Мономахъ* никогда не измѣнялъ данному слову, отложа оружіе, пришелъ съ покорностью. Увѣщевая мятежнаго Князя, Владиміръ сказалъ ему: „Естьли ты забылъ, что отецъ твой Святополкъ былъ другомъ моимъ, то я о немъ помню; именемъ его убѣждаю тебя; оставь замыслы свои. Отечество наше едва стало оживотворяться, а ты простираешь на него убійственную длань! Ты забылъ союзъ мой съ твоимъ отцемъ; ты презрѣлъ родство; ты забылъ, что дочь сына моего Мстислава, супруга твоя; ты все за-

былъ, обольстясь коварными внушеніями льстецовъ своихъ. Они увѣрили тебя, что престарѣлый твой дѣдъ не будетъ предводительствовать войскомъ; ты уже мечталъ быть владѣльцемъ Кіевскимъ, и ты былъ бы плѣнникомъ моимъ, естьли бъ Вѣру и совѣсть не предпочиталъ я престолу. Уважая старшинство и дорожа спокойствіемъ Отечества, я уступилъ престолъ твоему отцу, и теперь вооружился не за себя, но за безопасность подданныхъ моихъ. Ты надѣешься на помощь иноплеменныхъ; уже ли неоднократные опыты не убѣдили тебя, что они алчутъ одной корысти своей. Возвратись въ удѣлъ свой, займись благомъ подданныхъ, будь отцемъ ихъ! Устроя щастіе страны своей, ты не захочешь похищать чужихъ областей."

Вѣроломный *Ярославецъ* притворился, будто бы разкаялся и убѣдился совѣтами дѣда своего. Но прибывъ въ удѣлъ свой, обратилъ все неистовство свое на невинную Мстиславову дочь, съ которою сочетался бракомъ въ Новгородѣ 1112 года. *Ярославецъ* увѣнчался тогда вторичною побѣдой надъ *Ятвягами*; Мстиславова дочь, плѣняясь славой его, отдала ему руку и сердце; жестокосердый супругъ за любовь, за нѣжность

заплатилъ ненавистью. Не довѣряя совѣсти своей, не довѣряя никому, онъ дерзнулъ укорять супругу свою, будто бы она извѣщала дѣда своего о всѣхъ его замыслахъ. Ни слезы, ни убѣжденія гонимой невинности, ничто не смягчаетъ жестокаго и подозрительнаго сердца. Ярославецъ отослалъ супругу свою къ дѣду ея. Владимиръ простилъ Ярославца за злоумышленіе противъ его престола; но не могъ не вступиться за злополучную добродѣтель. Ужасная мысль, что, можетъ быть, въ землѣ Руской усомнятся въ добродѣтели его внуки, видъ угнѣтенной жертвы, волновали сердце и душу Владимира, спѣшившаго всегда на помощь слабыхъ и притѣсненныхъ.

Пылая праведнымъ гнѣвомъ, Владимиръ *Мономахъ* снова ополчился; *Ярославецъ*, дерзновенный въ щастіи и малодушный въ неудачѣ, бѣжалъ въ Литву. Князь Кіевскій поручилъ Владимиръ *Волынскій* сыну своему *Роману*. Хотя Ярославецъ отличался храбростью; но онъ не умѣлъ подкрѣплять ее благоразуміемъ и умѣренностію, свойственными великимъ людямъ, побѣждающимъ и враговъ и страсти.

1119 Года, вознамѣрясь наказать Грековъ за смерть зятя своего *Леона* и желая под-

держать права малолѣтнаго сына его Василія, Владимиръ условился съ Рускими Князьями идти въ Грецію. Возмутясь сею вѣстію, Цареградскій владѣлецъ *Алексѣй* отправилъ къ Владимиру знаменитое посольство, препоруча вручить Кіевскому Князю вѣнецъ, скипетръ и всѣ украшенія царскаго сана.

Послѣдніе годы жизни своей Владимиръ посвятилъ наставленію сыновъ, особенно Мстислава, котораго вызвалъ изъ Новгорода еще 1117 года и до кончины своей не разлучался съ нимъ. Начертавая для нихъ духовное завѣщаніе, Владимиръ вѣщалъ: „Сыны мои! у дверей гроба прославляю Бога, Котораго благодѣтельная десница довела меня до сихъ дней. Вамъ оставлю все то, что передали сердцу моему наставленія моихъ отцевъ и помощь Божія. Смерть въ очахъ моихъ, но душа моя съ вами.

„Соблюдайте страхъ Божій и творите милостыню: вотъ начало *всякаго добра.*"

Владимиръ *Мономахъ* мыслитъ о благѣ дѣтей и ближнихъ, а родственники его, воспаленные ненасытнымъ властолюбіемъ, несутъ Отечеству вредъ и пагубу. Они отправляютъ пословъ; Владимиръ встрѣчается съ ними на берегахъ Волги. Отъ имени Князей

своихъ послы говорятъ Владимиру: *Приложися къ намъ; изгонимъ Ростиславича; отымемъ область его. Не пойдешь съ нами, мы отдѣлимся: оставайся одинъ.* Князь Владимиръ отвѣчалъ: *Хотя вознегодуютъ братьи мои, не могу идти съ вами, не преступлю креста!*

Отправя вѣстниковъ неправды и раздора, въ сокрушеніи душевномъ Владимиръ уединяется, беретъ книгу боговдохновеннаго Пророка и нечаянно встрѣчаетъ слова, сообразныя душевной его скорби: *Вскую прискорбна еси душа моя; вскую смущаеши мя!* Потомъ собираетъ тѣ изрѣченія, которыя отъ самой юности до преклонныхъ лѣтъ управляли умомъ его, сердцемъ и дѣлами; изъ сихъ Божественныхъ изрѣченій предлагаетъ правила сынамъ своимъ.

„Будьте," говоритъ Владимиръ Мономахъ: „будьте чисты тѣломъ и душею.

„Будьте кротки, умѣренны въ поступкахъ, воздержны въ пищѣ, въ питіи; трапезу совершайте тихо и безъ шума.

„При старыхъ молчите, премудрыхъ слушайте, начальникамъ, или *старѣйшимъ* повинуйтесь; съ равными обходитесь ласково,

безхитростно, меньшихъ васъ любите и милуйте.

„Въ бесѣдахъ много слушайте, а говорите мало. Никого не осуждайте, никого не оскорбляйте даже и словомъ; смѣху излишнему не предавайтесь. Отвращайтесь отъ собесѣдницъ развратныхъ; взорами около себя осматривайтесь, душею къ небесамъ возноситеся.

„Не гоняйтесь за молвою; кто пользу другимъ сдѣлалъ, тотъ ожидай награды отъ Бога.

„Дѣти мои! повторяйте мою молитву: *О Владычица Богородица! отыми отъ слабаго моего сердца гордость и высокоуміе, да не вознушусь мечтою міра сего въ суетной жизни!*

„По слову Евангельскому: Учитесь управлять очи, воздерживать языкъ, смирять умъ, порабощать тѣло, истреблять гнѣвъ; будьте чисты помышленіемъ: для Бога къ добру понуждайте себя.

„Лишаютъ ли васъ чего, не мстите; ненавидятъ, или гонятъ, терпите; злословятъ ли, молитесь; но обижаютъ ли кого, спѣшите защитить; стонетъ ли сирота,

помогите; видите ль гонимую вдовицу, вступитесь и оправдайте.

„Убѣдитесь, дѣти мои! Сколь человѣколюбивъ, сколь милостивъ Богъ! Мы, слабые смертные, мы за малѣйшую обиду готовы ближнихъ пожрать, пролить ихъ кровь; а Богъ, владѣющій смертію и жизнію, видитъ все зло наше, и терпитъ до конца нашихъ дней.

„Чадолюбивый отецъ наказываетъ дѣтей, и опять обращается къ нимъ сердечно; и Богъ намъ Отецъ чадолюбивый.

„Къ удаленію врага, къ побѣдѣ надъ нимъ отъ Бога низпосланы намъ три добрыя дѣла: *покаяніе, слезы и милостыня.* О дѣти мои! легка заповѣдь сія: она въ жизни избавляетъ, а по смерти ведетъ въ Небеса. Именемъ Божіимъ прошу васъ, не забывайте сихъ трехъ *добрыхъ дѣлъ.*

„Ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, — но *малое доброе дѣло* снискиваетъ намъ милость Божію.

„Во всякое время помните Бога; каждую ночь кладите земные поклоны, въ болѣзни хотя по три. Когда ѣздите на конѣ и нѣтъ у васъ никакого дѣла, не зная другихъ мо-

лиmвъ, повторяйте про себя: *Господи помилуй!* а о нелѣпомъ не мыслите.

„Не предавайте никого смертной казни; *не погубляйте ни одной души Христіянской!*

„Не клянитесь именемъ Божіимъ. Готовясь по какому нибудь случаю цѣловать крестъ, испытайте сперва сердце свое, устоитъ ли оно. . . Не губите души клятвопреступленіемъ.

„Чтите и любите духовныхъ; не устраняйтесь отъ нихъ; предлагайте имъ, что можете: они помолятся за васъ Богу.

„*Сегодни живы, а завтра во гробѣ!* Не наше, не наше, о Боже! все, что Ты намъ далъ, но Твое! Все, что имѣемъ, поручилъ Ты намъ на малые дни. Грѣхъ скрывать и утаивать то, что Богъ послалъ. Есть страдальцы, есть бѣдные; съ ними дѣлитесь.

„Куда пойдете, гдѣ остановитесь, напойте и накормите хозяина.

„Чтите *гостя,* или посѣтителя, откуда бы онъ не пришелъ, кто бы онъ ни былъ, простолюдимъ, или знатной, или вѣстникъ. Естьли вамъ нечѣмъ подарить пришельца; то, по крайней мѣрѣ, снабдите пищею и питіемъ. Странники, пришельцы, гости, принятые ласково и человѣколюбиво, прославятъ

человѣка въ другихъ земляхъ или добрымъ, или злымъ.

„Посѣщайте больныхъ; ходите къ умершимъ: мы всѣ смертные. Привѣтствуйте каждаго прохожаго поклономъ, или ласковымъ словомъ.

„Припоминая труды, подвиги и побѣды свои, прибавляйте всегда: *Богъ намъ помогъ.*

„Дѣлая добро, не лѣнитесь ни въ какомъ добрѣ.

„Когда часъ идти въ церковь, да не застанетъ васъ солнце на ложѣ.

„Такъ поступалъ мой родитель, такъ поступали всѣ добрые Россіяне, ревностные въ православіи."

Въ рукописныхъ Рускихъ лѣтописяхъ повѣствуютъ, что, приближаясь ко гробу, Владимиръ созвалъ сыновъ своихъ, Удѣльныхъ Князей, знаменитыхъ Духовныхъ, Бояръ и по нѣскольку человѣкъ изъ всѣхъ сословій Рускаго народа. „Отходя отъ сего міра," сказалъ Владимиръ: „Скорблю только о томъ, что въ землѣ Руской не укротились брани междоусобныя. Не давно еще родственники, забывшіе Бога и родство, призывали меня на *Ростиславича*; я не пошелъ и прizвалъ

въ помощь Бога, да утвердитъ Онъ меня на пути правды. И вы не мѣняйте совѣсти на приманки властолюбія. Враждами нашими усиливаются наши враги; мы гибнемъ не отъ оружія ихъ, но отъ нашихъ междоусобій. Вы знаете, что Греческій Царь Алексѣй присылалъ мнѣ всѣ царственные дары; я не украшался ими, и вы не употребляйте ихъ въ ознаменованіе самодержавія, доколѣ Богъ, устроивающій народы и Царства, не совокупитъ земли Руской подъ спасительную власть единоначалія. Нынѣ Руская земля раздѣлена на удѣлы; родные возстаютъ на родныхъ; злоумышленные совѣтники для личныхъ выгодъ возжигаютъ въ сердцахъ Князей своихъ любоначаліе; льется кровь отъ междоусобія; Руские гибнутъ отъ Руcкихъ! Гдѣ нѣтъ единодушія, тамъ все въ неустройствѣ."

При сихъ словахъ, обратясь къ сыну своему Юрію Владимировичу (1), продолжалъ: „Приближься къ одру моему, прими животворящій крестъ, бармы, златую гривну и вѣнецъ; прими всѣ царственные дары, при-

(1) Въ рукописной лѣтописи не объяснено, по чему мимо старшаго своего сына *Мстислава*, Владимиръ царственные залоги поручилъ *Юрію*.

сланные мнѣ отъ Царя Греческаго; храни ихъ и соблюдай, какъ душу свою. Когда же и ты будешь приближаться ко гробу, вручи ихъ старшему сыну своему съ такимъ завѣщаніемъ, какое я тебѣ оставляю. Умоляю васъ всѣхъ, храните сіе благочестивое сокровище, доколѣ Богъ отъ рода Рускихъ Князей воздвигнетъ самодержца въ землѣ Руской!“

Владимиръ княжилъ въ Кіевѣ 13 лѣтъ и жилъ 63 года. Онъ скончался на берегахъ рѣки Алты близь любимой своей церкви, сооруженной имъ во имя Бориса и Глѣба. Съ береговъ Алты сыны и Бояре принесли Владимира на раменахъ своихъ въ Кіевъ; погребеніе совершилось въ Софійскомъ храмѣ, гдѣ и положенъ онъ подлѣ отца своего Всеволода.

Повѣствованіе о дѣлахъ Владимира Мономаха сопряжено съ воспоминаніемъ всѣхъ добродѣтелей . . . Громомъ побѣдъ имя его разнеслось въ предѣлы дальнихъ странъ. Онъ былъ осторожнымъ, прозорливымъ и мужественнымъ Полководцемъ. Внушая сынамъ своимъ правила воинской осторожности, онъ говорилъ имъ: „Не лѣнитесь, не полагайтесь слѣпо на Воеводъ; не прихотничайте ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, ни въ снѣ. Сами ограждайте войско стражею; ло-

житесь послѣдніе, ранѣе всѣхъ вставайте. Никогда не снимайте оружія; на враговъ нападайте съ *разсмотрѣніемъ*; избѣгайте внезапности. Ни гдѣ не позволяйте дружинамъ своимъ безчинствовать; не позволяйте имъ обижать ни чужихъ, ни своихъ. Охраняйте отъ разоренія села и нивы земледѣльческія; страшитесь проклятія обиженной невинности!"

Во времена Князя Владимира Мономаха занимались звѣриною ловлей не для одного удовольствія, но и для огражденія безопасностію селеній и нивъ. На полѣ битвъ побѣждалъ онъ мужествомъ и благоразуміемъ; въ дремучихъ лѣсахъ истреблялъ хищныхъ звѣрей силою мышцъ. Однажды лютой звѣрь вскочилъ ему на колѣна и повергъ коня; неустрашимый Князь поразилъ звѣря, всталъ и воскликнулъ: *Богъ сохранилъ меня не вредима.*

Семейственный распорядокъ служитъ къ распорядку и устроенію общественному. Владимиръ Мономахъ былъ попечительный и неусыпный хозяинъ. „Не полагайтесь во всемъ," говоритъ онъ: „на управителей и на прислужниковъ своихъ; старайтесь облегчать труды вашихъ домочадцевъ: наблюдая ихъ

спокойствіе, я самъ часто занимался всѣми хозяйственными заботами, самъ приготовлялъ воинскіе и охотничьи снаряды. Младшіе родственники должны повиноваться старшимъ." Несторъ говоритъ, что Владиміръ, во всемъ повинуясь отцу своему при жизни, и по смерти его никогда не отступалъ отъ его наставленій.

Рачительно устроивая домашнее хозяйство, отважно истребляя хищныхъ звѣрей, мужественно поражая враговъ земли Руской, Владиміръ Мономахъ занимался также *ученіемъ* и *словесностію*. „Чего не можете припомнить," говорилъ онъ: „то часто перечитывайте. Чему выучились доброму, того не забывайте; чего не знаете, тому учитесь."

Въ достопамятномъ своемъ духовномъ завѣщаніи, Владиміръ Мономахъ оставилъ примѣры сильнаго и разительнаго краснорѣчія. Изображая величіе, мудрость и благость Творца вселенной, онъ говоритъ: „Велики и дивны дѣла Божіи; никакой умъ человѣческій не изъяснитъ ихъ. Можно ли не превозносить, не прославлять красоты, великолѣпія и устройства вселенной? Небеса, солнце, луна, звѣзды, тма и свѣтъ, все свидѣтель-

ствуетъ мудрый промыслъ Творца міра и людей. На землѣ видимъ звѣрей разнообразныхъ; въ воздушныхъ селеніяхъ парятъ различныя птицы; и сколь еще удивительнѣе ихъ человѣкъ, созданный изъ праха земнаго! Совокупите всѣхъ людей, населяющихъ земные предѣлы, найдете ли два лица сходныя? Не льзя также не дивиться, какимъ образомъ разлетаются птицы по дальнимъ странамъ, и населяютъ поля и лѣса. Все создано къ отрадѣ и увеселенію человѣка. Повелитъ Творецъ — и птицы услаждаютъ слухъ восхитительнымъ пѣніемъ; запретитъ — и голосъ ихъ онѣмѣетъ.“

Ни война, ни звѣриная ловля, ни заботы семейственныя, ни любовь къ ученію, ни что не отвлекало Владимира отъ важнѣйшей обязанности Вѣнценосца, отъ наблюденія правосудія, созидающаго щастіе обществъ и Державъ. — „Выходя изъ храма Божія,“ говоритъ Владимиръ: „по выслушаніи утренняго моленія, я немедленно шелъ *думать съ дружиною* о благѣ земли Руской. Я спѣшилъ оправдывать невинность и усмирять неправоту. Власть мою употреблялъ только на то, что бы слабыхъ не давать въ обиду сильныхъ.“ Несторъ, свидѣтельствуя

о добродѣтеляхъ Князя Владимира Мономаха, прибавляетъ, что онъ такъ заботился о подданныхъ, какъ нѣжная мать печется о дѣтяхъ.

МСТИСЛАВЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

1125 Года, по смерти Владимира *Мономаха*, вступилъ на Кіевскій престолъ сынъ его Князь *Мстиславъ*, нѣсколько лѣтъ находившійся при немъ неотлучно. Любя отечество, Владимиръ желалъ передать своему наслѣднику тѣ добродѣтели, которыми онъ устроивалъ щастіе земли Руской. По свидѣтельству *Селивестра*, продолжителя Несторовой лѣтописи, онъ вызвалъ Мстислава изъ Новгорода 1117 года. Сей годъ достопамятенъ и тѣмъ, что съ онаго начинается лѣтопись Селивестрова, Игумна обители *Святаго Михаила*.

Кіевляне, пораженные смертію Владимира *Мономаха*, оживились душами, видя, что въ дѣяніяхъ Князя Мстислава возобновились добродѣтели отца его. *Ярополкъ*, братъ Мстиславовъ, отошелъ въ *Переяславль*. Половцы, уловлявшіе всегда случаи къ разоренію земли Руской, извѣстясь о смерти Владимира *Мономаха*, быстро ворвались

въ Переяславскіе предѣлы, преклоня на свою сторону *Торкскихъ* начальниковъ, находившихся тамъ подъ предлогомъ дружества. Осторожный Ярополкъ, вогнавъ въ городъ Вождей и Бояръ *Торкскихъ*, оставилъ ихъ подъ стражею; а самъ съ малою, но отважною дружиною, безъ всякой помощи, съ одними вѣрными *Переяславцами*, устремился на бѣжавшихъ Половцевъ и настигъ ихъ у *Стѣня*. Половцы остановились и ополчились къ бою; Ярополкъ устроилъ дружину и сказалъ: „Друзья! вспомните подвиги отца моего Владимира, вспомните мужество прежняго Вождя своего! Докажемъ, что онъ не умеръ, что онъ живетъ въ душахъ нашихъ. Съ именемъ Бога и Вѣры разилъ онъ враговъ земли Руской; и мы полетимъ на враговъ съ надеждою на Бога. Вы шли съ отцемъ моимъ къ славѣ и побѣдѣ; и сынъ его побѣдитъ, или умретъ!" Князь и дружина отважно начинаютъ бой; Половцы трепещутъ и бѣгутъ; многіе изъ нихъ утопаютъ въ рѣкахъ. *Ярополкъ*, на мѣстѣ сраженія, воздавъ благодареніе Защитнику правды и Карателю строптивости, возвращается въ Переяславль.

1127 Года *Всеволодъ*, сынъ безпокойнаго Олега, подражая буйству отца своего, выгналъ изъ Чернигова дядю своего *Ярослава*, предалъ мечу его дружину и расхитилъ имущество его. Добродѣтели и пороки родителей переходятъ къ ихъ чадамъ: Всеволодъ шелъ развратными путями отца своего; Мстиславъ украшался кротостію и любовію къ Отечеству. Щастливы тѣ отцы, которыхъ бытіе продолжается въ добродѣтеляхъ ихъ сыновъ!

Мстиславъ, совокупясь съ Ярополкомъ, ополчился на Всеволода, которой къ надежнѣйшему разоренію Отечества пригласилъ Половцевъ. Остановясь за рвомъ у *Ратмировой дубровы*, Половцы отправили ко Всеволоду пословъ; Ярополковы посадники перехватили ихъ. Утомясь ожиданіемъ Всеволодова отвѣта, Половцы удалились. Мстиславъ, справедливо укоряя мятежнаго Князя, сказалъ: „Онъ думалъ, что восторжествуетъ съ помощію иноплеменниковъ, но не успѣлъ.“ Не умѣя покорять сердецъ силою добродѣтели, Всеволодъ домогался привлечь Бояръ Князя Мстислава дарами: приманка постыдная и ненадежная! . . .

Между тѣмъ изгнанный Ярославъ изъ Чернигова пришелъ къ брату своему Мстиславу и сказалъ: „Ты поклялся отмстить за меня Всеволоду; сдержи свое слово.“ Мстиславъ долгое время находился въ ужасномъ волненіи; онъ далъ клятву защитить Ярослава; но зналъ и то, что исполненіемъ клятвы возжетъ новое пламя вражды междоусобной. Къ щастію его, въ сіе время жилъ благочестивый *Игуменъ Григорій*, другъ отца его Владимира Мономаха и другъ народа. Удерживая Кіевлянъ и Мстислава отъ брани междоусобной: „Пусть,“ воскликнулъ онъ: „пусть на меня обратится грѣхъ за нарушеніе клятвы; легче преступать клятву, нежели проливать кровь Христіянскую.“ Всѣ духовные, соблюдая спокойствіе земли Руской, повторили Григоріевы слова: „Пусть на насъ обратится грѣхъ; а ты заключи миръ!“ Мстиславъ повиновался; но до конца жизни своей оплакивалъ клятвопреступленіе свое. Однѣ превосходныя души признаютъ свои погрѣшности: Мстиславъ раскаявался, что по неосторожности далъ клятву, отъ которой зависѣлъ жребій цѣлаго Отечества.

Въ томъ же году къ усмиренію Кривичей, обитавшихъ въ *Полоцкомъ* удѣлѣ,

Мстиславъ отправилъ сильное войско подъ начальствомъ четырехъ Князей. Для удобнѣйшаго продовольствія войскъ назначилъ имъ четыре различные пути и приказалъ соединиться въ день 14 Августа, что не было однако исполнено. 1130 Года Кіевскій Князь посылалъ сыновъ своихъ *Всеволода*, *Изяслава* и *Ростислава* воевать съ *Чудью*; поразя враговъ, собравъ обильную дань и впредь наложа на *Чудь* подати, сыны Мстиславовы возвратились со славою и торжествомъ. Противъ Литвы Мстиславъ лично ополчался, и соверша щастливый походъ, въ возблагодареніе Богу заложилъ церковь Богородицы. Увѣнчанный славою и любовію народною, Мстиславъ, преемникъ престола и добродѣтелей отца своего Владимира, къ общей скорби народа скончался 1132 года. За неусыпное попеченіе о соблюденіи земли Руской, современники назвали Мстислава *Великимъ*.

ЯРОПОЛКЪ ВЛАДИМИРОВИЧЬ.

Ярополкъ еще при жизни отца своего Владимира *Мономаха* увѣнчался подвигами славы и мужества. Побѣдоносным оружіемъ поразя *Половцевъ*, овладѣлъ онъ тремя ихъ

городами: *Валиномъ*, *Чевлюшемъ*, *Сугровымъ*. Симъ завоеваніемъ доставилъ онъ свободный путь иностранной торговлѣ въ области Руския, и обезпечилъ города и селенія отъ набѣговъ хищныхъ враговъ. Помня славу Ярополкову, помня мудрое правленіе отца и брата, Кіевляне по смерти Князя *Мстислава* отправили къ нему пословъ съ приглашеніемъ на престолъ Кіевскій. По распорядку наслѣдства того времени, *Всеволодъ*, внукъ Князя *Святослава* Втораго, имѣлъ болѣе права на великое княженіе. Право сіе могло оспориваться тѣмъ, что *Святославъ Ярославичь* захватилъ престолъ брата своего *Изяслава* и умеръ не законнымъ обладателемъ. Отецъ Ярополковъ, Владиміръ *Мономахъ*, уважая старшинство, отрекся отъ Кіевскаго престола и уступилъ его *Святополку* Второму. *Ярополкъ* не могъ отвергнуть приглашенія Кіевлянъ; онъ желалъ верховной власти и престола. Отправясь въ Кіевъ и сообразуясь съ завѣщаніемъ отца и брата своего, онъ вызвалъ изъ Новгорода *Всеволода*, сына *Мстислава* Великаго, и далъ ему *Переяславль*. Ярополковы братья, *Юрій*, извѣстный подъ именемъ *Долгорукова*, и *Вячеславъ Владимировичь*, хотя и знали, что Всеволодъ воз-

вѣщанію вступилъ въ обладаніе Переяславскаго удѣла; но возмущаясь завистью и подозрѣніемъ, разглашали, что Ярополкъ для того вызвалъ Всеволода изъ Новгорода, что бы сблизить его съ Кіевомъ и сдѣлать наслѣдникомъ своимъ. Вѣроятно, что властолюбивый *Юрій* возбудилъ сіе подозрѣніе въ сердцѣ брата своего *Вячеслава*, склоннаго къ мирной жизни, а не къ замысламъ тщеславія. Всеволодъ прибылъ въ Переяславль поутру, а Юрій послѣ обѣда изгналъ его. Но и сей завистливый Князь восемь только дней былъ обладателемъ Переяславскаго удѣла; онъ принужденъ былъ уступить силѣ Ярополкова оружія. Изгнавъ Юрія, Ярополкъ отдалъ Переяславль *Изяславу Мстиславичу*, а въ *Полоцкомъ* его удѣлѣ остался братъ его *Святополкъ*. Воскипѣвъ негодованіемъ, Половчане возмутились и возопили: *У насъ отняли Изяслава; онъ лишается насъ!* Желая успокоить братьевъ, Ярополкъ отдалъ *Переяславль* Вечеславу; Изяслава перевелъ въ *Туровъ*, а Всеволода отправилъ опять въ Новгородъ. Сіи перемѣны вмѣсто успокоенія причинили новыя безпокойства. Изяславъ не хотѣлъ оставить Переяславля, и силою былъ изъ него удаленъ; Новогородцы не довольны

были возвращеніемъ Всеволода, укоряя его, что онъ оставилъ ихъ, обольстясь Переяславльскимъ удѣломъ. Добродушный *Вячеславъ*, хотя и по волѣ брата своего принялъ Переяславль; но, по слабости нрава своего, болѣе внималъ внушеніямъ Юрія, котораго ничто не могло удовлетворить, кромѣ верховной власти и Кіевскаго престола. Повсемѣстно волненія предвѣщали новые бури и мятежи.

Между тѣмъ Ярополкъ, желая хотя на нѣкоторое время успокоить Рускія области, пригласилъ Князей на общій съѣздъ. Представя имъ въ рѣчи своей гибельныя послѣдствія междоусобій, представя, что раздоры внутреннія усиливаютъ злѣйшихъ ихъ враговъ Половцевъ, онъ прибавилъ: „Почто намъ обижать друга друга? Вспомните быстротечность жизнь человѣческой! Гдѣ отцы, гдѣ дѣды наши? Ихъ нѣтъ, и насъ не будетъ: однѣ дѣла наши останутся."

Сыны Князя Мстислава желали блага общаго; но сыны Олега *Тмутараканскаго*, домогаясь владычества, не заботились о томъ, что губятъ Отечество. Вскорѣ возобновились междоусобныя распри, приготовлявшія порабощеніе Россіи. *Всеволодъ*, сынъ

Олеговъ, и въ княженіе Ярополково отличился буйствомъ и раздорами. 1135 Годъ особенно ознаменовался неустройствами, свирѣпствовавшими въ землѣ Руской; въ концѣ сего мятежнаго года гремѣлъ громъ въ первый день Декабря. Вскорѣ послѣ сего необыкновеннаго произшествія Ярополкъ и Всеволодъ примирились. Но едва успокоилась Кіевская область, новая буря зашумѣла въ предѣлахъ Новогородскихъ. Въ ту же самую зиму Новогородцы имѣли кровопролитную битву съ Ростовцами на горѣ *Жданой*. Множество Новогородцевъ пало отъ меча Ростовцевъ; единоплеменники не щадили соотечественниковъ! Развратъ страстей расторгаетъ всѣ связи и всѣ союзы.

Въ слѣдующій годъ *Ольговичи*, или сыны Олеговы возобновили мятежи. Всеволодъ Ольговичь, преклоня на свою сторону Половцевъ, снова сражался съ сынами Владимира *Мономаха*. По мѣрѣ бѣдствій, наносимыхъ землѣ Руской, воспалялось киченіе и буйство *Ольговичей*. Они уже мечтали, что низвергнутъ Ярополка и искоренятъ *Володимировичей*; но Богъ смиряетъ гордость. Ярополкъ, съ помощію братьевъ своихъ собравъ сильное ополченіе, могъ бы сра-

жаться, могъ бы побѣдить; но, щадя кровь подданныхъ, не хотѣлъ поднять оружія.

Ярополково великодушіе не укротило буйства *Ольговичей.* 1135 Года, умышляя нанесть рѣшительный ударъ Кіевскому Князю и напасть на него внезапно, *Ольговичи* къ дружинамъ своимъ присовокупили многочисленные полки Половцевъ. Овладѣвъ *Прилуками*, они стремились къ Кіеву. Мужественный и осторожный Ярополкъ былъ уже готовъ къ отраженію мятежниковъ и враговъ; не успѣвъ въ злоумышленіи своемъ, Ольговичи обратились къ Чернигову. Ярополкъ, узнавъ изъ опытовъ строптивость *Ольговичей*, умножилъ войско свое различными народами, въ числѣ которыхъ находились и *Венгры.* Съ Тридцатитысячнымъ ополченіемъ двинулся онъ къ Чернигову, что бы усмирить Ольговичей и возвратить тишину Отечеству. Черниговцы, уважая добродѣтели Кіевскаго Князя, возопили къ безпокойному Всеволоду Ольговичу: „Князь! для чего ты возвратился въ Черниговъ? Ты надѣешься на Половцевъ; ты надѣешься, въ случаѣ неудачи, бѣжать къ нимъ, брося удѣлъ свой. Какой стыдъ! Руской Князь ищетъ покровительства у иноплеменниковъ! Усмирись, отвергни гордость

и высокоуміе, прибѣгни къ Ярополку; онъ кротокъ, онъ милосердъ: онъ щадитъ кровь подданныхъ. Богъ послалъ его къ соблюденію земли Руской." Своевольный Всеволодъ одаренъ былъ умомъ и проницаніемъ. Принявъ благоразумный совѣтъ Черниговцевъ, онъ сказалъ: „Повинуясь Богу, смирюсь и прекращу распрю." Ярополкъ съ восторгомъ принялъ миролюбивое предложеніе. Но не рѣдко дни радости помрачаются тучами скорби! При самомъ началѣ дней безмятежныхъ, Ярополкъ отошелъ къ отцамъ своимъ. Смерть постигла его 18 Февраля 1138 года. Друзья добродѣтели не забудутъ Ярополка. Среди ужасныхъ бурь, потрясавшихъ его престолъ, онъ не поколебимъ былъ въ Вѣрѣ и въ любви къ человѣчеству.

Годъ Ярополковой кончины достопамятенъ также смертію Всеволода, сына Мстиславова, и внука Владиміра Мономаха.

Въ различныя времена Всеволодъ Княжилъ въ *Переяславлѣ*, въ *Новѣгородѣ-Великомъ*, въ *Вышеградѣ*, наконецъ во *Псковѣ*. Въ Переяславлѣ гонимъ былъ злобою и страстями родственниковъ своихъ. Не воздавая зломъ за зло, Всеволодъ оставилъ градъ, гдѣ стра-

сти превозмогли правоту и добродѣтель. Въ Новѣгородѣ свирѣпствовалъ противъ него легкомысленный народъ, которой, думая, будто бы дѣйствуетъ самъ собою, движется влеченіями посторонними. На вопли, злобу и ропотъ мятежныхъ скопищь, Всеволодъ отвѣчалъ: „Почто ропщете вы на Бога? Какъ Отецъ, Онъ для исправленія нашего посылаетъ мимотекущее бѣдствіе. Прибѣгнемъ къ Нему съ любовію и покорностію нѣжныхъ чадъ. Я удаляюсь отсюда, прося Бога, да хранитъ Онъ васъ отъ своеволія и коварства злоумышленниковъ!" Съ сими словами отъѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ отъ Ярополка Владимировича получилъ во владѣніе *Вышгородъ*.

Добродѣтель торжествуетъ и въ злополучіи. Жители города Пскова, по сопредѣльности съ Новгородомъ, были свидѣтелями кроткаго и человѣколюбиваго Всеволодова правленія и неправеднаго поступка Новгородцевъ. Узнавъ о пребываніи Всеволода въ Вышградѣ, и не имѣя у себя Князя, отправили къ нему пословъ. Всеволодъ не отвергъ усердной прозьбы Псковитянъ; онъ пошелъ съ ихъ послами. Между тѣмъ Василько, Князь Полоцкій, услышавъ о путешествіи

Всеволода изъ Вышграда во Псковъ, забывъ претерпѣнное зло отъ Мстислава, отца Всеволодова, выѣхалъ на встрѣчу къ сыну своего врага. „Богъ, да будетъ свидѣтелемъ,“ сказалъ онъ: „Что я не питаю къ тебѣ никакой ненависти; именемъ Его клянусь забыть все прежнее, и любить тебя по *всей правдѣ.*“ Князь Василько проводилъ Всеволода до самаго Пскова.

Силою добродѣтели противоборствовалъ Всеволодъ гоненію страстей, и владычествовалъ даже и надъ сердцами недоброжелателей его рода; силою мужества и крѣпостію мышцъ низлагалъ и побѣждалъ враговъ и завистниковъ Руской земли. Онъ неоднократно воевалъ противъ Нѣмецкихъ Рыцарей; былъ у города Риги, взялъ *отеческое достояніе*, городъ Юрьевъ; неустрашимо защищалъ новое свое владѣніе; славными побѣдами смирилъ киченіе и строптивость безпокойныхъ враговъ.

Исполинскую силу мужества и крѣпость руки его, свидѣтельствуетъ и теперь еще висящій надъ гробницею его огромный и тяжелый мечъ съ надписью: „*Чести моей никому не отдамъ.*“

ВСЕВОЛОДЪ ОЛЬГОВИЧЪ.

По смерти Ярополка, братъ его *Вячеславъ* занялъ Кіевскій престолъ, княжилъ двадцать дней и отрекся отъ престола по настоятельному требованію *Всеволода Ольговича*. Условясь съ братьями своими, Всеволодъ приступилъ къ Кіеву и послалъ сказать Вячеславу: „Оставь Кіевъ!" Избѣгая кровопролитія, Вячеславъ удалился въ Туровскій свой удѣлъ. Престолу и власти предпочелъ онъ спокойствіе Отечества. Въ семъ подвигѣ Вячеславъ подражалъ отцу своему Владиміру *Мономаху*, который, опасаясь нарушить спокойствіе земли Руской, добровольно уступилъ престолъ Князю *Святополку Михаилу*. Подражаніе отцовскимъ добродѣтелямъ, есть лучшее воздаяніе его памяти.

Пятаго Марта 1139 года вступилъ *Всеволодъ* на престолъ Кіевскій. Властолюбіе чѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ, тѣмъ болѣе алчетъ. Высокомѣрный Всеволодъ, надѣясь на силу свою, мысленно присвоялъ себѣ всѣ области Руския, и для отнятія удѣловъ у сыновъ *Владиміра* и *Мстислава*, лестными обѣщаніями преклонилъ на свою сторону братьевъ своихъ. „Одни Олеговы сыны," сказалъ онъ

имъ: „Будутъ наслѣдниками Великокняжескаго престола. По смерти моей братъ нашъ Игорь Ольговичь взойдетъ на Кіевскій престолъ.“ Наблюдая личную свою пользу, хитрый Всеволодъ желалъ, чтобы и братья его старались не о благѣ общемъ, но о выгодахъ его. *Ольговичи* немедленно рѣшились изгнать изъ Смоленска *Ростислава*, а *Изяслава* изъ Владимира *Волынскаго*. Противъ сего Князя Всеволодъ отправилъ дружину свою; воины его, объятые внезапнымъ страхомъ, обратились въ бѣгство. Къ поправленію сей неудачи, Всеволодъ призвалъ на помощь брата своего *Святослава*; пошелъ съ нимъ къ *Переяславлю* и требовалъ, что бы *Андрей Владимировичь* Переяславскій промѣнялъ свой удѣлъ на Княжество *Курское*. Собравъ дружину, Переяславскій Князь сказалъ: „Умру, но не приму Курскаго владѣнія; умру на престолѣ отцовскомъ. Всеволодъ изгналъ брата моего Вячеслава; Всеволодъ овладѣлъ Кіевскимъ престоломъ; и онъ еще не доволенъ: онъ посягаетъ и на мой удѣлъ; онъ ищетъ моей смерти. Уже ли онъ забылъ, какими бѣдственными междоусобіями возмущалась земля Руская? Властолюбивый *Святополкъ*, для распространенія областей

своихъ, обагрился кровію *Бориса* и *Глѣба*; онъ думалъ, что смертію ихъ продлитъ жизнь свою: братоубійца обманулся и вскорѣ самъ погибъ. Согнанный съ престола терзаніями совѣсти, онъ бѣжалъ изъ Кіева; и преслѣдуемый не силами человѣческими, но правосудіемъ Небеснымъ, кончилъ мучительную жизнь въ пустынѣ. . . . Вѣрная дружина! не я ополчаю васъ на брань; Всеволодъ васъ вызываетъ. Мы сразимся за правое дѣло, Богъ помощникъ правотѣ!"

Между тѣмъ Всеволодъ стоялъ на *Днѣпрѣ*, пославъ брата своего Святослава съ войскомъ къ Переяславлю. Андрей сразился со Святославомъ; правота восторжествовала: Святославъ обратился въ бѣгство.

Кто дорожитъ отеческимъ наслѣдствомъ, тотъ не ищетъ чужаго. Отразивъ Святослава отъ удѣла своего, Андрей остановилъ свою дружину и предложилъ миръ. Въ томъ же году приходили Половецкіе Князья для подтвержденія мирныхъ договоровъ.

Въ нещастныя времена удѣльнаго Княженія въ одномъ мѣстѣ наступала тишина, а въ другомъ возникала буря. Новгородцы, выславъ сына Князя Юрія Владимировича, проименованнаго въ послѣдствіи *Долгорукимъ*,

просили Всеволода, что бы онъ отпустилъ къ нимъ брата своего *Святослава*. Святославъ пріѣхалъ, и былъ изгнанъ. „Дай намъ сына твоего!" послали сказать Новогородцы Всеволоду, и не дождавшись отвѣта, возразили: „Намъ не надобно ни сына, ни брата твоего; мы хотимъ Князя изъ рода Владимира Мономаха." Негодуя на сіи неустройства, Всеволодъ приказалъ воротить и задержать Епископа и пословъ Новогородскихъ. Устрашенные Новогородцы умоляли Всеволода отправить къ нимъ шурина своего *Святополка Мстиславича*. Не уступая Новгорода ни *Владимировичамъ*, ни *Мстиславичамъ*, Всеволодъ призвалъ въ Кіевъ шурина своего Святополка Мстиславича, и посадилъ его подъ стражу съ Новогородскими послами. „Пусть," сказалъ онъ: „пусть Новогородцы управляются своими прихотями; не дамъ имъ никакой помощи; пусть они ищутъ себѣ Князя, гдѣ хотятъ." Сіи неустройства, происходившія 1140 года, показываютъ смятеніе *вольнаго* или *народнаго* правленія.

Вскорѣ ощутили Новогородцы бѣдственныя послѣдствія безначалія: со всѣхъ сторонъ пресѣкся къ нимъ подвозъ хлѣба, столь нужнаго въ странѣ неплодородной, хотя и

богатой деньгами. Купцовъ ихъ перехватывали въ областяхъ Рускихъ и заключали въ темницы. Стѣсненные нуждою, Новогородцы устремились въ Ростовъ и въ скорби душевной вѣщали Князю Юрію Владимировичу: „Всеволодъ не отпускаетъ къ намъ Святополка Мстиславича; а мы *Ольговичей* не хошимъ. Князь! иди самъ въ Новгородъ, или отдай намъ сына своего.“ Юрій отпустилъ къ нимъ сына своего *Ростислава*.

1141 Года скончался Князь Андрей Владимировичь, прославившійся добродѣтелями и ратными подвигами. Надѣясь достигнуть самовластія, Всеволодъ послалъ въ Туровъ за братомъ его *Вячеславомъ*. „Туровскій удѣлъ,“ сказалъ онъ: „принадлежитъ къ Кіевской области; удались въ Переяславль.“ Миролюбивый Вячеславъ безъ прекословія повиновался. По условію ли съ Кіевскимъ Княземъ, или по влеченію зависти, воспалявшей всѣхъ Олеговыхъ сыновъ, *Игорь Ольговичь*, вознамѣрясь отнять Переяславль, выжегъ села, деревни и безжалостно истребилъ огнемъ нивы, — трудъ и надежду поселянъ. Два мѣсяца стоялъ Игорь подъ Переяславлемъ. Разоритель чужой области и на свою страну навлекаетъ всѣ бѣдствія. Къ Вячеславу

пришелъ на помощь изъ Владимира племянникъ его *Изяславъ Мстиславичъ*; въ то же время подоспѣлъ со Смоленскою Дружиною *Ростиславъ Мстиславичъ.* Усердствуя дядѣ своему, сіи Князья овладѣли четырьмя Игоревыми городами. Опасаясь всего лишиться, Игоръ Ольговичь поспѣшилъ къ защитѣ собственнаго удѣла; а Вячеславъ, съ согласія Всеволода, уступя Переяславль племяннику своему Изяславу Мстиславичу, отъ зависти и мятежей опять уклонился въ Туровскій удѣлъ.

1143 Года происходили безкровныя ссоры между удѣльными Князьями; но въ слѣдующемъ году Князь Кіевскій, въ сопровожденіи всѣхъ преданныхъ ему Князей и съ Половцами, ополчился на *Владимира Галицкаго.* Владиміръ, подкрѣпляемый Венграми, выступилъ противъ Всеволода. Послѣ нѣкоторыхъ движеній, по причинѣ рѣки, раздѣлявшей оба войска, Всеволодъ остановился на урочищѣ, которое Татищевъ называетъ *Рижполемъ;* а Владимиръ учредилъ свой станъ на *Голыхъ горахъ.*

И въ семъ мѣстѣ рѣка *Бѣлка* раздѣляла сопротивниковъ. Всеволодъ приказалъ полкамъ своимъ наводить мосты; поутру переправился и занялъ въ тылу Владимира горы,

оставленныя имъ по неосторожности. Владимиръ, ожидая нападенія, выстроился передъ *Звенигородомъ* между стѣнами и валомъ. Видя, что узкое мѣсто и болото, простиравшееся до горы, препятствуютъ движенію войскъ, Всеволодъ по горамъ устремился въ обходъ, отрѣзывая Владимира отъ *Перемышля* и отъ *Галича*. Владимировы полки возмутились страхомъ; Галицкая дружина воскликнула: „Здѣсь стоимъ неподвижно, а насъ обошли, насъ отрѣзали отъ роднаго нашего города; наши жены, наши дѣти, наши имущества, все достанется въ плѣнъ Князю Кіевскому." Слыша сіи вопли, Владимиръ *Галицкій* прибѣгаетъ къ хитрости; онъ отправляетъ сказать Игорю Ольговичу, что естьли примиритъ его со Всеволодомъ, то по смерти его будетъ ревностно помогать ему въ достиженіи Кіевскаго престола. Лесть уловляетъ малодушныхъ. Игорь началъ умолять брата своего о примиреніи съ Владимиромъ, и видя, что прозьбы его не дѣйствуютъ, сказалъ съ гнѣвомъ: „Ты назначилъ мнѣ Кіевское княженіе; но какая мнѣ въ томъ польза? Уже ли ты забылъ, какъ ненадежны завѣщанія? Уже ли ты обольщалъ

меня Кіевскимъ престоломъ тогда только, когда имѣлъ нужду во мнѣ? Естьли дѣйствительно упрочиваешь мнѣ великое Княжество, то для чего же гонишь моихъ доброжелателей? Владимиръ Галицкій мнѣ преданъ; а ты хочешь разорить его удѣлъ. Какую получу отъ того выгоду? Я лишусь друга; соперники мои восторжествуютъ, и вмѣсто назначаемаго тобою престола, по примѣру многихъ другихъ Князей, принужденъ буду скитаться по чужимъ областямъ. Твои братья, сыны Олеговы, привыкли владычествовать, а не порабощаться. Естьли ты завѣщаваешь мнѣ Кіевскій престолъ сердцемъ, а не одними словами, то примирись съ Владимиромъ." Всеволодъ, въ тотъ же день заключа миръ съ Владимиромъ, взялъ съ него *тысячу двѣсти гривенъ серебра*, которыя раздѣлилъ Князьямъ, съ нимъ бывшимъ.

1146 Года Владимиръ *Галицкій*, позабывъ претерпѣнный имъ стыдъ и убытокъ, снова вооружился. Всеволодъ готовился къ усмиренію мятежнаго Князя, смерть остановила его походъ. Игорь домогался престола Кіевскаго; но Кіевляне его отвергли. Отправя пословъ въ Переялавль, они пригласили на Кіевское княженіе Изяслава Мстиславича.

Изяславъ съ восхищеніемъ принялъ сію вѣсть, забывъ, какимъ волненіемъ подвержена Великокняжеская власть. Принявъ Благословеніе у *Епископа Михаила*, онъ перешелъ черезъ Днѣпръ съ Переяславскою дружиною, къ которой присовокупились *Берендеи*, и остановился на *Желани*. Игорь, вспомоществуемый братомъ своимъ *Святославомъ*, выступилъ противъ Изяслава. Дошедъ до *Олеговой могилы*, сыны Олеговы объялись внезапнымъ страхомъ и обратились въ бѣгство. Многіе изъ воиновъ ихъ достались въ плѣнъ, другіе утонули въ рѣкахъ. Высокомѣріе губитъ и себя и другихъ.

КНЯЖЕНІЕ ИЗЯСЛАВА МСТИСЛАВИЧА.

Изяславъ Мстиславичь встрѣченъ былъ торжественно Кіевскими жителями, предводимыми духовными во всемъ облаченіи и со крестами. Игорь узналъ, какъ не надежны обѣщанія и замыслы человѣческія! На пятой день послѣ бѣгства, извлекли его изъ болота и отослали въ монастырь на *Выдобичь*, откуда перевели въ Переяславль и повергли въ темницу. Такъ кончилось мгновенное владычество Игорево: престолъ отъ темницы

отстоялъ для него на одинъ шагъ. Братъ его Святославъ, соучаствовавшій въ высокомѣрныхъ покушеніяхъ, бѣжалъ къ *Новгороду-Сѣверску*.

Услыша о бѣдственномъ жребіи *Игоря Ольговича*, Половецкіе Князья отправили къ Изяславу мирныхъ пословъ. Миръ съ Половцами не успокоилъ земли Руской; возгорѣлись новыя междоусобія; пламя ихъ распространилось повсемѣстно. Отъ злоумышленія наушниковъ, отъ зависти и властолюбія свирѣпствовали крамолы и убійство: кровь Руская лилась не для защиты, но для разоренія Отечества. Въ сіе злополучное время *Игорь Ольговичъ* пожелалъ отречься отъ міра; Изяславъ, позволивъ ему постричься, для предосторожности изъ Переяславля перевелъ въ Кіевъ, гдѣ поручилъ за нимъ неусыпно наблюдать.

Въ половинѣ 1147 года было необычайное знаменіе въ солнцѣ; гремѣли страшные громы, сопровождаемые порывистыми вѣтрами. Гроза, свирѣпствовавшая на землѣ, была еще ужаснѣе. Черниговскіе Князья, забывъ Бога и Вѣру, условились убить Кіевскаго Князя и освободить Игоря Ольговича. Сопровождая злоумышленіе коварствомъ, они

послали сказать Изяславу: „Земля наша гибнетъ, а Князь Кіевскій въ бездѣйствіи. Онъ первый долженъ быть защитникомъ притѣсненныхъ; мы имъ сильны; въ немъ наша защита; мы зовемъ его къ оборонѣ нашихъ областей.“ Уловленный симъ коварнымъ приглашеніемъ, Изяславъ переправился черезъ Днѣпръ; а брата своего Владимира оставилъ въ Кіевѣ для соблюденія порядка. Остановясь у *Черторыня*, Изяславъ отправилъ въ *Черниговъ* Воеводу своего *Улеба*. Узнавъ о заговорѣ Князей, усердный Улебъ немедленно поспѣшилъ къ Князю своему и увѣдомилъ его о предстоящей опасности. Воротя дружину къ Кіеву, Изяславъ впередъ себя послалъ *Добрынку* и *Радила* сказать *Лазарю*, Кіевскому Тысяцкому, что нужно поголовное вооруженіе. По Владимировой повѣсткѣ, Кіевляне многочисленными толпами стекаются къ Софійской церкви, куда и онъ пришелъ вмѣстѣ съ Митрополитомъ и вѣстниками Князя Изяслава. Кіевляне шумно воскликнули къ вѣстникамъ: „Объявите, что говоритъ Князь?“ Вѣстники отвѣчали: „Князь приказалъ возвѣстить: *Цѣловали мнѣ крестъ Давидовичи и Святославъ Всеволодовичь, которому оказалъ я много добра. Забывъ*

клятву, забывъ честь и благодѣянія, Святославъ и Давидовичи, подъ предлогомъ освобожденія Игоря Ольговича, условились обагрить руки свои въ крови моей. Богъ и крестъ, которому вѣроломные измѣнили, защитили меня. Вооружитесь! Конные и пѣшіе, всѣ спѣшите къ Чернигову! Не меня одного; злодѣи и васъ хотятъ искоренить.“ Кіевляне воскликнули: „Князь зоветъ насъ къ Чернигову, а здѣсь Игорь, врагъ его; убьемъ Игоря, вступимся за Князя нашего; сразимся за него; вооружимъ и дѣтей малолѣтныхъ.“ Владиміръ возразилъ: „Братъ мой, а вашъ Князь, не требуетъ смерти Игоревой. Игорь не уйдетъ; онъ подъ неусыпной стражей. Не здѣсь, на полѣ брани обнажите мечи ваши!“ „Знаемъ,“ возразили раздраженные Кіевляне: „знаемъ, что братъ твой не требуетъ Игоревой смерти; но мы хотимъ его поразить. Давно ли Игорь опустошалъ область Переяславскую, давно ли выжегъ онъ нивы земледѣльческія и отнялъ пропитаніе у бѣдныхъ нашихъ Переяславскихъ братьевъ? Руская земля много пострадала отъ развратныхъ сыновъ властолюбиваго Олега; пусть племя его навсегда погибнетъ!“ Съ сими словами толпы Кіевлянъ

устремились къ убійству; Владиміръ Изяславичь, вскочивъ на коня, полетѣлъ къ спасенію Игоря. Не могши обогнать Кіевлянъ, тѣснившихся черезъ мостъ, онъ поворотилъ вправо. Мятежники упредили Владиміра, и въ святотатственномъ изступленіи исторгли молящагося Игоря изъ церкви. Владиміръ встрѣчаетъ Игоря у монастырскихъ воротъ. Воззрѣвъ на Владиміра, страдалецъ воскликнулъ: *Что будетъ со мною?* Владиміръ соскочилъ съ коня, прикрылъ Игоря полою одежды своей и сказалъ: „Друзья! не творите зла, не обагряйте рукъ своихъ въ крови Игоревой; не онъ виновникъ заговора: Князья Черниговскіе условились убить брата моего. Не безславьте себя, не безславьте Князя вашего." Буйство не укрощалось; Владиміръ рѣшился ввести Игоря въ домъ матери своей. Мятежники, отнимая жертву свою, нанесли ударъ и великодушному защитнику. Ворвавшись въ домъ матери Князя Владиміра, схватываютъ, влекутъ Игоря, поражаютъ и кровію его обагряютъ Кіевскія улицы. Совершивъ злодѣяніе, убійцы вопіютъ: „Не мы убили Игоря; его убили *Давидовичи* и *Всеволодовичи*. Они условились пролить кровь наше-

го Князя; но Богъ его защитилъ!" Произнося имя Божіе, мятежники не помышляли, что Богъ караетъ смертоубійцъ. Буйство помрачаетъ разсудокъ. Вѣсть о плачевной смерти Игоревой поразила скорбію сердце Князя Изяслава. „Естьли бъ Кіевляне меня любили," промолвилъ онъ въ слезахъ: „Они не нарушили бы долга своего, они не обезславили бъ себя смертоубійствомъ. Не ихъ, но меня будетъ укорять земля Руская!"

Смерть Князя Игоря не прекратила междоусобія Князей. Причина вражды заключалась въ сердцахъ ихъ, пылавшихъ ненавистію, завистью, недовѣріемъ и властолюбіемъ. Родной дядя Князя Изяслава Мстиславича, Юрій Владимировичь *Долгорукій*, послалъ изъ *Суздаля* сына своего *Ростислава* на помощь Изяславовымъ врагамъ. Ростиславъ ослушался отца; онъ пошелъ къ Князю Изяславу, а не ко врагамъ его. Кіевскій Князь принялъ его съ радостію и надѣлилъ волостями. По стеченію обстоятельствъ безпокойныхъ тѣхъ временъ, сынъ Юрія былъ въ Кіевѣ; а Изяславъ пошелъ на помощь Новогородцамъ, воевавшимъ съ Княземъ Юріемъ. Съ наступившею весною Изяславъ возвратился въ Кіевъ; Кіевляне приняли его съ

восторгомъ; но ненавистники общаго блага, обогащавшіеся раздорами Князей и погибелью согражданъ, внушили Изяславу, будто бы Ростиславъ, обольстя *Берендеевъ* и Кіевлянъ, домогался похитить его престолъ. Возмутясь подозрѣніемъ, Изяславъ отнялъ у Ростислава все имущество и съ четырью только сопутниками отправилъ его къ отцу въ *Суздаль.* Сжалясь надъ злополучнымъ жребіемъ сына своего, Князь Юрій воскликнулъ: „Уже ли мнѣ одному и дѣтямъ моимъ нѣтъ удѣла, нѣтъ участка въ землѣ Руской?“ Усиля войско свое Половцами и Княжескими дружинами враговъ Князя Изяслава, Юрій пошелъ къ Кіеву. Около мѣсяца стоялъ онъ у *Бѣлой Вежи*, ожидая отъ Изяслава мирныхъ пословъ; видя упорство Кіевскаго Князя, онъ отступилъ къ Переяславлю, гдѣ находился тогда Князь Владиміръ Мстиславичь съ братомъ своимъ Ярополкомъ и куда вскорѣ прибылъ и самъ Изяславъ. „Пусть,“ сказалъ Изяславъ: „Пусть Юрій придетъ ко мнѣ съ сынами своими; я дамъ ему удѣлъ по выбору его. Но вмѣсто покорности онъ возсталъ на меня съ Половцами и съ врагами моими Ольговичами. Вступлюсь за честь мою, буду сражаться!“ Кіевляне воскликнули: *Мирись! мы*

нейдемъ на бой! „Приобрѣтемъ миръ оружіемъ,“ возразилъ Изяславъ: „Или никогда не дождемся прочнаго мира. Усмиримъ горделивцевъ!“ На четвертый день наступилъ часъ битвы. Епископъ Евфимій, отслужа обѣдню, вѣщалъ Изяславу со слезами: „Князь! примирись съ дядею своимъ, Богъ тебя наградитъ: кротость и любовь избавляютъ области отъ разоренія. Вспомни Бога; пощади людей своихъ!“ Изяславъ, ослѣпленный высокомѣріемъ и надеждою на многочисленное войско, отвергъ убѣжденія благочестиваго Пастыря; онъ вступилъ въ бой, сражался цѣлый день, и съ закатомъ солнечнымъ изчезли всѣ надежды, обольщавшія его поутру: войско разсѣялось и побѣжало. Изяславъ съ тремя только спутниками переправился черезъ Днѣпръ подъ *Каневымъ*. Предупреждая плѣнъ жены и дѣтей своихъ, онъ поспѣшилъ съ ними къ *Луцку;* побѣдоносный Юрій вступилъ въ Кіевъ. Не умѣвъ кротостію и благоразуміемъ сохранить своего престола, Изяславъ принужденъ сталъ искать чужой и не надежной подпоры. Венгры и Поляки взялись ему вспомоществовать; но вскорѣ, охладѣвъ въ усердіи, или, лучше сказать, сомнѣваясь обогатиться корыстію, удалились въ свои предѣлы, совѣтуя заключить миръ.

Къ присвоенію Изяславовыхъ областей Юрій Владимировичь выступилъ въ походъ съ сынами своими въ исходѣ 1149 года. . . . Гдѣ братья поражаютъ братьевъ, тамъ нѣтъ ни чести, ни славы. Въ сей бѣдственной междоусобной борьбѣ достоинъ только вниманія подвигъ Князя Андрея Юрьевича, названнаго *Боголюбскимъ* за добродѣтели, его украшавшія. Сей Князь предводительствовалъ передовымъ войскомъ. Отъ сильнаго напора Изяславовой дружины, Половцы, помогавшіе Князю Юрію, побѣжали; Ростиславъ, стоявшій за отрядомъ Андреевыхъ войскъ, призывалъ брата своего соединиться съ нимъ; вся дружина воскликнула: „Удалимся; чего здѣсь ждать, кромѣ стыда. Малодушные Половцы бѣгутъ; дружины наши разстроились: удалимся!" Не возмущаясь сими укорами и претерпѣнною неудачею, Андрей спокойно устроиваетъ войско свое, соединяется подъ *Дубнами* съ Ростиславомъ и съ Половцами, ожидая помощи отъ отца своего. Услыша, о приближеніи Князя Юрія, они устремились къ *Луцку* двумя путями. Добродѣтельный Андрей, сѣтуя о раздорахъ земли Руской, со скорбію души своей сообразилъ и строй воинскій. Дружина его соблюдала безмолвіе, главное знамя было свернуто;

онъ шелъ безъ всякаго блеска, съ одною надеждою на Бога, моля Его, что бы сія брань окончила распри междоусобныя. Не видя знамя, развѣвающагося въ воздухѣ, братья его думали, что онъ объятъ страхомъ и боязнію. Между тѣмъ онъ первый ударилъ, первый напалъ на полки сопротивные, и быстро преслѣдовалъ пѣхоту. Дружина его отстала; непріятели со всѣхъ сторонъ его окружили. Андрея сопровождали только два юные воина; со стѣнъ городскихъ летѣли тучи стрѣлъ. Одинъ иноплеменникъ готовился нанесть ему смертный ударъ; въ сіе мгновеніе, призвавъ Бога и извлекши мечь, Князь Андрей прорубился сквозь окружавшую его толпу. Одинъ изъ юныхъ его сопутниковъ кровію запечатлѣлъ вѣрность и усердіе. Израненный конь вскорѣ палъ; Князь Андрей, въ память его заслугъ, приказалъ предать землѣ близь рѣки *Стыра*.

Войска сопротивниковъ сошлись подъ *Луцкомъ*, гдѣ Владиміръ, братъ Изяславовъ, претерпѣвалъ голодъ и жажду; полки Князя Юрія, облегши городъ, препятствовали ему добывать воду. Жалѣя страждущаго брата, Изяславъ побѣдилъ высокомѣріе свое братскою любовію и послалъ про

сить Князя Юрія о примиреніи. Ростиславъ и Ярославъ отклоняли отца своего отъ мира; но добродѣтельный Князь Андрей съ душевнымъ умиленіемъ сказалъ: „Родитель мой! не отвергай Изяславовой прозьбы, успокой землю Рускую, не губи Отечества! Славно побѣждать милосердіемъ; увѣнчайся любовью." Отецъ внялъ убѣжденію сыновнему; Изяславъ свидѣлся съ Княземъ Юріемъ, условился съ нимъ о мирѣ и отъѣхалъ во Владимиръ на Волынь. Князь Юрій не довершилъ родственнаго торжества; онъ не отдалъ доброволько племяннику своему Изяславу Кіевскій престолъ, и самъ былъ изгнанъ. Въ томъ же году Изяславъ, домогаясь присвоить себѣ Переяславль, былъ побѣжденъ и бѣжалъ изъ Кіева. Юрій, особенно вспомоществуемый Княземъ Галицкимъ, вторично овладѣлъ Кіевскимъ престоломъ, не взирая на упорство Кіевлянъ. Изгнанный Изяславъ снова прибѣгнулъ къ миролюбивому Андрею съ прозьбою о примиреніи его съ отцемъ его; и въ то же время препоручилъ посламъ своимъ обозрѣть состояніе Андреевыхъ войскъ. Хотя осторожный Андрей примѣтилъ хитрость Изяславову; но по великодушію предстательствовалъ за него у

Князя Юрія. Въ сей разъ убѣжденія его не подѣйствовали. Изяславъ, приглася Венгровъ и Поляковъ, ополчился съ ними и занялъ Кіевъ, гдѣ Юрій Владимировичь не могъ утвердиться потому, что престолъ его не подкрѣплялся любовію Кіевлянъ. Препятствія и неудали, раздражая властолюбіе, усиливаютъ его. 1151 Года съ Княземъ Владимиромъ *Галицкимъ* и съ Половцами Юрій вооружился на Изяслава. Послѣ различныхъ битвъ, сопровождаемыхъ перемѣннымъ щастіемъ, онъ заключилъ съ Изяславомъ миръ и утвердилъ оный клятвою, произнесенною устами, а не сердцемъ.

Лишась надежды обладать Кіевскимъ престоломъ, Юрій Владимировичь вознамѣрился основать другое Великое Княжество. Желая, такъ сказать, переселить всю Кіевскую область въ предѣлы владѣнія своего, вновь созидаемымъ городамъ давалъ такія же имена, какія и тамъ существовали. Построенный городъ на *Клязьмѣ* названъ *Владимиромъ*, въ подражаніе Владимиру на *Волыни*, основанному Владимиромъ Первымъ. Въ напоминаніе отечественнаго города *Переяславля*, *Юрій* выстроилъ Переяславль на *Клещинѣ* озерѣ; а рѣку, при ономъ текущую, наи-

меновалъ *Трубежемъ*. Сѣтуя по родинѣ, Юрій желалъ возобновить ее въ другой сторонѣ; а по раздраженному самолюбію учрежденіемъ новаго престола домогался поколебать престолъ Кіевскій. Увеличивая *Ярославь*, заложилъ городъ *Кострому*, и къ населенію сихъ городовъ приглашалъ *Болгаръ*, *Мордву* и *Венгровъ*, которые съ радостію спѣшили въ изобильныя области Россіи. Татищевъ утверждаетъ, что Юрій Владимировичь къ новому великому княженію присовокупилъ Князей *Рязанскихъ* и *Муромскихъ*, обязавъ ихъ клятвою уважать права и власть его. Симъ земскимъ распорядкомъ и утвержденіемъ новаго Великаго Княжества, Князь Юрій занимался около 1154 года.

Неустройства продолжались въ областяхъ Кіевскихъ. При шумѣ междоусобныхъ браней пресѣклась жизнь Князя Изяслава; смерть постигла его 1154 года Ноября 13. Изяславъ княжилъ съ небольшимъ *восемь лѣтъ*; непродолжительное его княженіе свидѣтельствуетъ, какимъ превратностямъ подвержена скоротечная жизнь человѣческая; оно доказываетъ также силу добродѣтели и любви къ человѣчеству. Хотя по причинѣ непрестанныхъ мятежей, *Изяславъ* не могъ заняться внутреннимъ управленіемъ области своей; но

сердца Кіевлянъ были ему преданы и тогда, когда постигали его скорбь и изгнаніе. Вѣра, любовь и милосердіе, суть твердѣйшій союзъ Вѣнценосца съ подданными; сей союзъ не разрывается ни бѣдствіями, ни смертію. Благодѣтель человѣчества не умираетъ; бытіе его остается въ сердцахъ.

ЮРІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЬ ДОЛГОРУКІЙ.

По смерти Изяслава Мстиславича въ короткое время произошли многія неустройства. Споря о Кіевскомъ престолѣ, Удѣльные Князья разоряли Отечество, и въ области Рускія сами привлекли Половцевъ. Князь Святославъ Всеволодовичь былъ ими взятъ въ плѣнъ; другіе Князья разсѣялись; Кіевскій престолъ опустѣлъ; наемные Половцы распространили страхъ и опустошеніе. Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ Кіевляне призвали Изяслава Давидовича, для защиты ихъ отъ враговъ.

Въ туже зиму, то есть, 1155 года, Князь Юрій изъ областей своихъ пошелъ къ Смоленску. Услыша о смерти Изяслава Мстиславича и о княженіи Изяслава Давидо-

вича, поспѣшилъ въ Кіевскіе предѣлы. Приближаясь къ Кіеву, послалъ сказать Изяславу, что бы онъ уступилъ ему престолъ. Полюбя Кіевъ, Изяславъ сперва воспротивился сему требованію; но вспомня, что отъ упорства его произойдетъ кровопролитіе, отправилъ къ Князю Юрію вѣстника съ сими словами: „Я не искалъ Кіевскаго престола; Кіевляне сами пригласили меня: оставляю престолъ; кровію согражданъ моихъ не хочу купить власти. Владѣй въ Кіевѣ; я удалюсь въ Черниговъ. Совѣсти моей не промѣняю на блескъ скоротечной.“ Кротостью и добродѣтелью Князь Изяславъ Давидовичь остановилъ потоки крови, и за любовь Кіевлянъ не повергъ семействъ ихъ въ слезы и сѣтованіе. Вѣра и любовь къ человѣчеству знаменуются великодушными пожертвованіями.

Князь Юрій, сынъ Владимира *Мономаха*, за покушеніе на чужія области и за властолюбіе, названный *Долгорукимъ*, радостно вошелъ въ Кіевъ; онъ достигъ главной своей цѣли, онъ вступилъ на престолъ Кіевскій. Половцы, непримиримые враги покоя и тишины, ворвались въ области Руския и захватили множество плѣнныхъ. Буйство рѣдко

сопровождается осторожностью; на Половцевъ, безпечно предавшихся сну, напали на утренней зарѣ Берендеи. Многіе изъ нихъ, не успѣвъ проглянуть, пали подъ остріемъ меча.

1156 Года происходили распри и перемирія между Удѣльными Князьями и Половцами, которые при началѣ каждаго княженія за соблюденіе тишины выпрашивали дары и, получа оные, возобновляли набѣги и разореніе. Въ томъ же году приходили въ Кіевъ нѣкоторые Князья, для изъявленія покорности своей Князю Кіевскому; въ числѣ ихъ находились сыны Изяславовы *Владиміръ* и *Ярославъ*. Князь Юрій, по праву Великаго Князя, требовалъ, что бы и братъ ихъ Мстиславъ Изяславичь также пришелъ къ нему. Кичливый Князь отвѣчалъ: „Не отдамся добровольно въ руки Князя Кіевскаго, не хочу быть убійцей самаго себя; Юрію нужна не покорность, но жизнь моя." Раздраженный ослушностью Князя Мстислава, Юрій съ зятемъ своимъ *Ярославомъ Владиміровичемъ* пошелъ ко Владиміру на Волынь, гдѣ Мстиславъ тогда находился. Увидя приближеніе многочисленнаго войска, Мстиславъ Изяславичь съ дружиною своею затворился въ го-

роде, и сильно сопротивлялся. Кровь лилась у стенъ городскихъ; раненые въ изнеможеніи умирали. Сжалясь надъ гибелью воиновъ, Князь Юрій сказалъ сынамъ и Боярамъ своимъ: „Прощаю Мстиславу ослушаніе его, не хочу погибели воиновъ; мнѣ жаль крови человѣческой. Я ополчился не для отнятія удѣла Мстиславова, но для принятія отъ него покорности. Онъ ослушался, онъ презрѣлъ старшинство; онъ отдастъ отвѣтъ Богу." Юрій возвратился въ Кіевъ, а зять его Ярославъ удалился въ Галицкую свою область. Симъ подвигомъ окончились дѣянія и жизнь Князя Юрія. Онъ умеръ въ Кіевѣ 1157 года Мая 15; прахъ его преданъ былъ землѣ въ церквѣ *Святаго Спаса* на *Берестовѣ.*

Изъ всѣхъ дѣяній Князя Юрія Владимировича видно, что *гордость, зависть* и *властолюбіе* были главными его свойствами. По зависти и по властолюбію домогался онъ престола, которымъ владѣлъ родной его племянникъ *Изяславъ Мстиславичъ*, а по гордости не хотѣлъ ему повиноваться. Старинные сочинители лѣтописцевъ, почти всегда означающіе отличительныя качества Князей и Бояръ, ни слова не упоминаютъ о склонности Князя Юрія къ *сладострастію,* въ чемъ уко-

ряютъ его нѣкоторые новыя писатели. Поводомъ къ сей укорѣ послужила ссылка *Татищева* на *раскольническую* рукопись, изъ которой почерпнулъ онъ мнимыя сказанія о любви Князя Юрія къ женѣ Суздальскаго Тысяцкаго *Кучки*, который будто бы изъ Суздаля бѣжалъ съ женою своей въ Москву и заключилъ ее подъ строгій присмотръ. Юрій поспѣшилъ въ Москву, освободилъ любовницу свою изъ заключенія и казнилъ мужа ея. Кромѣ *роскольничей* рукописи о семъ ни гдѣ не упомянуто. Въ краткой *Московской лѣтописи* Сумароковъ пишетъ, будто бы Юрій непосредственно послѣ отца своего Владимира *Мономаха* вступилъ на Кіевскій престолъ и будто бы старшаго сына своего *Андрея* тогда же назначилъ Государемъ *Суздаля* и *Владимира*. Продолжая свой вымыслъ, Сумароковъ говоритъ, что Князь Юрій, желая посѣтить сына своего, увидѣлъ на пути по обѣ стороны Москвы рѣки прекрасныя села, принадлежавшія Степану Ивановичу *Кучкѣ*, котораго казнилъ за неотданіе ему должныхъ почестей. Никакіе старинные лѣтописцы о семъ разсказѣ не упоминаютъ. Иноплеменные писатели, ссылаясь на сіе ложное преданіе, заключаютъ, будто бы *злодѣяніе*

основало Москву; сіе изреченіе повторено въ иностранныхъ извѣстіяхъ 1812 года. Въ *Степенныхъ книгахъ* просто сказано, что Князь Юрій *возобновилъ* Москву, которая, по свидѣтельству той же лѣтописи, основана *Олегомъ*, во время похода его изъ Новогородскихъ областей къ Кіеву. Выдумывать мнимыхъ преступленій и злодѣяній не нужно: всемірныя лѣтописи и безъ того изобилуютъ повѣствованіями о бѣдствіяхъ, происходящихъ отъ зависти, властолюбія и отъ разврата страстей.

КНЯЖЕНІЕ АНДРЕЯ ЮРЬЕВИЧА БОГОЛЮБСКАГО.

По смерти Князя Юрія *Долгорукаго*, начались обыкновенныя пренія о престолѣ. 1158 Года вступилъ на престолъ Кіевскій *Изяславъ Давидовичъ*, и, помрачая прежнія добродѣтели свои, расхитилъ сокровища своего предмѣстника, распустилъ его дружины и заключилъ въ темницы Бояръ, не доброжелательствовавшихъ ему. Власть *Изяслава Давидовича* началась и кончилась въ теченіи одного года; изгнанный Княземъ

Мстиславомъ Изяславичемъ, бѣжалъ онъ къ Вятичамъ, жившимъ въ нынѣшней Орловской области, и домагаясь снова Кіевскаго престола, нанялъ Половцевъ. *Ростиславъ* Смоленскій, призванный Князьями, поразилъ Изяслава, вооружившаго къ пагубѣ соотечественниковъ злѣйшихъ ихъ враговъ. Уступя Кіевъ *Ростиславу Мстиславичу*, Мстиславъ отошелъ во *Владимиръ* на Волынь. Сей городъ съ пришествіемъ его взялъ первенство надъ Кіевомъ, который отъ непрестанныхъ распрей и мятежей сохранялъ одну тѣнь прежняго могущества. Въ сіе время Князь Андрей *Боголюбскій*, оправдывая дѣлами данное ему наименованіе за добродѣтели и благочестіе, занимался внутреннимъ управленіемъ областей своихъ, приводилъ въ цвѣтущее состояніе Владимиръ, основанный отцемъ его на рѣкѣ *Клязьмѣ* 1152 года, и сооружалъ храмы Божіи.

На другомъ краю Руской земли междоусобія Удѣльныхъ Князей часъ отъ часу усиливались: одни изъ нихъ съ помощію Половцевъ разоряли области Черниговскія, другіе опустошали страну Смоленскую; и въ Новгородѣ происходили безпокойства, не раздѣльныя съ правленіемъ самовольнымъ.

1160 Года Андрей *Боголюбскій* соорудилъ во Владимирѣ храмъ Божіей Матери. Въ то же самое лѣто истребленъ пожаромъ *Ростовъ*; великолѣпныя церкви и жилища обывателей превратились въ пеплъ. Кромѣ войны и междоусобныхъ распрей довольно есть бѣдствій, поражающихъ человѣчество; развратъ страстей еще болѣе ихъ умножаетъ.

1192 Года, по причинѣ возникшихъ неустройствъ въ удѣлѣ *Суздальскомъ*, Князь Андрей изгналъ Суздальскаго Епископа *Леона*, мачиху свою, сыновъ ея: *Мстислава*, *Василія*, малолѣтнаго *Михаила* и двухъ своихъ племянниковъ. Лѣтописатель *Силивестръ* говоритъ, что Андрей изгналъ ихъ для того, чтобъ учиниться самовластителемъ Суздальской области. Какимъ превратностямъ подвержены добродѣтели человѣческія! Тотъ самый Князь, который при жизни отца своего старался примирять съ нимъ Князей, тотъ самый Князь изгоняетъ мачиху и братьевъ своихъ! Переходъ отъ добродѣтели къ насилію не можетъ быть такъ быстръ. Сіе злоключеніе семейственное давно приготовлялось: развратъ не терпитъ добродѣтели. По словамъ *Никона*, домашніе, или придворные Князя Андрея Боголюбскаго,

страшась его добродѣтелей и не находя выгодъ своихъ подъ сѣнію мира и тишины, умыслили возжечь родственную распрю. Клеветники и наушники, уловляя въ сѣти свои Князя Андрея, непрестано ему твердили: „Князь! опасайся сыновъ мачихи своей; опасайся своихъ родственниковъ! Ты учреждаешь новое княженіе, ты неусыпно трудишься о соблюденіи порядка; они на все смотрятъ завистными очами и выжидаютъ способнаго случая, чтобы истребить плоды трудовъ твоихъ и похитить у тебя власть и жизнь. Не то ли дѣлаютъ Князья Кіевскіе? Къ чему служило твое великодушіе? Тебѣ платили неблагодарностію. Отринь милосердіе; вооружись строгостію для собственнаго твоего блага; укроти заблаговременно буйство, или ты погубишь область свою и себя.“ Между тѣмъ сіи злоумышленники, домогаясь овладѣть имуществомъ братьевъ и родственниковъ Князя Андрея, внушали имъ, что бы опасалися его; увѣряли, что, подъ личиною кротости, онъ скрываетъ ненасытное властолюбіе и что естьли не предупредятъ его замысловъ, то неминуемо будутъ жертвами безпечной своей неосторожности.

Враги добродѣтели и при Дворахъ царскихъ и въ жилищахъ частныхъ людей идутъ одними путями къ злоумышленной цѣли своей. Въ чертогахъ, къ уловленію Царей, сперва отдаляютъ они сердца ихъ отъ подданныхъ, потомъ подданныхъ противъ нихъ вооружаютъ. Подъ кровомъ частныхъ семействъ сперва ссорятъ отца съ дѣтьми, потомъ братьевъ съ братьями; наконецъ, расторгнувъ всѣ связи родственныя, искореняютъ жилище, процвѣтавшее любовью и согласіемъ. Какъ гибнутъ семейства, такъ и Царства упадаютъ. Естьли не будемъ обращать къ пользѣ общественной примѣровъ, сохраненныхъ въ лѣтописяхъ; тогда *Исторія* будетъ безполезной *сказкой*.

Въ самое то время, когда уже клевета и коварство усиливали вражду Князя Андрея съ братьями и родственниками, а въ сердцѣ сего Князя утверждали недовѣріе; въ сіе время Суздальской Епископъ *Леонтій* началъ проповѣдывать ученіе, противное благочестію и уставамъ церкви. Лѣтописи Рускія не говорятъ, пристали ль къ нему братья Князя Андрея; но можно догадываться, что враги общаго спокойствія происками своими присоединили ихъ къ мятежу развратнаго

Епископа. Коварные клеветники восторжествовали. Заранѣе расчитывая, что достанется имъ, по изгнаніи страдальцевъ, они еще настоятельнѣе убѣждали, что одно самовластіе можетъ истребить раздоры и междоусобія. Князь Андрей впалъ въ разставленныя сѣти. Вмѣстѣ съ Епископомъ *Леонтіемъ* изгналъ онъ сыновъ мачихи своей. Хотя лѣтописцы не сохранили намъ никакихъ подробностей о семъ изгнаніи; но вѣроятно, что клеветники и наушники не допустили Князя Андрея видѣться ни съ братьями, ни съ мачихою: они знали, что голосъ стенящей матери поколебалъ бы сердце добродѣтельнаго Князя. Видя лесть и коварство, столь часто извивающіяся сокровенными путями у престола Царей, убѣждаемся, что жребій ихъ достоинъ сожалѣнія, а не зависти.

Нѣжная мать, жалѣя о судьбѣ малолѣтнаго *Михаила*, вмѣстѣ съ сынами своими удалилась въ области Греческія, въ *Царьградъ*, гдѣ у престола Царя Греческаго умоляла о покровительствѣ. Голосъ материнской любви побѣждаетъ души и сердца; Греческій Царь далъ убѣжище изгнанникамъ и на содержаніе ихъ опредѣлилъ четыре города.

Полагаютъ, что *Ольга*, мачиха Князя Андрея, была сестра *Мануила* Перваго *Комнина*, владѣвшаго тогда въ Царьградѣ. По изгнаніи братьевъ и мачихи Князя Андрея, сильныя распри и мятежи волновали Суздальскую и Ростовскую область. Мятежи сіи произошли отъ злодѣевъ, основавшихъ выгоды свои на разореніи народномъ.

Отъ 1163 до 1164 года не происходило ничего важнаго въ странѣ Кіевской; извѣстно только, что въ сіе время княжилъ тамъ *Ростиславъ Мстиславичь*, который, уклонясь отъ всѣхъ мятежныхъ предпріятій, желалъ спокойствія и тишины.

1164 Года Князь Андрей, взявъ съ собою въ походъ сына своего *Изяслава*, брата своего, Князя *Ярослава* и Князя *Муромскаго*, воевалъ съ *Болгарами*, разсѣялъ ихъ полки и едва не плѣнилъ Болгарскаго Князя, убѣжавшаго съ малою дружиною. Сею побѣдою распространилъ онъ владѣнія свои до рѣки *Камы.* Легче распространять области и побѣждать внѣшнихъ враговъ, нежели происки, клеветы и злоумышленія.

Нѣкоторые говорятъ, что послѣ побѣды надъ Половцами, а другіе полагаютъ, что по низложеніи Болгаръ, Князь Андрей пере-

несъ столицу свою во Владимиръ, хотя Ростовцы и Суздальцы сильно тому противились, представляя старшинство свое и называя Владимиръ *пригородкомъ* Ростова и Суздаля.

Въ томъ же году Шведы нападали на *Ладогу*; были отражены и потерпѣли большой уронъ.

1162 Года изъ Царьграда бѣжалъ въ Галичь братъ Царя Мануила, Киръ Андроникъ *Комнинъ*. Князь Галицкій принялъ его дружелюбно и оказалъ гостепріимство, которое Вѣра и человѣколюбіе велятъ изъявлять жертвамъ злополучія. Вскорѣ Греческій Царь прислалъ двухъ Епископовъ, предлагая брату своему примиреніе. Галицкій Князь отпустилъ его съ тѣмъ же дружелюбіемъ, съ которымъ принялъ, и убѣждалъ Греческаго Царя, чтобы онъ не нарушалъ мира, предложеннаго брату.

Въ теченіи того же года Половцы безпокоили Рускія области, и были побѣждены Княземъ *Василькомъ Ярополковичемъ*. 1166 Года скончался Князь *Святославъ Владимировичъ*. По смерти его возникли распри между Князьями, домогавшимися получить его удѣлъ. Обезпокоивъ гражданъ и утомя свои дружины, они наружно примирились; но По-

ловцы узнавъ, что Удѣльные Князья подлинно *не въ любви живутъ*, вооружились снова. Нашествіе ихъ вскорѣ было отражено.

1168 Года умеръ Кіевскій Князь *Ростиславъ Мстиславичь*. На престолѣ Кіевскомъ не прославился онъ ни ратными подвигами, ни дѣлами блестящими; но *девять лѣтъ* соблюдалъ спокойствіе въ странѣ Кіевской. Доставляя подданнымъ миръ и тишину, *Ростиславъ* заслужилъ славу Князя миролюбиваго. Естьли бъ страсти не ослѣпляли разсудка; тогда бы лѣтописи народныя прославляли не тѣхъ владѣльцевъ, которые ознаменовали свое правленіе чрезвычайными происшествіями; но тѣхъ, которые полагали щастіе свое въ щастіи и спокойствіи подданныхъ.

Со смертію миролюбиваго Ростислава кончилось спокойствіе Кіевской области; начались прежнія безпокойства и своеволія. 1168 Года *Мстиславъ Изяславичь* выгналъ изъ Кіева *Владимира Мстиславича* и захватилъ престолъ. Раздраженный самовольнымъ симъ поступкомъ, Князь Андрей Боголюбскій, совокупилъ сильное войско изъ дружинъ Удѣльныхъ Князей, отправилъ сына своего *Мстислава Андреевича* противъ Кіев-

скаго Князя. Измѣнники, обольщаясь корыстію, предали Мстиславу городъ и души свои. Князь Мстиславъ Изяславичь бѣжалъ съ братомъ своимъ во Владимиръ Волынскій; семейство его осталось въ плѣну. Буйные побѣдители разграбили имущества Кіевлянъ и въ изступленной ярости не пощадили храмовъ Господнихъ. Отъ кровопролитныхъ битвъ Рускихъ съ Рускими обезсилѣли дружины; кровью ихъ обагрялись поля и долины, не для изгнанія иноплеменниковъ, но для проложенія имъ пути въ Отечество. Къ умноженію сихъ бѣдствій 1170 года Половцы пришли въ Кіевскую страну, опустошенную внутренними мятежами. Для удобнѣйшаго грабительства одна часть Половцевъ устремилась къ Кіеву, другая къ Переяславлю. Начались переговоры, битвы, расхищенія, опустошенія, скоротечныя побѣды и долговременныя злоключенія.

Кіевъ, обезсиленный междоусобіями и опустошеніями Половцевъ, со вступленіемъ на престолъ Князя Глѣба Андреевича *Переяславскаго*, лишился и остальнаго своего могущества. Владимирская область учинилась великимъ княженіемъ. Отъ сего раздѣленія южная Россія обезсилѣла и средняя полоса

не могла утвердиться по причинѣ внутреннихъ распрей и волненій.

Во время удѣльнаго правленія даже и земскій разпорядокъ не рѣдко сопряженъ былъ съ кровопролитіемъ. 1171 Года изъ области Новогородской отправился *Данславъ Лазутичь* съ пятью стами провожатыми на *Двину* для собранія дани, по обычаю Новогородскому. На *Бѣлѣ-Озерѣ* повстрѣчались съ Новогородцами три тысячи Суздальцевъ и Рязанцевъ. Начался бой; Новогородцы съ потерею пятидесяти человѣкъ одержали побѣду и собрали одну дань съ *Заволочанъ*, а другую съ Суздальцевъ и Рязанцевъ.

Въ отмщеніе Новогородцамъ за Суздальцевъ и Рязанцевъ, по словамъ *Новогородскаго Лѣтописца*, вся Руская земля соединилась противъ Новогородцевъ. Въ семъ ополченіи было *семдесять два Князя*. Въ Новгородѣ княжилъ тогда *Романъ*, правнукъ *Мономаховъ*; паствою управлялъ Епископъ *Илія*, а земскими дѣлами распоряжалъ Посадникъ *Якунъ Андреевичь*. Несказанныя бѣдствія поразили осажденныхъ Новогородцевъ; люди чуждались людей; ближніе убѣгали ближнихъ; голодъ заставлялъ употреблять конское мясо. Благоразуміе, Вѣра и кротость

спасли Новгородъ отъ погибели. Князь *Романъ*, Пастыри церкви и земскіе Начальники покорностью своей искупили отъ погибели согражданъ и область свою. По сему случаю *Никонъ* говоритъ: „Кротость и смиреніе изъ бездны возводятъ къ небесамъ.“

Отъ неустройствъ удѣльныхъ Княжествъ происходили неустройства и въ дѣлахъ церковныхъ; духъ самоволія владычествовалъ во всѣхъ состояніяхъ. 1171 Года изъ *Царьграда* прибылъ въ Ростовъ новый Епископъ. Тщетно убѣждалъ его Андрей Боголюбскій, чтобы, по принятому обычаю, онъ отнесся сперва къ Кіевскому Митрополиту; высокомѣрный Епископъ, говоря словами Лѣтописи, *отвергъ благословеніе и удалился отъ закона.* Обуянный развратомъ гордости, пришлецъ Царьградскій учинился бичемъ Ростовской паствы. Сердце содрогается при описаніи ужасовъ, которыми поражалъ онъ людей, ожидавшихъ отъ него любви и милосердія. Забывъ Вѣру и добродѣтель, Епископъ поработился корысти и звѣрству. Наконецъ, отлучась сердцемъ отъ Бога, отлучилъ онъ и народъ отъ храмовъ Господнихъ: онъ приказалъ ихъ затворить. Нечастивый Епископъ, показывая дѣлами, что не вѣритъ правосудію не-

бесному, не избѣгъ казни и на землѣ. Силою препроводили его въ Кіевъ, гдѣ Митрополитъ, видя буйство и нераскаяніе его, велѣлъ повергнуть въ воду; горделивецъ погибъ въ волнахъ вмѣстѣ съ высокомѣріемъ своимъ.

Половцы, неутомимые въ грабежахъ, распространяли страхъ и разоренія въ окрестностяхъ Кіева. Кіевскій Князь Глѣбъ Юрьевичь за болѣзнію не могъ ополчиться: онъ поручилъ войско брату своему *Михаилу*. Сей Князь, украшавшійся мирными добродѣтелями, прославился и послушностію, благодѣтельною общей пользѣ. Немедленно полетѣлъ онъ къ отраженію Половцевъ; добродѣтель и покорность увѣнчались побѣдою. Половцы разбиты были за рѣкою *Бугомъ*. 1172 Года скончался въ Кіевѣ Князь Глѣбъ Юрьевичь; страдая отъ болѣзни, онъ утѣшенъ былъ любовію и дружбою брата своего *Михаила*. Въ ту же зиму, съ подкрѣпленіемъ Муромскихъ и Рязанскихъ Князей, Андрей Боголюбскій отправилъ сына своего Мстислава противъ Болгаръ. Въ сей походъ, говоря словами Лѣтописи, Рускіе *шли, и не шли*, полагая, что съ Болгарами не выгодно воевать зимою; вѣроятнѣе, что Рязанцы и Муромцы не хотѣли искренно вспомоществова-

вать. На устьѣ *Оки* вмѣстѣ съ братьями своими Князьями Рязанскимъ и Муромскимъ, тщетно ожидалъ Мстиславъ дружинъ двѣ недѣли; не дождавшись, устремился съ своею дружиной, внезапно вступилъ въ области Болгарскія и взялъ нѣсколько селъ и городовъ. Болгары свѣдавъ, что у Мстислава мало войскъ, быстро вооружились и въ шести тысячахъ напали на него. Неустрашимость побѣдила многочисленность; Мстиславъ Андреевичь возвратился со славой. Вскорѣ послѣ сего Андрей отправилъ въ Кіевъ *Романа Ростиславича.* При самомъ вшествіи въ Кіевъ *Ростиславичи* оказали неблагодарность и непокорность. Владимирской Князь къ усмиренію ихъ послалъ войско; походъ сей былъ не удаченъ. Простоявъ около девяти недѣль, полки Князя Андрея отступили въ области свои. 1175 Года Черниговскій Князь *Святославъ Всеволодовичь* напалъ на Кіевъ.

Послѣдніе годы жизни своей Князь Андрей проводилъ въ селѣ *Боголюбовѣ*, основанномъ имъ верстахъ въ семи отъ Владимира. Въ семъ мѣстѣ убійцы повергли его въ мракъ гроба. *Силивестръ* и *Никонъ* умалчиваютъ о при-

чинѣ его убіенія; *Татищевъ*, или подлинно, или по догадкамъ своимъ о томъ предлагаетъ.

Іоакимъ, любимый служитель Князя Андрея, услышалъ отъ клеветниковъ, будто бы Князь намѣренъ предать его такой же казни, къ какой осужденъ былъ за злоумышленіе братъ Кучковыхъ. Не изслѣдовавъ клеветы, Іоакимъ поспѣшилъ къ Дворянамъ *Кучковымъ*, которыхъ родная сестра была за *Боголюбскимъ*, и сказалъ имъ: „Князь Андрей, казнившій вашего брата, такую же участь готовитъ и мнѣ и вамъ. Нечего медлить; восходящее солнце будетъ свидѣтелемъ нашей смерти: отмстимъ злодѣю нашему въ сію же ночь. Никто насъ не увидитъ; я въ довѣренности у Князя, я буду вашимъ предводителемъ. *Боголюбскій* давно уже охладѣлъ ко мнѣ; онъ промѣнялъ меня на *Прокопія*; которому поручилъ жизнь и душу свою. Прокопій не разлученъ съ нимъ; Князь думаетъ, что подъ его охраненіемъ онъ безопасенъ; тѣмъ вѣрнѣе успѣемъ въ предпріятіи нашемъ.“ *Петръ Кучковъ*, зять Князя Андрея, въ сопровожденіи двадцати сообщниковъ отправился ночью въ село Боголюбово. Сестра Кучковыхъ, знавшая о злодѣйскомъ умыслѣ братьевъ своихъ, нарочно отъѣхала во Владиміръ;

чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе. Она негодовала на супруга своего за то, что онъ, посвятя себя благочестію, не занимался ею: раздраженное самолюбіе заглушило въ сердцѣ ея всѣ другія чувствія. Опасаясь, чтобы Князь Андрей, извѣстный мужествомъ и крѣпостью тѣлесною, не отразилъ ударовъ, убійцы подкупили ключника его *Амбала* похитить изъ спальни мечь, которымъ нѣкогда опоясывался Князь *Борисъ*, сынъ Владиміра Перваго. Злодѣи, вбѣжавъ въ Княжескую спальню, мгновенно устремили на него мечи. Полагая, что отъ множества ударовъ Князь испустилъ духъ, они удалились; невинный страдалецъ невольно возстеналъ . . . Слыша стонъ и рыданіе, добродѣтель спѣшитъ на помощь, а злодѣйство къ усугубленію злодѣянія: убійцы воротились. Истомленный отъ истеченія крови, Князь Андрей уклонился подъ крыльцо сѣней. Чувствуя приближеніе смерти, онъ воззвалъ къ Богу изъ глубины души своей: „Боже! Ты видишь, я неповинно стражду!“ Убійцы бросились подъ крыльцо и довершили злодѣяніе.

Прахъ Князя Андрея покоится во Владимирѣ въ стѣнахъ храма, имъ сооруженнаго и названнаго *церковію Богородицы Златоверх-*

хой. Полагають, что онъ жилъ около 64 лѣтъ.

Князь Андрей обладалъ всѣми качествами великихъ мужей, рожденныхъ для блага общества и Державъ; но онъ жилъ въ тѣ нещастныя времена, когда добродѣтель должна была непрестанно сражаться съ злоумышленіемъ, съ буйствомъ, съ клеветою, съ властолюбіемъ Удѣльныхъ Князей, которые за ничтожныя ссоры наносили землѣ Руской несказанныя бѣдствія. Въ сіе время *общихъ* и *положительныхъ* законовъ не было; для одного только Новгорода возобновлены были старинные законы, извѣстные подъ названіемъ *Руской Правды.* Кіевъ также имѣлъ нѣкоторыя *земскія* предписанія; но сіи предписанія относились къ распоряженію собственности, а не къ нераздѣльной связи общественной. Въ Новгородѣ, въ Кіевѣ, въ Смоленскѣ, въ Полоцкѣ, въ Ростовѣ, въ Суздалѣ, главнымъ закономъ было *Вече,* или совѣщаніе; что старшіе города рѣшили, тому повиновались волости, или *пригородки* ихъ. Сверхъ того каждый Удѣльный Князь имѣлъ свой дворъ, своихъ приближенныхъ, искавшихъ личныхъ, а не общихъ выгодъ, и для корысти готовыхъ жертвовать благомъ Отечества.

Въ подлинномъ смыслѣ тогда были *удѣлы*, но *Отечество* не существовало; даже не всѣ страны Россіи назывались *Русью*. Отъѣзжавшіе къ области южной Россіи изъ Ростова, Суздаля, Мурома, Рязани и Владимира, говорили: *мы ѣдемъ въ Русь*. Когда же столица Великокняжеская перенесена была во Владиміръ, основанный на *Клязьмѣ*, тогда сопредѣльныя оному страны, въ отличіе отъ прежней Руси, проименовались *Бѣлой Россіей*, или *Бѣлоруссіей*. Суздальцы и Ростовцы, завидуя возвышенію новой Владимирской области, возненавидѣли Князя Андрея. Они сдѣлались личными его врагами и по смерти его вопіяли: „Сожжемъ, истребимъ градъ Владимиръ; опредѣлимъ новыхъ Посадниковъ! Владимирцы, наши каменьщики, наши работники; мы по праву старшинства владѣльцы ихъ.“

Разсматривая обстоятельства, въ которыхъ жилъ Князь Андрей, убѣждаемся, что всѣ погрѣшности его были слѣдствіемъ тѣхъ безпокойныхъ временъ; а добродѣтели его произтекали изъ источника Вѣры. Подобно Владимиру *Первому*, онъ отыскивалъ всѣхъ бѣдныхъ, всѣхъ страдальцевъ; по улицамъ, по площадямъ, повсюду, гдѣ только разда-

вался стонъ нищеты и страданія, съ двора Княжескаго развозили пособія и предлагали ихъ съ любовію и милосердіемъ. За любовь къ Богу и человѣчеству, современники Князя Андрея, назвали его *Боголюбскимъ*.

ПРОИЗШЕСТВІЯ ОТЪ СМЕРТИ КНЯЗЯ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.,

то есть, отъ 1175 до 1224 года.

Едва разсѣялась плачевная вѣсть о кончинѣ Князя Андрея, обыватели Ростова, Суздаля и Переяславля поспѣшили во Владиміръ, составили *Вече* и воскликнули: „Мы услышали, что Князь нашъ убитъ; здѣсь нѣтъ его наслѣдниковъ: сынъ его Юрій въ Новгородѣ; братья его въ Черниговской области: Кого изберемъ? Кого призовемъ? Муромскіе и Рязанскіе Князья, близкіе намъ сосѣди; но мы страшимся коварства ихъ. Они могутъ внезапно вооружиться и напасть на насъ; кто поведетъ насъ на брань? У насъ нѣтъ Князя; пошлемъ къ *Глѣбу Рязанскому*, скажемъ ему: *Князя нашего Богъ у насъ взялъ; мы хотимъ имѣть Мстислава Ростиславича и брата его Ярополка, твоего шурина.*

Суздальцы и Ростовцы, поклявшись Князю Юрію *Долгорукову*, что они признають Княземъ своимъ меньшаго его сына *Михалку*, рожденнаго отъ другой жены, избраніемъ старшаго сына его *Андрея* нарушили присягу. По наговорамъ клеветниковъ, малолѣтный Михалка, братья его Мстиславъ и Василій изгнаны были Андреемъ изъ Ростова и удалились съ матерью своею въ Царьградъ; имъ сопутствовали и тѣ самые *Ростиславичи*, которыхъ, по смерти Андрея, Ростовцы и Суздальцы просили на княженіе къ себѣ у Князя Глѣба Рязанскаго. Какимъ образомъ и когда всѣ сіи Князья возвратились въ Россію; по чему поселились въ Черниговѣ, откуда пріѣхалъ къ нимъ *Всеволодъ*, сынъ Юрія *Долгорукаго*? Лѣтописи наши о томъ молчатъ. Такія темныя подробности встрѣчаются и въ Исторіяхъ другихъ народовъ.

Отправя вѣстниковъ къ Глѣбу Рязанскому, Суздальцы и Ростовцы просили его, что бы послалъ отъ себя нарочныхъ въ Черниговъ, для возвѣщенія шурьямъ его, Мстиславу и Ярополку, что они избраны на *Бѣлорусское Княженіе*, то есть, въ области Ростовскія,

Суздальскія, Владимирскія и въ удѣлы, имъ смежные. Глѣбъ съ радостію исполнилъ ихъ прозьбу. Пришедъ въ Черниговъ, послы сказали *Ростиславичамъ*: „Отецъ вашъ *Ростиславъ Юрьевичь* былъ добръ и милосердъ; мы были щастливы при немъ: помня его любовь, мы призываемъ васъ у насъ княжить; другихъ Князей не хотимъ.“ Ярополкъ и Мстиславъ отвѣчали: „Помоги Богъ дружинѣ, которая помнитъ любовь отца нашего.“ Между тѣмъ, желая привлечь на свою сторону дядей своихъ, Михалку и Всеволода, Ростиславичи сказали: „Не укоряйте васъ властолюбіемъ; насъ прислали просить, а мы васъ приглашаемъ. Душу и щастіе, все вмѣстѣ раздѣлимъ.“ Черниговскій Князь Святославъ былъ между ими посредникомъ.

Михалка и Ярополкъ отправились впередъ въ Москву. Ростовцы вознегодовали, что нарушили ихъ избраніе, и желая при самомъ началѣ поссорить Князей, сказали Ярополку Ростиславичу: „Поѣзжай съ нами; а Михалка пусть въ Москвѣ помедлитъ.“ Забывъ въ Москвѣ клятву, произнесенную въ Черниговѣ, Ярополкъ тайно отъѣхалъ къ Переяславской дружинѣ. Хотя Ярополкъ и Мстиславъ Ро-

стиславичи были внуки Великаго Мстислава и правнуки Владимира Мономаха; но они не подражали ни дѣду, ни прадѣду въ соблюденіи чести и совѣсти. Въ начальныя времена удѣльнаго правленія, отъ *Ярослава* до *Мстислава* Великаго, существовало *воспитаніе* и *ученіе*; бури внутреннія и внѣшнія все истребили. Властолюбіе и буйство восторжествовали; сыны Княжескіе и простолюдимы возрастали въ своеволіи; не утверждаясь ни въ нравственности, ни въ Вѣрѣ, они увлекались легкомысліемъ и мгновенными обольщеніями.

Услышавъ о тайномъ отъѣздѣ Ярополка и зная ненависть Владимирцевъ къ Судальцамъ и Ростовцамъ, Михалко поспѣшилъ во Владимиръ. Ярополкова дружина, клянясь защищать его, туда же устремилась; а хитрые Ростовцы на встрѣчу Ярополку заранѣе отправили изъ Владимира знатнѣйшихъ Бояръ и главную дружину. Не извѣстясь о прибытіи сыновъ Князя Юрія, Бояре и дружина присягнули Ярополку. Обыватели Владимирскіе съ восхищеніемъ приняли *Михалку*; по причинѣ малолюдства онъ принужденъ былъ затвориться въ городѣ. Ростовцы, усиля дружину свою Муромцами и Рязанцами,

распространили пожары въ окрестностяхъ, и семь недѣль держали городъ въ тѣсной осадѣ. Голодъ побѣдилъ усердіе; Владимирцы возопили къ Михалкѣ: *Или мирись, или спасайся!* „Вы правы," отвѣчалъ Михалка: „Вы не должны за меня гибнуть. Оставляю Владимиръ, удалюсь въ Черниговъ. Вспоминайте иногда обо мнѣ: ваша безопасность дороже для меня Великокняжескаго престола." Человѣколюбивый Князь провождаемъ былъ изъ Владимира слезами и рыданіемъ жителей; *Ростиславичи* обязалися клятвою не мстить Владимирцамъ. Ярополкъ остался во Владимирѣ, Мстиславъ отъѣхалъ въ Ростовъ. Владимирцы доброжелательствовали и Князю Мстиславу, но не хотѣли уступить власти ни Ростовцамъ, ни Суздальцамъ, ни муромцамъ, которые грозились выжечь и разорить Владимиръ.

1176 Года новое бѣдствіе возмутило общее спокойствіе. Юные и неопытные *Ростиславичи* слѣпо ввѣрились приближеннымъ своимъ и корыстолюбивымъ Боярамъ; вскорѣ жители стѣснены стали въ промыслахъ своихъ и въ распоряженіи собственности. Коварные совѣтники, пользуясь легкомысліемъ Князей, возбуждали ихъ грабить и угнѣтать народъ. Уловленные злоумышленіемъ, юные

Князья простерли святотатственныя руки въ храмъ Владимирской Божіей Матери и похитили серебро и золото. Услыша о семъ нечестивомъ подвигѣ, Владимирцы воскликнули: „Мы люди вольные; мы призвали Князей, и они поклялись соблюдать безопасность нашу; они забыли клятву: они разграбляютъ свою область, какъ чужую; они разоряютъ не только насъ, но и храмы Господніи. Князь Андрей, не щадя имущества своего, соорудилъ и украсилъ церковь Божіей Матери; Ростиславичи похитили изъ нее всѣ сокровища. Наступило время праведнаго мщенія: Братья! возстанемъ и ополчимся!“ Немедленно извѣстили они Ростовцевъ и Суздальцевъ о насиліяхъ Ростиславичей; мстительные Ростовцы и Суздальцы обѣщались вспомоществовать устами, а не сердцемъ. Развратные Бояре, защищая личныя выгоды свои, вступились за Ростиславичей. Владимирцы отправили въ Черниговъ за Михалкою и братомъ его Всеволодомъ. Послы сказали Михалкѣ: „Владимирцы рѣшились единодушно отомстить Ростиславичамъ за насиліе и за разграбленіе святыни. Ты старшій Князь, тебя зовемъ. Приди, освободи народъ отъ корыстолюбивыхъ наушниковъ, вступись за

храмъ Божіи; мы утомились терпѣть. Есть-ли Ростовцы и Суздальцы, по зависти къ намъ, возстанутъ за Ростиславичей, мы поголовно ополчимся. Князь! ты удалился изъ Владимира, щадя нашу кровь; теперь мы за тебя крови своей не пожалѣемъ. Умремъ! или ты будешь съ нами! За насъ Богъ и Божія Матерь!" Отъ сей плачевной вести Князь Михалка, братъ его Всеволодъ и сынъ Черниговскаго Князя Владиміръ Святославичь, воспылали негодованіемъ и поспѣшили къ защитѣ народа и храмовъ Божіихъ. Ростиславичи и коварные ихъ совѣтники возмутились страхомъ. Ярополкъ устремился на встрѣчу Михалкѣ, что бы не допустить его къ Владимиру; Михалка, предводимый Богомъ и осторожностію, отъ поисковъ его уклонился лѣсной дорогой, продолжая путь къ Владимиру. Ярополкъ, скитавшись безполезно, пошелъ въ Москвѣ, откуда отправился въ Суздаль. Пользуясь неопытностію Ростиславичей въ воинскомъ дѣлѣ, Михалка распустилъ молву, будто бы онъ опасно боленъ, что его несутъ на носилкахъ и что съ нимъ самое малое число воиновъ. Передавая сію мнимую вѣсть Ярополку, Мстиславъ Ростиславичь прибавилъ: „Я войду съ дру-

жиною моей въ обходъ и нападу съ тылу, а ты быстро ударь спереди: Михалка погибнетъ и не увидитъ Владимира." Восхищенный Ярополкъ поспѣшилъ къ погибели своей. Уже *Михалка* былъ только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Владимира; Мстиславовы полки внезапно выступили изъ загорья. Сохраняя присутствіе духа, Михалка устроилъ войско свое и пошелъ на сопротивниковъ. Мстиславова дружина, обольщенная надеждою побѣды, съ шумными кликами и яростно бросилась; съ обѣихъ сторонъ полетѣли стрѣлы. Но вдругъ въ полкахъ Мстиславовыхъ разнеслась вѣсть, что *Михалка* самъ предводительствуетъ дружиной; полки разсѣялись, а Мстиславъ, повергнувъ на землю знамя, обратился въ бѣгство, гонимый совѣстію и Богомъ. Съ побѣдою и торжествомъ Михалка прибылъ во Владимиръ; братъ его Всеволодъ дѣлилъ съ нимъ опасность и славу. Мстиславъ побѣжалъ въ Новгородъ; Ярополкъ въ Рязань; семейства ихъ остались во Владимирѣ. Миръ, правосудіе и благочестіе вступили съ Михалкою въ области Владимирскія. Онъ облегчилъ тягости народныя и возвратилъ храмамъ Божіимъ сокровища ихъ. Въ веселіи душевномъ Влади-

мирцы говорили: „Семь недѣль были мы безъ Князя, въ скорби и сиротствѣ своемъ возложили упованіе на Бога, на Божію Матерь и на правое наше дѣло. Ростовцы, Суздальцы и Бояре, недостойные сего имени, забывъ Бога и правду, хотѣли поработить насъ. Всѣ права наши были уничтожены. Коварные *развратники* ликовали; невинные страдальцы проливали слезы. Богъ вступился за насъ; правда восторжествовала.“ Къ симъ словамъ лѣтописецъ прибавляетъ: *Чего проситъ человѣкъ у Бога всѣмъ сердцемъ, то отъ Него получаетъ.* Съ сего времени Владимирцы прославились во всѣхъ предѣлахъ Руской земли. По приглашенію Ростовцевъ и Суздальцевъ Михалка и Всеволодъ посѣтили Суздаль и Ростовъ. Вездѣ возстановляли они порядокъ и права гражданъ. Поруча Всеволоду Переяславль, Михалка возвратился во Владимиръ, откуда пошелъ на *Глѣба Рязанскаго*; Всеволодъ и въ семъ походѣ неразлучно былъ съ братомъ своимъ. Послы Глѣбовы, встрѣтя Михалку въ Москвѣ, сказали: „Князь Глѣбъ кланяется тебѣ; онъ отдастъ тебѣ все, что шурья его Ростиславичи похитили изъ храма Божіей Матери; онъ отдастъ до послѣдняго золотника

и до послѣдней книги.“ Примирясь съ Глѣбомъ Рязанскимъ, Михалка возвратился во Владиміръ.

Щастіе человѣческое не надежно и скоротечно. Едва подъ мирнымъ и правосуднымъ владѣніемъ Князя Михалки оживились и успокоились жители Владимирскіе, уже благодѣтеля ихъ не стало. Отправясь для обозрѣнія удѣла своего и для водворенія порядка, Михалка скончался въ *Городцѣ* на Волгѣ 1177 года въ 20 день Іюня, при захожденіи солнца. Съ жизнію его угасъ свѣтъ, озарившій Владимирскія области. Добродѣтельный Михалка привезенъ во Владимиръ и положенъ въ церкви Божіей Матери, въ которой возобновилъ благолѣпіе, померкшее при *Ростиславичахъ*. Повѣствуютъ, что сей Князь предалъ наказанію убійцъ брата своего Андрея, того самаго брата, который нѣкогда изгналъ его изъ Отечества! Великая душа забываетъ оскорбленія и помнитъ однѣ благодѣянія.

Приглася Всеволода изъ Переяславля и встрѣтя его за *Золотыми воротами*, Владимирцы присягнули ему и дѣтямъ его. Безпокойные Ростовцы вызвали изъ Новгорода Мстислава Ростиславича. Начались заговоры и распри. Мстиславъ устремился къ осадѣ Владимира.

Всеволодъ ополчился, перешелъ за Суздаль; но, не желая кровопролитія, послалъ сказать Мстиславу: „Отложимъ оружіе; оставимъ убійство: Богъ велитъ беречь людей, а не губить. Естьли ты вызванъ *старшею дружиной*, то поѣзжай къ Ростову, откуда будешь договариваться о мирѣ.“ Мстиславъ отвергъ благонамѣренныя увѣщанія дяди своего Всеволода; развратные совѣтники восторжествовали. Владѣлецъ, не умѣющій управлять собою, порабощенъ тѣмъ, которые знаютъ слабости и страсти его. Переяславцы, извѣстясь отъ Всеволода, что Мстиславъ непреклоненъ къ миру, совѣтовали ему быть осторожнымъ отъ происковъ его, и примолвили: „Еще не минуло десяти дней послѣ смерти брата твоего, еще не успѣли воздать ему памяти, а Мстиславъ алчетъ крови и убійства. Ни Богъ, ни родство, ни что его не удерживаетъ; онъ преданъ однимъ своимъ наушникамъ.“ Призвавъ въ помощь Бога, Всеволодъ вооружился; Мстиславъ былъ побѣжденъ; злые его совѣтники пали на мѣстѣ битвы. Побѣдоносный Всеволодъ поспѣшилъ во Владимиръ. Мстиславъ побѣжалъ въ Новгородъ; Новгородцы его не приняли. Устыженный Князь удалился въ Рязань, и подговоря

зятя своего Глѣба Рязанскаго, ополчился къ разоренію страны Московской. Городъ и селенія обратились въ прахъ. Выступя къ отраженію разорителей, Всеволодъ подъ Шерейскимъ лѣсомъ встрѣтился съ Новогородскими послами, которые убѣдили его дожидаться вспомогательнаго Новогородскаго войска. Всеволодъ возвратился во Владиміръ, а Глѣбъ по пеплу пожарному изъ области Московской пошелъ къ Рязани. Зимою того же года, совокупя дружины Ростовскія, Суздальскія, Владимирскія и подкрѣпляемый двумя сынами *Всеволода Черниговскаго*, Князь Владимирскій двинулся къ Рязани. Бросясь въ обходъ, Глѣбъ Рязанскій устремился ко Владимиру, и ведя съ собою *Половцевъ*, опустошалъ Владимирскія окрестности и отдалъ на разграбленіе великолѣпную церковь, сооруженную Княземъ Андреемъ въ *Баголюбовѣ*. Узнавъ о семъ подъ *Коломною*, Всеволодъ поспѣшилъ въ области свои, и на рѣкѣ *Калашкѣ* встрѣтилъ Глѣба и Половцевъ. Около двухъ мѣсяцовъ оба войска стояли въ бездѣйствіи по берегамъ рѣки. Всеволодъ первый двинулся, разбилъ, разсѣялъ полки Глѣбовы, взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ сыномъ его *Романомъ* и шуриномъ *Мсти*-

славомъ Ростиславичемъ. Всѣ наушники его такому же жребію подверглись. На третій день, по возвращеніи Всеволода во Владиміръ, взволновались Владимирскіе Бояре, купцы, народъ и воскликнули: „Князь! мы не щадимъ за тебя головъ своихъ, а ты на свободѣ держишь враговъ нашихъ. Казни сообщниковъ Князя Глѣба и Мстислава; или ослѣпи ихъ, чтобъ они не видѣли людей и не злодѣйствовали. Накажи ихъ, или выдай намъ!" Кроткій и добродѣтельный Всеволодъ, жалѣя и о врагахъ своихъ, къ успокоенію народа посадилъ плѣнныхъ въ темницу и послалъ требовать *Ярополка Ростиславича* у Рязанцевъ, которые, опасаясь мщенія, сами привезли его во Владиміръ. Владимирцы снова взволновались, шумно и неотступно требовали ослѣпленія плѣнныхъ. Всеволодъ съ душевнымъ прискорбіемъ принужденъ былъ уступить народу.

Отъ 1178 до 1183 года происходили повсемѣстныя междоусобія; 1183 года наступила тишина въ землѣ Руской, но не надолго. Новогородцы первые подняли знамя мятежа и изгнали своего Князя. Въ исходѣ того же года Болгары, ворвавшись въ области Бѣлорусскія, произвели разоренія около

Волгскаго Городца, Мурома, и въ землѣ Рязанской. 1184 Года Болгары были побѣждены. 1185 Владимиръ пострадалъ отъ пожара; всѣ украшенія церкви Божіей *Матери* сгорѣли. Пламя войны озарило и южную Россію: всѣ Князья, тамъ владѣвшіе, кромѣ внуковъ *Ольговыхъ*, совокупными силами устремились на Половцевъ. Въ ополченіи Половцевъ однихъ Князей находилось *четыреста семнадцать*. Единодушіе, есть залогъ побѣды. Руские Князья восторжествовали силою единодушія и согласія. Князья Черниговскіе и Сѣверскіе, по недоброжелательству не участвовавшіе въ семъ знаменитомъ походѣ, и завидуя славѣ побѣдителей, рѣшились одни воевать съ Половцами. Первое предпріятіе ихъ было удачно. Возгордясь сею побѣдой, Князь Игорь *Сѣверскій*, Всеволодъ *Трубчевскій* и Святославъ Ольговичь *Рыльскій* три дни шумно пировали, и потомъ воскликнули: „Предки наши, воюя съ Половцами, не смѣли входить въ ихъ области; мы болѣе сдѣлали: мы въ землѣ Половцевъ, мы разбили ихъ, мы взяли въ плѣнъ женъ ихъ и дѣтей. Друзья! пойдемъ за Донъ, довершимъ подвигъ свой; снова увѣнчавшись славой, пройдемъ до *Лукоморья*,

устремимся туда, гдѣ дѣды наши не бывали, мечами и копьями добудемъ себѣ незабвенную честь и славу!"

Неосторожные Князья, забывъ, что на войнѣ дорогъ каждый часъ, упустили три дни въ пированіи. Между тѣмъ остатки Половецкихъ силъ послали гонцовъ къ дружинамъ своимъ съ вѣстію о пораженіи и погибели; главная дружина немедленно поспѣшила; прочія вскорѣ подоспѣли. Зная отважность Рускихъ, Половцы рѣшились истомить ихъ жаждою. Они заняли берегъ и непрестанно метали стрѣлы. Свѣжіе Половецкіе полки явились въ то самое время, когда Рускіе изнемогали отъ жажды и зноя. Въ скорби и томленіи приближились они къ водѣ. Новыя Половецкія дружины ударили имъ въ тылъ; напрягая послѣднія силы, Рускіе бились неустрашимо, но не могли одолѣть: жажда и зной, совокупясь съ Половцами, поражали ихъ. Истомленные кони падали подъ всадниками. Половцы восторжествовали; всѣ Князья достались въ плѣнъ, всѣ дружины пали на мѣстѣ битвы; некому было возвѣстить въ землѣ Руской о пораженіи Рускихъ! Величаясь побѣдою и встрѣтя проѣзжаго *гостя*, или купца Рускаго, Половцы велѣли ему

увѣдомить, что они идутъ въ землю Рускую выручать изъ плѣна братьевъ своихъ. Услыша о бѣдственномъ пораженіи Сѣверскихъ и Черниговскихъ Князей, возрыдали всѣ Князья и всѣ люди Руські; каждый изъ нихъ оплакивалъ или брата, или отца, или родственника. Кіевскій Князь Святославъ приказалъ ополчиться всѣмъ сынамъ своимъ и всѣмъ Князьямъ, находившимся подъ его управленіемъ. Войско Руское собралось къ Кіеву и пошло къ *Каневу*. Узнавъ о вооруженіи всей земли Руской, Половцы отступили; Святославъ возвратился въ Кіевъ, прочіе Князья разошлись. Пользуясь сею неосторожностію, Половцы скрытыми путями поспѣшили къ Переяславлю и взяли всѣ города по рѣкѣ *Сулѣ*; подъ Переяславлемъ цѣлый день продолжалась битва. Половцы уже занимали укрѣпленія; мужественный Князь *Владимиръ Глѣбовичъ* съ малою дружиной устремился изъ города на враговъ. Быстро ворвался онъ на конѣ въ ряды Половецкіе; отважно поражалъ, хотя со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ. Видя опасность, угрожавшую Князю, и жалѣя о погибели братій своихъ, Переяславцы бросились изъ города, сразились со врагами, исторгли изъ рукъ ихъ Князя, ра-

ненаго тремя копьями, и опять удалились въ городъ. Половцы, обремененные добычею, возвратились въ станъ свой. Вскорѣ послѣ сего Князь *Игорь Святославичь*, взятый Половцами въ плѣнъ за *Дономъ*, бѣжалъ въ Рускую землю; всѣ прочіе Князья остались въ рукахъ у Половцевъ и претерпѣвали лютыя скорби. Одинъ изъ древнихъ нашихъ стихотворцевъ воспѣлъ Игореву отважность въ пѣсни о *походѣ Князя Игоря*; но Исторія укоряетъ его легкомысліемъ. Гдѣ нѣтъ благоразумія, тамъ нѣтъ и истинной славы.

Около сего времени Князь Владимирскій побѣдилъ Болгаръ; блескъ сей побѣды сокрылся въ тучахъ междоусобныхъ браней. Въ Рязанской области родные братья возстали на братьевъ. Вопль развратныхъ страстей заглушаетъ голосъ крови и родства. Миролюбивый Всеволодъ отправилъ въ Рязань пословъ съ сими словами: ,,Братья! что вы дѣлаете? Чему дивиться, что невѣрные ополчаются на насъ, естьли родные братья вооружаются на братьевъ? Вспомните Бога; вспомните родство; страшитесь братоубійства, страшитесь гнѣва небеснаго!" Увѣщаніе добродѣтели раздражаетъ строптивость: Князья Рязанскіе объявили войну Всеволоду.

Междоусобія и мятежи происходили въ Смоленскѣ и Полоцкѣ. Подробности сихъ распрей утомительны и единообразны; онѣ сопровождаются буйствомъ, развратомъ, легкомысліемъ и малодушіемъ. При малѣйшемъ успѣхѣ мятежные Князья высокомѣрствовали; при неудачѣ робѣли и унижались. Услыша о походѣ Всеволода, Князья Рязанскіе мгновенно перешли отъ буйства къ боязни и послали умолять о помилованіи. Истинная только добродѣтель переноситъ превратность щастія; твердость и сила ея въ чистой совѣсти.

1187 Года къ бѣдствіямъ междоусобій присовокупилась повсемѣстная болѣзнь. По сказанію лѣтописцевъ, не было ни одного дома безъ больныхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣкому было напоить страдальцевъ. Болѣзнь сія могла воспослѣдовать отъ непрестаннаго столпленія и перехода войскъ. Война есть бичь человѣчества.

Буйство Рязанскихъ Князей, упавшее въ злоключеніи, снова воспылало. Всеволодъ вынужденъ былъ ополчиться на нихъ; онъ перешелъ въ Коломнѣ *Оку* и опустошилъ Рязанскую область огнемъ и мечемъ. За строптивыхъ Князей пострадали и мирные поселяне

ляне? Тѣмъ ужаснѣйшій дадутъ они отвѣтъ Богу любви и милосердія.

1191 Годъ достопамятенъ заложеніемъ и построеніемъ новаго *Суздаля*. Въ томъ же году Князь Ярославъ Владиміровичь *Новогородскій* ходилъ съ Новогородцами въ *Великія Луки*, и на рубежахъ сей области соединясь со *Псковичами*, совѣтовался, съ кѣмъ воевать зимою, съ Литвою, или съ Чудью. Предположено было идти въ Чудскіе предѣлы, гдѣ и взяли городъ Юрьевъ, или *Дерптъ*. 1193 Года, отъ сильнаго пожара во Владимирѣ выгорѣла половина города; Княжеской дворецъ уцѣлѣлъ. Сіи частые пожары были слѣдствіемъ непрестанныхъ мятежей, препятствовавшихъ заниматься внутреннимъ благоустройствомъ. Безопасность городовъ охраняется миролюбіемъ, осторожностію и благоразуміемъ. Всеволодъ Юрьевичь, по склонности къ созиданію, основалъ 1195 года городъ *Переяславь* на озерѣ *Клещинѣ*, прослывшемъ потомъ Переяславскимъ озеромъ.

Князь *Рурикъ Ростиславичь*, 1195 года возведенный Всеволодомъ на Кіевскій престолъ, нарушилъ данное слово на другой годъ княженія своего. Начались сильныя ссоры и пре-

нія, которыя, къ щастію, не сопровождались кровопролитіемъ.

Въ безпокойныя времена удѣльнаго правленія предосторожности и клятвы служили предлогами къ войнѣ: отъ малѣйшаго порыва страстей и отъ внушеній коварныхъ обольстителей, изчезали увѣренія и клятвы. 1196 Года Кіевскій Князь Рурикъ Ростиславичь, по согласію со Всеволодомъ *Владимирскимъ*, повѣстилъ Ольговичамъ, *что бы они не домогались ни Кіевскаго, ни Владимирскаго престола, ни при нихъ, ни при дѣтяхъ ихъ*; а на другой годъ, когда Всеволодъ, по приглашенію Рурика, пошелъ на помощь ему противъ Ольговичей, Рурикъ, забывъ клятву, присталъ къ *Ольговичамъ*.

Измѣня Всеволоду, Рурикъ не смѣлъ возвратиться въ Кіевъ и жилъ въ *Овручѣ* до 1201 года. Въ сей годъ, разкаясь въ клятвопреступленіи и убѣдясь совѣтами Князя Романа *Галицкаго*, отправилъ онъ ко Всеволоду съ повинностію, и былъ прощенъ. Вмѣсто благодарности за полезный совѣтъ, Рурикъ возсталъ на Романа *Галицкаго*. Превратности сіи не удивительны; развратъ страстей есть безуміе. Неблагодарный Рурикъ согнанъ былъ съ Кіевскаго престола, на которой по

волѣ Князя Владимирскаго вступилъ Игорь Ярославичь. 1203 Года буйный Рурикъ, вспомоществуемый Ольговичами и всѣми Половецкими силами, овладѣлъ Кіевомъ. Такого бѣдствія не было отъ самаго *крещенія Руской земли.* Неистовые побѣдители выжгли *Подолъ,* разграбили Софійскую церковь и монастыри; съ Образовъ срывали оклады; не пощадили ни крестовъ, ни сосудовъ; похитили даже Княжескія одежды, хранившіяся въ церквахъ въ воспоминаніе ихъ. Руками ли нечестивыхъ Половцевъ, или Рускими совершились сіи злодѣйства; Рурикъ, сынъ Ростиславовъ, за все отвѣчаетъ. Къ удовлетворенію раздраженнаго тщеславія, онъ призналъ Половцевъ; онъ согласился съ Ольговичами; онъ предалъ на поруганіе и расхищеніе древній Первопрестольный градъ. Раздраженныя Небеса возвѣстили гнѣвъ свой необычайными знаменіями: густая тьма разстилалась въ воздухѣ; звѣзды какъ будто бы отрывались отъ тверди; казалось, что наступаетъ часъ общаго разрушенія!

1204 Года, по предстательству Князя Романа *Галицкаго,* Всеволодъ примирился съ Ольговичами; 1205 года Половцы потерпѣли

отъ Рускихъ сильное пораженіе. Вскорѣ потомъ Князья съѣхались въ Переяславль для разсмотрѣнія дѣлъ Князей Черниговскихъ и Кіевскихъ. Князь Романъ взялъ Рурика подъ стражу и заставилъ его постричься, а сына его и брата отвезъ въ *Галичъ*. Все сіе учинено было безъ сношенія съ Княземъ Владимирскимъ. Всеволодъ хотѣлъ мстить; но избѣгая кровопролитія, отложилъ гнѣвъ и укротилъ порывы родства. За Руриковымъ сыномъ была въ супружествѣ его дочь. У добраго Государя первые родственники, его подданные. По убѣжденію Всеволода, Князь Романъ Галицкій отпустилъ на Кіевское княженіе Ростислава Руриковича, зятя Всеволодова.

Романъ Мстиславичь *Галицкій*, мстя Полякамъ за причиненныя ему обиды, нанесъ имъ сильное пораженіе. Громкая молва о побѣдахъ его распространилась до стѣнъ древняго Рима. Папа отправилъ пословъ убѣждать Романа перемѣнить вѣру, суля ему новое могущество силою Петрова меча. Романъ, обнажа свой мечъ, отвѣчалъ: „Такой ли мечъ Петровъ у Папы? Естьли такой, то онъ можетъ раздавать города. А я, пока при бедрѣ моей буду носить сей мечъ, подражая

предкамъ, хочу получать власть и могущество славою и побѣдами."

Князь Романъ примѣромъ своимъ доказалъ, что одна отважность не ведетъ къ славѣ. Негодуя на Поляковъ, не удовлетворившихъ его по условію, снова устремился онъ въ Польскіе предѣлы, перешелъ Вислу — и погибъ. Причиной тому полагаютъ, что онъ слишкомъ отдалился отъ войска съ малою дружиною; а по словамъ Татищева, онъ подстереженъ былъ Поляками на охотѣ. Рурикъ Ростиславичь, сложа монашескій чинъ, вступилъ на Кіевскій престолъ. Сей Князь семь разъ сгоняемъ былъ съ престола, и семь разъ получалъ оный обратно.

1205 Года, Марія, супруга Всеволодова, страдавшая восемь лѣтъ на одрѣ болѣзни и чувствуя приближеніе смерти, созвала сыновъ своихъ и вѣщала: „Дѣти мои! вскорѣ отъ жизни маловременной отойду къ отцамъ моимъ. Оставшись безъ меня въ мятежномъ странствіи сего міра, храните къ Богу Вѣру и любовь; храните тихость, кротость, благодущіе и милость. Бѣдныхъ и неимущихъ надѣляйте пищею, одеждою; посѣщайте больныхъ; утѣшайте страдаль-

цевъ; не забывайте и *малѣйшаго изъ людей.* Милость возводитъ къ престолу Царя небеснаго! . . . Для васъ не щадила я ни трудовъ, ни здоровья; а вы живите въ любви, въ согласiи, и Богъ будетъ съ вами. Богъ защититъ васъ отъ покушенiй злодѣйства; съ помощiю Его попрете ногами буйство и строптивость враговъ."

И какъ будто бы предчувствуя, до чего доведутъ Россiю раздоры, междоусобiя, забвенiе добродѣтелей праотеческихъ и властолюбiе Князей, *Марiя* присовокупила: „Горе вамъ! естьли воспалитесь раздоромъ и ненавистiю; горе вамъ! вы погибнете, вы погубите землю отцевъ, наслѣдiе предковъ, прiобрѣтенное потомъ и трудами; Богъ отъ васъ отступится! . . . Скоро уже не услышите гласа материнскаго; уста ея охладѣютъ. Можетъ быть уже въ послѣднiй разъ вижу васъ и говорю съ вами. Дѣти мои! заклинаю васъ моею любовью, соблюдайте миролюбiе, будьте послушны старшему вашему брату, почитайте его отцемъ и главою семейства. А ты, старѣйшiй сынъ мой *Константинъ!* люби и храни братьевъ своихъ, какъ родныхъ чадъ; будь имъ и отцемъ и матерью!"

Князь *Константинъ Всеволодовичь* съ душевнымъ умиленіемъ внималъ наставленію нѣжной матери; каждое ея слово запечатлѣвалъ въ сердцѣ. Въ сіе самое время, по приказанію отцовскому, надлежало ему отправиться на княженіе въ *Новградъ*. Со слезами прощался онъ съ умирающею матерію; со слезами принялъ ея благословеніе. Чѣмъ болѣе удалялся *Константинъ* отъ мѣстъ, гдѣ чадолюбивая мать страдала на одрѣ болѣзни, тѣмъ болѣе скорбѣлъ и сокрушался. Любовь и сердце бываютъ вѣстниками о тѣхъ, кѣмъ живетъ наша душа! Въ Новградѣ не веселятъ его торжественные клики народа, его привѣтствовавщаго; онъ сѣтуетъ въ палатахъ, сѣтуетъ вездѣ: онъ занятъ только жребіемъ матери. Вскорѣ приходитъ плачевная вѣсть, что ее уже нѣтъ на свѣтѣ, что она прожила только осьмнадцать дней въ иноческомъ чинѣ и скончалась. Слезно возрыдалъ нѣжный сынъ и въ скорби душевной возопилъ: „Какого лишился я сокровища! Я не принялъ послѣдняго воздыханія матери моей; я не могъ предать землѣ святаго ея тѣла!“

Константинъ, изъявившій столь нѣжныя чувствія матери своей, несправедливъ былъ противъ отца. Всеволодъ, приближаясь ко

гробу, послалъ въ Ростовъ, куда Констан-тинъ переѣхалъ изъ Новгорода, и пригла-шалъ его къ себѣ. Константинъ три раза отказалъ умирающему отцу, негодуя за то, что Всеволодъ назначалъ Владиміръ брату его Юрію, а не ему. По наущенію ковар-ныхъ льстецовъ, Константинъ требовалъ Владимирской области въ придачу къ Росто-ву, предъявляя старшинство свое. Онъ дѣй-ствительно бы увѣнчалъ свое *старшинство*, естьли бъ великодушно покорился волѣ отцов-ской: онъ былъ бы *старшимъ* по праву до-бродѣтели.

Всеволодъ скончался 1212 года. Сынъ его Юрій Всеволодовичь принялъ Владимирскій, а Константинъ Ростовскій престолъ. Съ кончиною отца разторглись связи родства и миролюбія. Наушники, возжигая взаимную ихъ зависть, приготовляли междоусобіе, и заранѣе увеселялись стяжаніемъ новыхъ до-бычъ. Въ то же почти время волновались области южной Россіи. Всеволодъ Свято-славичь, названный *Чермнымъ*, получа Кіев-скій престолъ 1208 года, три раза изго-няемъ былъ изъ Кіева, а въ четвертый, по смерти Рурика Ростиславича, прибывъ изъ Чернигова въ Кіевъ, умыслилъ присвоить

себѣ всѣ удѣлы. Начались распри, воспылали междоусобія. Всеволодъ *Чермный* былъ побѣжденъ, и престолъ его занялъ Мстиславъ, сынъ *Романа Ростиславича.*

Еще ужаснѣйшія распри свирѣпствовали въ областяхъ, называвшихся тогда *Бѣлоруссіей*, и гдѣ было Великое Княжество Владимирское. Подъ предводительствомъ Всеволодовыхъ сыновъ, *Юрія* и *Константина*, братья возстали на братьевъ, родные на родныхъ. Въ сіе бѣдственное время, по словамъ Никона, кровь лилась ни за что. Богобоязненные люди оплакивали развратъ; ослѣпленные буйствовали и свирѣпствовали, подобно дикимъ звѣрямъ; жизнь человѣческая сокращалась и гибла въ мятежахъ и междоусобіяхъ. Вотъ плоды забвенія Бога, Вѣры, родства и добродѣтели!

Передъ началомъ междоусобной брани, возгорѣвшейся за Великое Княжество Владимирское, Константинъ увѣщавалъ воиновъ своихъ, что бы они не поднимали рукъ на братьевъ его. Не упомянуто, приказывалъ ли Князь Юрій щадить Князей; но извѣстно, что Князь Мстиславъ Новогородскій объявленіемъ имени своего спасся отъ предстоявшей ему смерти. Сей Князь три раза съ полками

своими вторгался въ полки Князя Юрія Всеволодовича и пораженіемъ сѣкиры распространялъ страхъ и смерть. Въ третіе покушеніе устремился на него съ мечемъ славный богатырь того времени, *Александръ Поповичъ.* Уже онъ замахнулся мечемъ; къ отвращенію смертнаго удара Мстиславъ *Новогородскій* воскликнулъ: *я Князь Мстиславъ Мстиславичъ!* При семъ имени богатырь посторонился и сказалъ: *Князь! не подвергай себя опасности; стой и смотри. Естьли погибнетъ начальникъ, то что дѣлать подчиненнымъ?*

Побѣжденный Юрій въ одной рубашкѣ прибѣжалъ во Владиміръ: подъ нимъ пали три лошади. Со слезами возопилъ онъ ко Владимирцамъ: „Затворите ворота и бейтесь!" „Съ кѣмъ затворимся," отвѣчали Владимирцы: „братья, дѣти и слуги наши или убиты, или взяты въ плѣнъ." Константинъ и Князья Мстиславъ *Новогородскій* и Владиміръ Руриковичь *Смоленскій* приступили къ городу. Въ ту самую ночь Владиміръ загорѣлся. Новогородцы и Смольяне хотѣли ворваться въ городъ; Князья ихъ удержали. На другой день Юрій предложилъ брату своему миръ и изъявилъ по-

корность. Князья приговорили отдать Константину Владимиръ и Ростовъ; а брата его Юрія присудили отправить въ *Радиловъ городецъ* и поручить ему во владѣніе прилежавшія къ оному мѣста по *Волгѣ*. Услыша сей приговоръ, Юрій вошелъ въ церковь, повергся у гроба отца своего Всеволода и воскликнулъ въ слезахъ: „Не я началъ междоусобіе, не я возсталъ на брата моего Константина; меня принудилъ къ тому братъ мой Ярославъ. Боже! будь судіею брату моему Ярославу!" Юрій и все семейство его посажены были на суда и отправлены въ назначенное мѣсто.

Изъ Владимира Константинъ пошелъ въ Переяславль, гдѣ находился Ярославъ Всеволодовичь, поощрившій Юрія къ междоусобію. Убѣжденный его прозьбами, Константинъ примирился; но тесть Ярославовъ, Князь Мстиславъ Мстиславичь, взялъ у него дочь свою, и не внемля его убѣжденіямъ, сказалъ: „Увижу, оправдаешь ли слова свои дѣлами." Изъ Переяславля Князья разъѣхались по удѣламъ своимъ.

Между тѣмъ въ области Рязанской готовилось ужаснѣйшее злодѣяніе. Глѣбъ Владимировичь *Рязанскій*, недостойный ни имени

Князя, ни имени человѣка, оклеветавъ дядей своихъ въ правленіе Всеволода, умыслилъ убить родственниковъ своихъ и захватить ихъ удѣлы. Въ заговорѣ съ ними былъ родной его братъ Константинъ. Подъ предлогомъ разпредѣленія владѣній по смерти дяди своего *Романа Глѣбовича*, пригласилъ онъ Князей на совѣщаніе. Родной его братъ *Изяславъ Владимировичь* и пятеро двоюродныхъ братьевъ прибыли въ мѣстечко *Икады*, или *Исады*. На сей вѣроломный зовъ не поспѣлъ Князь *Игорь Игоревичь*, сохраняемый Провидѣніемъ къ отмщенію злодѣямъ. Обольщая дружелюбнымъ пріемомъ обреченныя жертвы къ убійству, подлѣ пиршественнаго шатра злоумышленники учредили смертоносную ставку, гдѣ скрыли вооруженныхъ сообщниковъ. Приглашенные Князья, ничего не подозрѣвая, предались съ откровеннымъ сердцемъ пированію. Началось шумное веселіе. Въ сіе время Глѣбъ и Константинъ призвали убійцъ, и обнажа мечи, первые устремились на пирующихъ Князей. Подъ мечами злодѣевъ пало пять двоюродныхъ братьевъ и родной братъ Изяславъ Владимировичь. Злодѣяніе сіе совершилось 1217 года Іюля 20. Домогаясь самовластія въ Рязанской области, убійцы воо-

трепетали, хотя никто не укорялъ ихъ, кромѣ Бога и совѣсти. Въ смущеніи и страхѣ побѣжали они къ Половцамъ; пролитая ими кровь въ слѣдъ имъ вопіяла, что братоубійцы нигдѣ не найдутъ безопасности и спокойствія!

Видя пагубныя слѣдствія родственной вражды и чувствуя изнеможеніе силъ своихъ, Константинъ изъ *городца Радилова* пригласилъ во Владиміръ брата своего Юрія Всеволодовича. Принявъ дружелюбно семейство Юріево и щедро одаря приближенныхъ его, онъ сказалъ: „Братъ! мы живемъ въ бѣдахъ, и всѣ подвержены слабостямъ. Ничего не приносимъ мы съ собою въ міръ, и никакихъ сокровищъ изъ него не вынесемъ, кромѣ дѣлъ нашихъ. Будемъ отнынѣ жить въ любви и согласіи; а когда прейду за предѣлъ жизни, будь покровителемъ, будь отцемъ моихъ дѣтей!" Константинъ Всеволодовичь скончался 5 Февраля 1218 года.

Князь Юрій Всеволодовичь, обѣщавъ брату своему быть покровителемъ малолѣтныхъ его дѣтей, вторично вступилъ на Владимірскій престолъ.

Братоубійцы *Глѣбъ* и *Константинъ* въ сопровожденіи Половцевъ возвратились къ

разоренію Рязанской области. Съ появленіемъ ихъ начались грабительства, пожары и убійства. Двоюродный ихъ братъ *Игорь Игоревичъ*, не поспѣвшій на убійственное пиршество, одушевляясь Богомъ и Вѣрою, предсталъ къ отмщенію за кровь убіенныхъ родственниковъ. Совокупясь съ братьями своими, напалъ онъ въ верховьѣ рѣки *Прони* на Глѣба и Константина, и разсѣялъ ихъ скопище. Злодѣи снова бѣжали къ Половцамъ.

Того же года, по препорученію Князя Юрія, братъ его Святославъ Всеволодовичь воевалъ съ Болгарами, и побѣдилъ ихъ. Въ томъ же году основанъ Нижній *Новгородъ* на устьѣ *Оки*.

Уже наступало время бѣдственнаго порабощенія Россіи. Изъ крови, пролитой за прихоти Князей властолюбивыхъ; изъ разврата страстей, изъ буйства и своеволія составилась буря, разразившаяся въ нашествіе Татаръ. Около сего времени отъ непомѣрной засухи горѣли лѣса и болота; густой дымъ долгое время носился надъ землею и застилалъ звѣзды и солнце. Являлась *комета*; были и другія необычайныя знаменія;

люди трепетали, но не исправлялись: буйство страстей достигло последней степени.

И Христіанскіе, и языческіе писатели упоминаютъ о необычайныхъ знаменіяхъ, предшествовавшихъ чрезвычайнымъ перемѣнамъ въ Царствахъ земныхъ. Одному только Творцу вселенной извѣстна тайна сношенія перемѣнъ небесныхъ съ перемѣнами земными; но и для наблюдателей человѣческихъ дѣяній очевидно, что отъ разврата страстей, отъ утѣсненія общихъ выгодъ личною корыстью, отъ забвенія Вѣры и добродѣтели, происходитъ паденіе Царствъ и народовъ.

Конецъ второй Части.

Bayerische Staatsbibliothek München

140 marl

D
10.986

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Glinka, Sergej N.,

Russkaja istorija

Bd.: Č. 1(/2) (1818)

Moskva 1818

Russ. 299 o-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10784198-3